

АКАДЕМИЯ НАУК  
СССР

*Советское*  
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5

1976



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ  
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ  
И БАЛКАНИСТИКИ

# Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД  
СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

5  
1976

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. И. Лукомник, Н. И. Салехов.</i> Великий вклад Советского Союза в дело освобождения стран Центральной и Юго-Восточной Европы . . . . .	3
<i>А. М. Дикунова.</i> Экономические связи Югославии с развивающимися странами . . . . .	13
<i>Г. И. Еремеева.</i> Из истории идеологии чешского буржуазного радикализма второй половины XIX в. (Журнал Й. В. Фрича «Блавик») . . . . .	25
<i>И. Костюшко.</i> Регуляция и выкуп феодальных повинностей в Силезии в 1816—1849 годах . . . . .	37
<i>Франце Безлай (СФРЮ).</i> Немецкое <i>Himmel (reich)</i> и славянское * <i>iriĵ, vugiĵ</i> . . . . .	62

## ИСТОРИЯ СЛАВИСТИКИ

<i>Рышард Гурский (ПНР).</i> О достижениях польской фольклористики . . . . .	69
<i>Даниэль Вовуа (Франция).</i> Основные этапы развития французской славистики . . . . .	87

## ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>М. А. Бирман.</i> Богдан Баров — автор первого романа о болгарских рабочих . . . . .	96
---	----

## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>К. Большакова.</i> Je. Jaros. Historia gornictwa w glowego w Polsce Ludowej (1945—1970) . . . . .	100
<i>Т. Кургушнян.</i> Ценное исследование по истории международных отношений в Европе 20—30-х годов XX века . . . . .	101

ЖУРНАЛ  
ОСНОВАН  
В 1965  
ГОДУ

МОСКВА

<i>В. А. Тесемников, В. К. Терехов.</i> Ю. А. Писарев. Образование югославского государства (Первая мировая война. Освободительная борьба югославских народов Австро-Венгрии. Крушение монархии Габсбургов) . . . . .	102
<i>Б. Флоря.</i> «Poselství z Prahy do Moskvy roku 1589». . . . .	104
<i>И. К. Горский.</i> Я. В. Станюкович. Реализм Марии Домбровской . . . . .	105
<i>Б. А. Плотников.</i> Именное склонение в славянских языках. XI — XIV вв. Лингвистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности . . . . .	108

#### Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1975 г. (продолжение) . . . . .	109
Содержание иностранных журналов . . . . .	116

#### РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**И. И. КОСТЮШКО** (главный редактор), **И. Ф. БЭЛЗА**, **Л. Б. ВАЛЕВ**, **В. Г. КАРАСЕВ**,  
**В. Д. КОРОЛЮК** (зам. главного редактора), **Д. Ф. МАРКОВ**, **И. С. МИЛЛЕР**,  
**А. И. НЕДЕРЕЗОВ**, **Ю. А. ПИСАРЕВ**, **Г. М. СЛАВИЦ**, **Б. Ф. СТАХЕЕВ** (зам. главного редактора), **Н. И. ТОЛСТОЙ** (зам. главного редактора), **И. М. ШЕПТУНОВ**, **Я. Б. ШМЕРАЛЬ**

Ответственный секретарь **В. В. ЗЕЛЕНИН**

*Адрес редакции:* Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.  
Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Козловская*



И. И. ЛУКОМНИК, Н. И. САЛЕХОВ

## ВЕЛИКИЙ ВКЛАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ДЕЛО ОСВОБОЖДЕНИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В истории Великой Отечественной войны Советского Союза и второй мировой войны в целом особое место занимают операции Советской Армии 1943—1945 гг., в ходе которых на огромном пространстве советско-германского фронта развернулись сражения гигантского масштаба, приведшие к полному изгнанию немецко-фашистских захватчиков с советской земли и освобождению народов Центральной и Юго-Восточной Европы от гитлеровского ига.

Руководствуясь ленинскими принципами пролетарского интернационализма, Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство с самого начала Великой Отечественной войны поставили перед народами СССР и Советской Армией задачу не только ликвидировать смертельную опасность, нависшую над нашей Родиной, но и оказать помощь славянским и другим народам европейских стран, стонавшим под игом фашистской оккупации<sup>1</sup>. Решительная борьба Советской Армии, всего советского народа против гитлеровской Германии, сковавшая главные силы фашистского вермахта, создала благоприятные условия для развертывания в оккупированных странах Европы вооруженной освободительной борьбы, различных форм антифашистского движения Сопротивления.

Это движение возглавили коммунистические и рабочие партии. 22 июня 1941 г., в день вероломного нападения фашистской Германии на СССР, ЦК Коммунистической партии Югославии призвал народы Югославии, всех рабочих и крестьян, молодежь к вооруженной борьбе против фашистских захватчиков<sup>2</sup>. В июле 1941 г. начались первые сражения против оккупантов, и вскоре вооруженная борьба приобрела широкий размах. Осенью 1941 г. развернулось партизанское движение в Греции и Албании. Несмотря на многочисленные жертвы, чехословацкие коммунисты шли в первых рядах борцов антифашистского Сопротивления. Под руководством созданной в январе 1942 г. Польской рабочей партии в Польше, наряду с различными формами Сопротивления, расширилось партизанское движение. Нарастала антифашистская борьба в странах-сателлитах фашистской Германии (Болгария, Венгрия, Румыния).

<sup>1</sup> «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы», т. I. М., 1946, стр. 118—119.

<sup>2</sup> «Zbornik dokumenata i podataka o Narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda», т. I, knj. 1. Beograd, 1949, с. 11—17.

В советской и прогрессивной зарубежной литературе правдиво освещаются события второй мировой войны; напротив, в западных странах, особенно в США, Англии и ФРГ, в многочисленных популярных изданиях, военно-исторических исследованиях, мемуарной литературе и тенденциозно подобранных документальных публикациях история минувшей войны, и в особенности освободительная миссия СССР и его роль в войне преподносятся в искаженном свете.

Фальсификаторы истории пользуются тем обстоятельством, что многие важные документы, которые могли бы способствовать объективному освещению истории войны и политики правящих кругов западных стран, содержатся в секретных архивах и досье. Как свидетельствует американский профессор Барнс, ряд «компрометирующих документов был изъят из официальных архивов и, по-видимому, уничтожен. Секретная, имеющая неограниченное значение переписка между Рузвельтом и Черчиллем была спрятана и, вероятно, уничтожена». Кроме того, был принят особый закон, запретивший разглашать содержание этой переписки. По мнению Барнса, полное собрание их посланий вообще едва ли будет обнаружено<sup>3</sup>.

Все это на руку буржуазным фальсификаторам истории, в публикациях которых «в ложном свете представляется освободительная миссия Советских Вооруженных Сил, которым приписываются чуждые им вследствие самой социальной природы Советского государства экспансионистские намерения. Фальсифицированная подобным образом историография второй мировой войны сливается в одно целое с пропагандой откровенного империализма»<sup>4</sup>.

Однако никакие буржуазные фальсификации не в состоянии стереть из памяти народов великий подвиг советских людей. Всему миру известно, что Советский Союз вынес на своих плечах главную тяжесть войны против фашистских агрессоров. Неоценимая помощь СССР народам почти всей Европы, оккупированной гитлеровцами, в их борьбе с захватчиками состояла прежде всего в том, что на протяжении всей войны советско-германский фронт был главным, решающим фронтом, где перемалывались отборные силы и боевая техника немецко-фашистских войск и их союзников. Здесь в начале 1944 г. действовала 201 немецко-фашистская дивизия, в то время как на других фронтах — лишь 19,5 дивизий<sup>5</sup>. Именно на советско-германском фронте решалась судьба многих государств и народов.

В советском народе и его Вооруженных Силах поработанные гитлеровцами народы видели мощную опору в их освободительной борьбе, защитника их интересов. Успехи Советской Армии способствовали усилению движения Сопротивления в захваченных фашистами странах, перерастанию его в вооруженную борьбу против гитлеровских оккупантов. В то же время освободительное движение было важной поддержкой советскому народу. В этом ярко проявилось единство интересов советского народа и трудящихся других стран.

Завершив освобождение своей Родины от оккупантов, Советская Армия в 1944 г. перешла границу СССР, чтобы завершить разгром фашистской Германии и содействовать освобождению братских народов. Армия Страны Советов не вмешивалась во внутренние дела и государственное устройство освобождаемых стран. В директиве Государственного Комитета Обороны СССР от 10 апреля 1944 г. накануне перехода румынской границы указывалось: «В занятых Красной Армией районах румынских

<sup>3</sup> См. «Критика буржуазной историографии». М., Политиздат, 1972, стр. 286.

<sup>4</sup> «История второй мировой войны. 1939—1945», т. I. М., 1973, стр. VI.

<sup>5</sup> «История КПСС», т. 5. М. 1970, стр. 567.

порядков не ломать и советских порядков не вводить. Сохранить все существующие румынские органы власти и существующую систему экономического и политического устройства»<sup>6</sup>.

Разгром фашистских войск в Яско-Кишиневской операции (20—29 августа 1944 г.) способствовал усилению освободительной борьбы румынского народа. Созданный по инициативе Коммунистической партии Румынии Антигитлеровский патриотический фронт, в который вошли КПП, «Земледельческий фронт», «Союз патриотов», социал-демократы и другие организации, активизировал свою деятельность. Создавались вооруженные отряды, был организован штаб восстания и разработан детальный план его проведения. 23 августа 1944 г. началось восстание: было арестовано правительство Антонеску и заняты важнейшие правительственные объекты. Румыния вышла из войны на стороне фашистского блока и через два дня объявила войну гитлеровской Германии. Войска 2-го Украинского фронта с боями продвигались в глубь страны, 30 августа 1944 г. освободили Плоешти и на другой день вошли в Бухарест, занятый восставшими румынскими патриотическими силами. Вместе с советскими войсками в Бухарест вступила 1-я Румынская добровольческая дивизия, сформированная в СССР из румынских военнопленных.

В ожесточенных боях за освобождение Румынии отдали жизнь 69 тыс. советских солдат и офицеров. 155 соединениям и частям Советской Армии, отличившимся в борьбе с врагом на румынской земле, были присвоены почетные наименования Ясских, Фокшанских, Бухарестских и др., 258 соединений и частей награждены орденами. Москва 13 раз салютовала отважным войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов, Черноморского флота и Дунайской флотилии. Лишь за август — октябрь 1944 г. более 50 тыс. советских воинов — участников освобождения Румынии были награждены орденами и медалями, многим из них было присвоено звание Героя Советского Союза. Румынское правительство так же высоко оценило подвиги советских воинов: свыше 37 тыс. солдат и офицеров были награждены румынскими орденами и медалями<sup>7</sup>.

Вместе с советскими войсками с 23 августа 1944 г. до конца войны сражались против фашистских захватчиков более 500 тыс. воинов румынской армии, участвовавших в освобождении своей страны, а затем Венгрии и Чехословакии.

За мужество и героизм свыше 190 тыс. румынских солдат и офицеров были награждены советскими орденами и медалями, тысячи из них удостоены венгерских и чехословацких наград. «В огне войны против фашизма, — говорил Г. Георгиу-Деж, — ковалось румыно-советское братство по оружию, крепла братская дружба нашего народа с народом страны победившего социализма, горячая признательность к Советской Армии-освободительнице, солдаты которой проливали свою кровь во имя свободы нашей страны»<sup>8</sup>. Воздавая должное советскому народу-освободителю, Генеральный секретарь РКП Н. Чаушеску в речи в связи с 25-летием освобождения Румынии указывал: «Мы выражаем чувства глубокой благодарности и признательности румынского народа Советскому Союзу, его славной армии, которые внесли решающий вклад в освобождение Румынии от гитлеровского господства»<sup>9</sup>.

<sup>6</sup> «Вторая мировая война и современность», М., 1972, стр. 230.

<sup>7</sup> «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне». М., 1974, стр. 174.

<sup>8</sup> «Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк». М., 1973, стр. 338.

<sup>9</sup> «Scinteia», 23 VIII 1969. В порядке помощи румынскому народу Советским Союзом безвозмездно было передано Румынии из числа трофеев: 23 торговых судна, 18 военных кораблей, 115 паровозов, 23 тыс. железнодорожных вагонов, 2 тыс. автомашин,

С приближением Советской Армии к границам Болгарии усиливалась борьба болгарского народа против фашистских правителей, сотрудничавших с гитлеровцами. Демократические силы, объединенные в Отечественном фронте, возглавляемом Болгарской рабочей партией, готовились к свержению ненавистного им режима.

30 августа 1944 г. Советское правительство направило правительству Болгарии ноту, в которой указывалось, что «по достоверным данным, Болгарское правительство продолжает пропускать немецкие войска на румынскую территорию, где стоят советские войска», что являлось прямой помощью гитлеровцам<sup>10</sup>. Болгарские правители, однако, не решались пойти на разрыв с фашистской Германией, и 5 сентября Советское правительство заявило, что расценивает их политику «нейтралитета», как «фактическое ведение войны в лагере Германии против Советского Союза... Советский Союз отныне будет находиться в состоянии войны с Болгарией»<sup>11</sup>. 8 сентября советские войска вступили на территорию Болгарии. Болгарский народ радостно встречал советских освободителей. ЦК БРП и Главный штаб Народно-освободительной повстанческой армии решили начать вооруженное восстание в Софии, где располагалось большинство воинских частей, которые примкнули к Отечественному фронту. Восстание, начавшееся в ночь на 9 сентября, завершилось быстрым и полным успехом. Было создано правительство Отечественного фронта. В тот же день оно объявило войну Германии.

После реорганизации старой армии и создания новой Народной армии уже 17 сентября 1944 г. правительство Отечественного фронта передало ряд ее соединений в оперативное подчинение 3-го Украинского фронта. В дальнейшем ходе боевых действий в тесном содружестве с Советской Армией успешно действовали и войска болгарской Народной армии.

Болгарское правительство Отечественного фронта высоко оценило подвиги советских воинов, участников освобождения Болгарии, наградив 350 воинов орденами и свыше 50 тыс. медалью «Отечественная война 1944—1945 гг.». Советское правительство наградило орденами 360 болгарских солдат и офицеров и до 120 тысяч — медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»<sup>12</sup>.

Советский Союз оказал помощь болгарскому народу и в восстановлении разрушенного войной хозяйства и нормализации всей жизни страны. «Когда советские войска покинули нашу страну, — писал Г. Димитров, — народ расставался с ними с чувством глубокой любви и признательности. Наш народ никогда не забудет, что... советские офицеры и солдаты оказали нам братскую помощь в культурном и хозяйственном строительстве. Многие советские бойцы сменили свои танки на тракторы и жнейки, помогая нашим крестьянам в их борьбе с засухой и неурожаем»<sup>13</sup>.

Советский Союз всемерно содействовал освободительной борьбе и народов Чехословакии. В феврале 1942 г. на территории СССР был сформирован отдельный чехословацкий батальон, командиром которого стал подполковник Л. Свобода. Боевое крещение батальон получил на Воронежском фронте, в районе села Соколово, где чехословацкие и советские воины с 8 по 13 марта 1943 г. совместно отбивали ожесточенные

2 тыс. тракторов. «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. Военно-исторический справочник». М., 1972, стр. 211.

<sup>10</sup> «Внешняя политика Советского Союза...», т. II, стр. 198, 199.

<sup>11</sup> Там же, стр. 201.

<sup>12</sup> «Освободительная миссия...», стр. 200.

<sup>13</sup> Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. II. М., 1968, стр. 601.

атаки немецких войск<sup>14</sup>. В 1943 г. на базе батальона была создана 1-я отдельная чехословацкая бригада. В ноябре 1943 г. она в составе войск 1-го Украинского фронта участвовала в боях за Киев. Накануне наступления командир бригады обратился к личному составу со словами: «Сражайтесь за Киев так, как вы стали бы сражаться за Прагу или Братиславу». Чехословацкие воины с честью вышолнили этот наказ<sup>15</sup>. За участие в боях за Киев бригада была отмечена в приказе Верховного Главнокомандующего и награждена орденом Суворова II степени, став первым иностранным воинским соединением, награжденным советским орденом. Офицерам А. Сохору и Р. Тесаржику было присвоено звание Героев Советского Союза, а командир бригады Л. Свобода был награжден орденом Суворова II степени.

В мае 1944 г. из СССР началась переброска советских и чехословацких партизанских групп на территорию Словакии. Здесь они быстро вырастали в крупные отряды. Сюда же были направлены советские партизанские соединения А. С. Егорова, В. А. Карасева, В. А. Квитинского, М. И. Шукаева и др. В октябре 1944 г., по неполным данным, на территории Словакии активно действовали 7 соединений, 12 отдельных бригад и более 70 отрядов, насчитывавших более 35 тыс. партизан<sup>16</sup>. Потребности партизан Словакии в оружии, боеприпасах и т. д. обеспечивались через Украинский штаб партизанского движения.

Словацкое марионеточное правительство, напуганное ростом партизанского движения, запросило помощь у Гитлера. 29 августа гитлеровские войска вошли в Словакию. На это народ ответил вооруженным восстанием, которое возглавили видные деятели КПЧ К. Шмидке, Г. Гусак, Л. Новомеский, Я. Шверма и др. В нем участвовало до 16 тыс. партизан. На сторону повстанцев перешли некоторые части словацкой армии. Против восставших были брошены крупные фашистские формирования.

Посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер и Генеральный секретарь ЦК КПЧ К. Готвальд обратились к Советскому правительству с просьбой о помощи. 2 сентября Ставка Верховного Главнокомандования приказала советским войскам, несмотря на большие трудности, связанные с преодолением Карпат, а также усталостью от длительных наступательных боев, провести операцию по оказанию помощи Словацкому восстанию и соединиться с повстанцами.

Наступление началось 8 сентября из района Кросно на Дуклю и далее на Прешов. В этой операции вместе с советскими войсками наступал и 1-й Чехословацкий армейский корпус. Преодолевая сложную горно-лесистую местность и ожесточенное сопротивление противника, советские и чехословацкие войска прорвали оборону немецко-фашистских войск и 6 октября овладели Дуклинским перевалом.

Хотя гитлеровцам ценою больших потерь удалось оккупировать на короткое время освобожденную повстанческой армией территорию, Словацкое восстание явилось выдающимся событием в истории чехословацкого народа. Оно способствовало развалу марионеточного словацкого государства, стало началом национально-демократической революции. В ходе Пражской операции в начале мая 1945 г. Чехословакия была освобождена от гитлеровской оккупации.

Оценивая значение помощи Советского Союза Чехословакии, член президиума ЦК КПЧ, секретарь ЦК КПЧ В. Биляк писал: «В борьбе народа Чехословакии против гитлеровских оккупантов, за свободу и не-

<sup>14</sup> М. М о н и н. Из истории боевого содружества советских и чехословацких войск. «Военно-исторический журнал», 1969, № 2, стр. 32.

<sup>15</sup> «Великая Отечественная война...», стр. 224.

<sup>16</sup> Там же, стр. 340—341.



зависимость решающее значение имела бескорыстная политическая, моральная и материальная помощь Советского Союза... Наш народ полностью отдает себе отчет в том, что... без победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, без его интернациональной помощи после освобождения... не было бы социалистической Чехословакии»<sup>17</sup>.

К выходу Советской Армии на границу Югославии пламя народно-освободительной войны бушевало в ней уже три года. Народно-освободительная армия, насчитывавшая к тому времени около 400 тыс. бойцов, освободила большую часть страны. Здесь под руководством Коммунистической партии происходили важные революционные преобразования.

В сентябре 1944 г. Верховный Главнокомандующий НОАЮ маршал И. Б. Тито вылетел в Москву, где было заключено соглашение о совместных действиях НОАЮ и Советской Армии по освобождению восточной части Югославии от захватчиков. По указанию Советского правительства были организованы специальные базы снабжения в Крайове (Румыния) и Софии (Болгария), с которых боевая техника и другие виды снаряжения доставлялись самолетами в Югославию. В сентябре 1944 г. Государственным Комитетом Обороны СССР было принято решение передать Югославии авиационную группу в составе двух авиационных дивизий (истребительной и штурмовой), а также необходимое вооружение и снаряжение для 12 стрелковых и двух авиационных дивизий<sup>18</sup>.

В целях быстрее освобождения восточных районов страны и столицы Югославии Белграда были выделены следующие советские войска: из 3-го Украинского фронта 57-я армия, одна дивизия фронтового подчинения, 4-й гвардейский механизированный корпус и другие соединения. Они имели 2200 орудий и минометов, 149 реактивных установок, около 360 танков и самоходно-артиллерийских установок. Их поддерживала 17-я воздушная армия (до 1300 самолетов) и Дунайская военная флотилия (80 кораблей, главным образом бронекатеров). Из 2-го Украинского фронта на территории Югославии севернее Дуная должны были действовать войска 46-й армии, поддерживаемые частью сил 5-й воздушной армии. В освобождении некоторых районов Югославии приняли участие и соединения болгарской Народной армии<sup>19</sup>.

28 сентября 1944 г. Советское правительство выступило с заявлением, в котором было указано, что после выполнения оперативных задач, поставленных перед Советской Армией, ее войска будут выведены из Югославии, а в период их пребывания на ее территории там будет по-прежнему действовать администрация НКОЮ. В этот же день внезапно для противника войска 57-й армии перешли югославскую границу и развернули общее наступление. Преодолевая упорное сопротивление вражеских сил, советские войска продвигались в глубь страны и 11 октября их передовые части соединились с 1-й армейской группой НОАЮ.

12 октября в бой был введен 4-й гвардейский механизированный корпус, который совместно с частями НОАЮ 14 октября ворвался в Белград. Развернулись ожесточенные бои с двадцатитысячной группировкой врага, оборонявшей город и с равной ей по численности группой противника, прорывающегося в столицу с юга.

<sup>17</sup> В. Б и л я к. Революционные плоды великого подвига. «Коммунист», 1975, № 6, стр. 52.

<sup>18</sup> См. В. З е л е н и н. Советский Союз и освободительная борьба зарубежных славянских народов в годы второй мировой войны. «Советское славяноведение», 1972, № 5, стр. 10—11.

<sup>19</sup> «Великая Отечественная война...», стр. 344.

20 октября Белград был полностью очищен от фашистских захватчиков.

Тысячи советских воинов, проявивших высокое боевое мастерство, мужество и отвагу в боях на югославской земле, награждены советскими орденами и медалями. В честь освобождения столицы Югославии Президиумом Верховного Совета была учреждена медаль «За освобождение Белграда». Ею награждено более 67 тыс. участников этих боев. 20 частей и соединений удостоены наименования Белградских, 30 награждены орденами. 300 бойцов и офицеров НОАЮ, храбро сражавшихся вместе с войсками Советской Армии, награждены орденами и медалями СССР. Правительством Югославии наградило свыше 2000 советских воинов, а 13 отважным представителям Советской страны присвоено высокое звание Народного Героя Югославии<sup>20</sup>.

За годы войны Советский Союз передал Югославии 5,8 тыс. орудий и минометов, 69 танков, 491 самолет, 155,3 тыс. винтовок и карабинов, свыше 15,5 тыс. пулеметов и более 38 тыс. автоматов. В 1944 г. по просьбе югославского правительства было направлено свыше 50 тыс. тонн зерна и муки, хотя как известно, советские люди сами остро нуждались в продовольствии<sup>21</sup>.

Оценивая вклад Советского Союза в дело освобождения югославского народа, маршал Югославии И. Б. Тито подчеркивал, что «без СССР была бы невозможна победа над фашистскими захватчиками, было бы невозможно освобождение Югославии, было бы невозможно создание новой Югославии»<sup>22</sup>.

Участие советских войск в освобождении восточных областей Югославии имело большое значение не только для этой страны. В результате успешного наступления войск Советского Союза и Народно-освободительной армии Югославии при участии болгарских войск были разбиты 19 гитлеровских дивизий и бригад, в том числе 6 дивизий, переброшенных из Греции и Албании в Югославию<sup>23</sup>. Тем самым была облегчена задача освобождения Греции и Албании от фашистских оккупантов.

К осени 1944 г., когда советские войска подошли к границам Венгрии, политическая обстановка в стране была сложной. Венгрия оставалась единственной союзницей фашистской Германии, активно сражавшейся на ее стороне. Однако под влиянием побед Советской Армии в стране росло сопротивление народных масс, выступавших против войны и фашизма. Их борьбой руководил Всевенгерский фронт антифашистских сил, возглавляемый компартией Венгрии.

Осенью 1944 г. начали действовать партизанские отряды в районах Мишкольца, Бюкк, в горах Северной Трансильвании и других местностях. 12 октября советские войска освободили Орадя, а 20 октября в результате напряженных боев — Дебрецен. Гитлеровцы пополнили свои войска и усиливали сопротивление. Особенно затяжной и ожесточенный характер носили бои против будапештской группировки вражеских войск, насчитывавшей 188 тыс. человек. В связи с выходом войск 3-го Украинского фронта к северо-востоку от озера Балатон войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов 24 декабря была поставлена задача совместными ударами с северо-востока, востока и юго-запада завершить окружение и разгром будапештской группировки противника. В оперативном подчинении 3-го Украинского фронта действовала 1-я болгарская армия. В боевых действиях 2-го Украинского фронта принимала участие 4-я румынская армия.

<sup>20</sup> Там же, стр. 345—346.

<sup>21</sup> «Освободительная миссия...», стр. 229.

<sup>22</sup> «Великая Отечественная война...», стр. 346.

<sup>23</sup> «Освободительная миссия...», стр. 231.

Временное правительство Венгрии, избранное Временным национальным собранием 22 декабря 1944 г. в Дебрецене, разорвало отношения с фашистской Германией, а 28 декабря объявило ей войну.

В конце декабря будапештская группировка была окружена. Предложение о капитуляции фашистским командованием было отклонено. 18 января 1945 г. после многодневных кровопролитных упорных сражений советские войска овладели восточной частью Будапешта — Пештом. А 13 февраля столица Венгрии была полностью освобождена от противника<sup>24</sup>. Высокое мастерство, массовый героизм, выдержку и организованность проявляли советские воины, сражавшиеся в трудных условиях местности, в крупных городах, при форсировании больших водных преград. Советское правительство высоко оценило эти боевые усилия солдат и офицеров. Многие были награждены орденами и удостоены звания Героя Советского Союза, более 349 тыс. воинов награждены медалью «За взятие Будапешта». 11 раз Москва салютовала в честь войск, освободивших венгерский народ, 140 соединений, частей и подразделений получили наименования Будапештских, Дебреценских, Дунайских и др., более 400 награждены орденами.

В борьбе с врагом на венгерской земле крепла и закалялась братская дружба народов. Вместе с советскими воинами здесь сражались болгарские, румынские, а также и югославские войска, венгерские партизаны и бойцы Сопротивления, а также около 2500 венгерских воинов Будайского добровольческого полка. 4 апреля Советская Армия полностью завершила освобождение от фашистских захватчиков территории Венгрии. Этот день решением Президиума ВНР был объявлен национальным праздником венгерского народа, праздником «вечной благодарности, горячей любви, дружеской и союзнической верности венгерского народа своему освободителю, защитнику независимости Венгрии, главному стражу и могучей опоре мира — Советскому Союзу, доблестной Советской Армии»<sup>25</sup>.

В ходе совместной борьбы советского и польского народов против гитлеровских захватчиков сложилось и окрепло боевое советско-польское содружество. В 1943 г. в СССР была организована 1-я польская дивизия имени Т. Костюшко. Боевое крещение дивизия получила 12—13 октября 1943 г. в бою в районе села Ленино Могилевской области. Проявив стойкость и героизм дивизия с честью выполнила поставленную перед ней задачу. 242 польских воина были награждены советскими орденами и медалями, а трое удостоены звания Героя Советского Союза.

В 1943—1944 гг. на территории СССР была сформирована 1-я Польская армия. С приближением советских войск к границам Польши все более широкое развитие приобретала освободительная борьба польского народа, возглавляемая Польской рабочей партией.

В начале 1944 г. на базе Гвардии людовой была организована Армия людова — народная вооруженная сила, которая должна была сплотить в своих рядах всех, желающих сражаться за независимость родины. На территорию Польши были перебазированы 7 советских партизанских соединений и 26 отдельных отрядов, насчитывавших около 12 тыс. бойцов.

17 июля 1944 г. передовые части 1-го Украинского фронта пересекли границу Советского Союза и, форсировав Западный Буг, захватили плацдарм в районе Доброчина. В то же время войска 1-го Белорусского фронта, в составе которых действовала и 1-я Польская армия под командованием генерала З. Берлинга, начали наступление на люблинском направлении. 22 июля был освобожден город Хелм, а 24 июля — Люблин. Продолжая

<sup>24</sup> Там же, стр. 287—288.

<sup>25</sup> «Великая Отечественная война...», стр. 349, 371.

наступление, войска вышли к Висле и заняли Демблин и Пулавы, захватили важный плацдарм на левом берегу Вислы в районе Магнушева. В боях за удержание этого плацдарма героически сражались бойцы 3-й и 2-й пехотных дивизий, танковой бригады и других частей 1-й Польской армии.

14 сентября 47-я армия и действовавшая в ее составе 1-я пехотная дивизия им. Т. Костюшко после пятидневных тяжелых боев освободили предместье Варшавы — Прагу. Президиум Верховного Совета СССР наградил за выдающиеся боевые заслуги 1-ю пехотную дивизию орденом Красного Знамени, а 1-му пехотному полку этой же дивизии было присвоено почетное наименование — Пражский.

Войска 2-го Белорусского фронта, действовавшие во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом, вступив на территорию Польши в районе Волокуш, 27 июля освободили крупный промышленный центр Польши — Белосток.

Выход советских войск к Висле обеспокоил польские реакционные круги. По указанию польского эмигрантского правительства подчиняющаяся ему Армия крайова подняла 1 августа 1944 г. восстание в Варшаве, не согласовав эти действия с советским командованием. Советские войска оказывали всемерную помощь повстанцам, снабжая их по воздуху боевой техникой и др. Несмотря на героическую борьбу варшавян, гитлеровцам удалось подавить восстание. Они варварски расправились с восставшими и разрушили столицу Польши Варшаву. 12 января 1945 г. начался второй этап освобождения Польши — Висло-Одерская операция, явившаяся основной частью грандиозного стратегического наступления Советских Вооруженных Сил, развернувшегося на 1200-километровой полосе советско-германского фронта. 17 января была освобождена Варшава.

Советское правительство оказало большую помощь в восстановлении погтонного моста между Варшавой и Прагой (предместьем Варшавы), восстановлении электростанции и водопровода. Жителям Варшавы было направлено безвозмездно 60 тыс. тонн муки и много медикаментов. Продолжая наступление, советские войска освободили Лодзь, в Познани был окружен 62-тысячный гарнизон гитлеровцев. К концу января войска оккупантов были изгнаны из всего Верхне-Силезского промышленного района и Домбровского бассейна. Освобождение Польши было завершено при осуществлении Берлинской и Пражской операций.

За время боевых действий Советской Армии при участии Войска Польского, продолжавшихся в течение девяти месяцев, на территории Польши было разгромлено 170 дивизий противника, из них 100 дивизий были уничтожены.

За героизм, проявленный в боях на польской земле, 1382 советским воинам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Правительство народной Польши наградило польскими орденами и медалями 36 тыс. солдат, офицеров и генералов Советской Армии.

Выражая чувства глубокой благодарности польского народа за освобождение Польши от фашистских поработителей, правительство Польши заявило: «Польский народ никогда не забудет, что он получил свободу и возможность восстановления своей независимой государственной жизни благодаря блестящим победам советского оружия и благодаря обильно пролитой крови героических советских бойцов»<sup>26</sup>.

Победа над сильным, коварным и опасным врагом потребовала от Советского Союза напряжения всех сил, стоила огромных человеческих жертв, были израсходованы колоссальные материальные средства.

<sup>26</sup> «Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (1941—1945). Документы и материалы». М., 1961, стр. 615.

При помощи СССР были созданы многие иностранные воинские формирования, общая численность которых составляла 550 тыс. бойцов<sup>27</sup>.

Советский Союз за период войны вооружил и подготовил 60 дивизий и бригад пехоты и других родов войск, а также много других частей<sup>28</sup>. Им было предоставлено: винтовок и карабинов почти 500 тыс., свыше 160 тыс. автоматов, около 29 тыс. ручных и станковых пулеметов, свыше 11 тыс. противотанковых ружей, 16,5 тыс. орудий и минометов, около 1000 танков и самоходно-артиллерийских установок, более 1000 самолетов<sup>29</sup>. Финансовые затраты на содержание, например, польских формирований, а также снабжение их всеми видами боевой техники, военного имущества и продовольствия составили 723 264 095 рублей<sup>30</sup>.

С территории нашей страны партизанским отрядам перебрасывались командиры, радисты, подрывники, оружие, боеприпасы, взрывчатка и др.

Советский народ и его славные Вооруженные Силы, подчеркивал Л. И. Брежнев, «с честью выполнили свою великую освободительную миссию. Они оказали братскую помощь народам Европы и Азии в их борьбе за свободу и национальную независимость, помогли и германскому народу освободиться от фашизма»<sup>31</sup>.

Советский народ высоко ценит значительный вклад, внесенный народами стран Центральной и Юго-Восточной Европы, всех оккупированных стран Европы в общую борьбу великой антигитлеровской коалиции в дело разгрома фашизма.

«Мужественная борьба возглавленной коммунистами Народно-освободительной армии Югославии, подвиги армий и соединений, сформированных патриотами Польши и Чехословакии, народные восстания в Словакии, Румынии, Болгарии, освободительная борьба албанского народа, движение Сопротивления, действия партизанских отрядов во Франции, Италии и других странах, борьба антифашистского подполья в стане противника — все это в конечном итоге слилось с борьбой советского народа в один могучий поток, смывший коричневую грязь с карты Европы»<sup>32</sup>.

<sup>27</sup> «История КПСС», т. 5, стр. 577.

<sup>28</sup> «Освободительная миссия...», стр. 8.

<sup>29</sup> «Новые документы о Великой Отечественной войне». «Коммунист», 1975, № 7, стр. 54—55.

<sup>30</sup> Там же, № 6, стр. 47.

<sup>31</sup> Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1970, стр. 139.

<sup>32</sup> Л. И. Брежнев. Великий подвиг советского народа. М., 1975, стр. 7—8.



А. М. ДИКУНОВА

## ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЮГОСЛАВИИ С РАЗВИВАЮЩИМИСЯ СТРАНАМИ

Югославия за сравнительно короткий исторический срок после установления народной власти превратилась из отсталой, аграрной в развитую индустриально-аграрную страну. Ускоренными темпами развивалась ее промышленность. По сравнению с 1946 г. промышленное производство в 1974 г. увеличилось в 17,5 раза<sup>1</sup>. В стране построены сотни новых заводов и фабрик, шахт и электростанций, новые индустриальные центры. Высокие темпы развития промышленности обусловлены более полным использованием действующих производственных мощностей и пуском в эксплуатацию новых объектов: были созданы современные отрасли промышленности, такие как электротехническая, химическая, машиностроительная, автомобильная и другие, освоено выпуск десятков тысяч видов новой продукции. Построено и реконструировано 30 тыс. километров автомобильных и железных дорог<sup>2</sup>. Благодаря интенсивному развитию промышленного производства Югославия сумела опередить те страны Европы, на уровне развития которых она находилась до войны (Турцию, Грецию, Португалию, Испанию). Предусматривается опережающее развитие наиболее прогрессивных и перспективных для страны отраслей промышленности. Планируются ускоренные темпы роста нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии, химической и электротехнической отраслей, что приведет к дальнейшему повышению их удельного веса в промышленности СФРЮ.

Значительных успехов добились труженики сельского хозяйства. Сельскохозяйственное производство возросло вдвое<sup>3</sup>, созданы крупные аграрно-промышленные комбинаты. «Предприятия социалистического сектора сельского хозяйства, особенно аграрно-промышленные комбинаты, по урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства достигают показателей государств с наиболее развитым сельским хозяйством. Однако, несмотря на достигнутые результаты, сельское хозяйство СФРЮ не полностью реализовало свои сельскохозяйственные возможности, поскольку при наличии высокотоварных предприятий социалистического сектора в сельском хозяйстве насчитывается 2,6 млн индивидуальных хозяйств»<sup>4</sup>. В 1973 г. в Югославии была принята программа долгосрочного развития сельского хозяйства — до 1985 г. Предполагается, что рост сельскохозяйственного производства до 1985 г.

<sup>1</sup> «Социалистическая Федеративная Республика Югославия». М., 1975, стр. 48.

<sup>2</sup> «Коммунист», 1975, № 17, стр. 96.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> «Социалистическая Федеративная Республика Югославия», стр. 48.

будет составлять 2,8% в год, в том числе в социалистическом секторе — 5,5—6, а в частном — 1,8—2,5%<sup>5</sup>. В соответствии с принятой программой изменится структура сельскохозяйственного производства в пользу животноводства, садоводства и овощеводства с целью улучшения снабжения населения продуктами питания и удовлетворения растущих потребностей туризма и экспорта продуктов сельского хозяйства.

За послевоенные годы значительное развитие получили и остальные отрасли народного хозяйства: строительство, транспорт, связь, торговля и туризм.

Достижения в развитии народного хозяйства позволили осуществить ряд мер по повышению жизненного уровня населения. С 1947 г. по 1973 г. национальный доход увеличился почти в 5 раз, а в пересчете на душу населения в 3,7 раза. В результате национальный доход на душу населения составляет примерно 900 долл. (в 1952 г. — 149 долл.)<sup>6</sup>. Значительное внимание в Югославии уделяется мероприятиям, проводимым в области здравоохранения и социального обеспечения трудящихся. В широких масштабах ведется жилищное строительство.

Достигнуты большие успехи и в культурном строительстве. Ныне в Югославии насчитывается свыше трех миллионов человек, имеющих более чем восьмиклассное образование, в вузах страны обучается в 18 раз больше студентов, чем до войны<sup>7</sup>. В республике вырос крупный отряд национальной интеллигенции.

Эти успехи явились результатом большой работы, проделанной Союзом коммунистов Югославии и всем трудовым народом.

Значительную роль в развитии народного хозяйства Югославии играют ее внешнеэкономические связи. За годы существования народной власти достигнуты определенные успехи в области экономического сотрудничества с другими странами. «Удельный вес Югославии в мировом внешнеторговом обороте за 1955—1973 гг. возрос с 0,3 до 1,2%. Отношение объема югославского экспорта к объему создаваемого в стране национального дохода в 1974 г. составило 1 : 5, тогда как в 1955 г. эта пропорция была 1 : 17»<sup>8</sup>. В настоящее время СФРЮ поддерживает торговые отношения почти со всеми странами мира.

При этом важное место занимают экономические связи Югославии со странами Азии, Африки и Латинской Америки.

На VIII съезде Союза коммунистов Югославии (1964) отмечалось, что «отношения СФРЮ с этими странами служат примером равноправного и устойчивого сотрудничества. Расширение связей с развивающимися государствами является не только нашим политическим долгом, но и вызвано объективными потребностями югославской экономики на длительный период»<sup>9</sup>. В материалах IX (1969) и X (1974) съездов СКЮ также значительное внимание уделялось расширению всестороннего сотрудничества с названными странами. В резолюции X съезда говорится, что «СКЮ придает особое значение улучшению и расширению экономического сотрудничества с неприсоединившимися и развивающимися странами, включению все большего числа стран в это сотрудничество, основывающееся на взаимных экономических интересах»<sup>10</sup>.

<sup>5</sup> «Проблемы экономического развития зарубежных стран социализма». М., 1975, стр. 122.

<sup>6</sup> «Социалистическая Федеративная Республика Югославия», стр. 47.

<sup>7</sup> «Коммунист», 1975, № 17, стр. 96.

<sup>8</sup> «Социалистическая Федеративная Республика Югославия», стр. 137.

<sup>9</sup> «Осми конгрес Савеза комуниста Југославије». Београд, 1964, стр. 19.

<sup>10</sup> «Международная политика», 1974, № 580, стр. 48.

В СФРЮ считают, что пока уровень экономических отношений с развивающимися странами заметно отстает от достигнутых результатов в области политических контактов с ними. В резолюции X съезда говорится по этому поводу, что СКЮ «будет упорно и постоянно бороться с тенденциями и явлениями пренебрежительного отношения к политическому и экономическому сотрудничеству с развивающимися странами»<sup>11</sup>. На аналогичные тенденции указывалось и ранее на IX съезде Союза коммунистов Югославии<sup>12</sup>.

Внешняя торговля является основой экономических отношений Югославии с развивающимися странами.

Динамика внешней торговли Югославии видна из табл. 1<sup>13</sup>.

Таблица 1  
Изменение доли развивающихся стран в обороте, экспорте и импорте СФРЮ (в процентах)

Годы	Во всем обороте	В том числе	
		экспорт	импорт
1954	18,3	20,5	15,0
1960	18,8	14,7	11,9
1965	14,2	15,1	13,4
1970	10,2	10,3	9,9
1972	8,3	6,6	9,5
1973	11,5	9,8	12,5
1974	16,0	13,6	17,4

Для более четкого анализа развития внешнеторговых связей СФРЮ с названной группой стран можно условно выделить три временных периода.

Первый период (1954—1966) характеризуется установлением внешнеэкономических связей Югославии со многими странами, получившими независимость. Динамика товарооборота СФРЮ с этими странами в этот период была наиболее интенсивной. Так, объем югославского экспорта в развивающиеся страны в 1965 г. в 3,3 раза был больше, чем в 1954 г., импорт из этих стран — в 3,4 раза.

Для второго периода (1966—1972) характерно уменьшение удельного веса развивающихся стран во внешней торговле Югославии. Так, доля названных государств во внешнеторговом обороте сократилась в 1972 г. до 8,3% по сравнению с 14,2% в 1965 г.

Наиболее важной причиной этой тенденции, по мнению югославского экономиста И. Фабинца<sup>14</sup>, было воздействие экономической реформы 1965 г. на отношения со странами «третьего мира». В определении основных предпосылок расширения торговли и сотрудничества произошли значительные изменения в сторону выдвигания критерия непосредственной экономической эффективности таких связей.

Предприятия, получившие большую самостоятельность и исходившие при заключении сделок с иностранными партнерами из критерия прибыльности, начали терять интерес к сотрудничеству с развивающимися странами, так как оно требовало предоставления кредитов, что значительно снижало хозяйственную эффективность деятельности кредитора. Даже сравнительно крупные предприятия сталкивались с серьезными финансовыми

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> «IX Kongres SKJ», Beograd, 1969, s. 104.

<sup>13</sup> «Statistika spoljne trgovine Jugoslavije» (далее — «Statistika») за соответствующие годы.

<sup>14</sup> I. F a b i n c. Ekonomski odnosi Jugoslavije sa zemljama u razvoju. Ljubljana, 1972, s. 11.



трудностями при попытках продажи оборудования на условиях кредитов и осуществления строительства больших объектов в развивающихся странах. Большой успех имела инициатива отдельных предприятий по заключению соглашений о кооперировании производства с партнерами из развивающихся стран, когда объемы взаимных поставок и выпуска продукции были сравнительно невелики<sup>15</sup>. В этом же направлении — сокращения доли развивающихся стран во внешнеторговом обороте Югославии — действовало и фактическое прекращение государственного кредитования сотрудничества.

Кроме того, на решения отдельных предприятий о сотрудничестве с той или иной развивающейся страной неблагоприятно сказывались и трудности, с которыми встречаются развивающиеся страны в ходе развития экономики, что зачастую могло обернуться для югославского партнера потерями из-за задержки возврата кредита; отсутствие необходимого количества и ассортимента товаров для оплаты югославских кредитов.

Характеризуя эти негативные явления, И. Броз Тито в докладе на IX съезде Союза коммунистов Югославии говорил: «...Внешняя торговля с развивающимися странами составляет всего 10% от общего объема внешней торговли Югославии и проявляет тенденцию к спаду и стагнации. Это — последствие недостаточно быстрого приспособления нашей экономики послереформенного периода. Необходимо предпринимать систематические меры по налаживанию новых форм сотрудничества с целью дальнейшего развития экономических отношений с развивающимися странами. Близость политических взглядов, экономических интересов ориентирует нас на то, чтобы в будущем мы уделяли больше внимания нашим отношениям со странами Азии, Африки и Латинской Америки»<sup>16</sup>.

После IX съезда СКЮ экономические отношения Югославии с развивающимися странами вступили в новый этап.

На IV конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, проходившей в Алжире (1973), была принята Программа действий по экономическому сотрудничеству, в которой перед каждой развивающейся страной были поставлены такие конкретные задачи, как увеличение доли импорта из развивающихся стран в два раза; предоставление преференциального режима для импорта из развивающихся стран; установление тесного сотрудничества между центральными банками стран «третьего мира» для расширения финансового сотрудничества между этими странами; развитие кредитных отношений на преференциальной основе и т. д.<sup>17</sup>

Югославия предприняла меры по активизации экономического сотрудничества с развивающимися странами. Для этого в 1972 г. при Союзном Исполнительном Вече был создан специальный комитет, одной из задач которого стало стимулирование развития взаимных всесторонних связей. 28 марта 1973 г. СИБ утвердило Программу развития сотрудничества с развивающимися странами<sup>18</sup>. 17 мая 1973 г. Союзная скупщина приняла резолюцию по дальнейшему развитию экономических отношений со странами Азии, Африки и Латинской Америки. В ней отмечалось, что «Югославия будет и впредь, вместе с остальными странами, предпринимать усилия к обеспечению более равноправного положения развивающихся стран в мировой экономике и оказывать еще большую поддержку их планам развития»<sup>19</sup>.

<sup>15</sup> Ibid., s. 217—244.

<sup>16</sup> «IX Kongres SKJ», s. 104.

<sup>17</sup> «Jugoslovenski pregled», 1973, № 9, s. 317.

<sup>18</sup> Ibid.

<sup>19</sup> «Международная политика», 1973, № 588, стр. 20.

Резолюция предусматривает поощрение развития торговли и других видов экономического сотрудничества со странами «третьего мира» путем предоставления взаимных льгот. Важное значение придается промышленной и технологической кооперации, основанной на равноправных началах. Все это рассматривается как одна из предпосылок установления прочного и долгосрочного сотрудничества. Имеется в виду концентрация усилий на развитии тех направлений экономического сотрудничества, которые непосредственно способствовали бы более быстрому экономическому развитию неприсоединившихся стран.

Для осуществления поставленных задач резолюция наметила конкретные меры, среди которых следует выделить: готовность распространить таможенный режим по образцу уже существующего трехстороннего Соглашения о расширении торговли и международного сотрудничества между СФРЮ, АРЕ и Индией; поощрение югославских экспортеров и организаций, ведущих строительство в странах «третьего мира»; предоставление определенных льгот для импорта из них в Югославию; выделение народным банком СФРЮ фонду кредитования долгосрочных целевых кредитов на льготных условиях для осуществления проектов в развивающихся странах. По отношению к менее развитым среди развивающихся стран предусмотрены дополнительные меры по поощрению импорта и облегчению условий предоставления кредитов и технического содействия<sup>20</sup>.

Принятые меры значительно ускорили темпы развития внешней торговли СФРЮ с развивающимися странами, с 1973 г. начинается этап расширения связей с этими государствами. Удельный вес названных стран во внешнеторговом обороте СФРЮ увеличился с 8,3% в 1972 г до 11,5 в 1973 г. и до 16% в 1974 г. В абсолютных показателях оборот с развивающимися странами составил в 1972 г. 455 млн долл.; в 1973 г. — 843 млн долл., а в 1974 г. увеличился до 1806 млн долл.<sup>21</sup>. Значительно вырос и объем предоставленных Югославией этим странам кредитов.

На значительное увеличение товарооборота СФРЮ с молодыми национальными государствами, которое наблюдалось за последние годы, повлияло также улучшение экономического положения этих государств, особенно стран — экспортеров нефти, что повысило их импортные возможности и увеличило югославский экспорт в эти государства.

Для торговли СФРЮ с развивающимися странами характерна некоторая несбалансированность. Более быстрые темпы роста югославского импорта из этих стран привели к тому, что товарообмен с ними страдает постоянным дефицитом торгового баланса, который имеет тенденцию к увеличению.

Югославия имеет торговые связи с 80-ю развивающимися странами, зарегистрированные статистикой внешней торговли СФРЮ<sup>22</sup>. Однако более подробный анализ направлений товарообмена указывает на то, что существует определенно выраженная его концентрация на относительно узком круге стран. Из них значительными внешнеторговыми партнерами являются только 10—12 стран.

Структура распределения экспорта и импорта по регионам с 1960 г. остается в основном без изменений. В югославском экспорте на первом месте находятся развивающиеся страны Африки, затем Азии и Латинской Америки, а в импорте ведущие позиции занимают страны Азии и Латинской Америки.

<sup>20</sup> «Югославия. Экспорт», декабрь 1974.

<sup>21</sup> «Statistika» за соответствующие годы; «Indeks», 1975, № 2.

<sup>22</sup> I. F a b i n c. Ibid., s. 15.

Необходимо подчеркнуть, что около половины всего товарооборота Югославии с названными странами приходится на пять государств, в которых за последнее время проходят довольно быстрые хозяйственные преобразования. Это — АРЕ, Индия, Пакистан, Аргентина и Бразилия. Среди этих государств наиболее стабильные отношения налажены с АРЕ и Индией. В последние годы значительными югославскими контрагентами становятся нефтедобывающие страны: Иран, Ирак, Кувейт и Ливия.

Ведущим партнером Югославии в Азии является Индия. На ее долю, с незначительными колебаниями в отдельные годы, приходилось около 50% всего товарооборота со странами Азии. В Африке самым значительным партнером СФРЮ является Египет. В этом регионе на долю АРЕ приходится около 40% всего товарооборота.

В 1968 г. между СФРЮ, АРЕ и Индией было заключено трехстороннее соглашение об экономическом сотрудничестве. В товарообороте этих стран была установлена система таможенных преференций, в соответствии с которой взаимная торговля по согласованному списку товаров осуществляется по сниженным на 50% пошлинам. Важно отметить, что 92% наименований из этого списка составляет так называемый «нетрадиционный» экспорт (товары национальной промышленности), что способствует экспорту промышленных изделий из развивающихся стран. Эти меры привели к заметному расширению и углублению отношений между партнерами «треугольника» на двусторонней основе<sup>23</sup>.

В 1974 г. объем товарооборота Югославии с Индией составил 66 млн долл., что почти в 2,3 раза превысило объем 1968 г. (26,2 млн долл.)<sup>24</sup>. Товарооборот между Югославией и АРЕ в 1974 г. достиг 52,5 млн долл. по сравнению с 20,2 млн долл. в 1968 г.<sup>25</sup>

Основу югославского экспорта в развивающиеся страны составляют машины, оборудование, транспортные средства, а также другие промышленные изделия (см. табл. 2)<sup>26</sup>.

В середине 50-х годов, в период установления экономических связей СФРЮ с молодыми национальными государствами, в списках югославского экспорта находились лишь цемент, хлопчатобумажные ткани и металлические изделия. Нынешняя структура югославского экспорта включает около 250 различных товаров<sup>27</sup> при постоянном росте доли готовых изделий, прежде всего оборудования (сельскохозяйственные и строительные машины, железнодорожные вагоны, пассажирские и грузовые суда, тракторы, электродвигатели, бытовые аппараты, комплектное оборудование для заводов различных отраслей производства и т. д.).

Структура экспорта машин и оборудования Югославии в развивающиеся страны имеет свои особенности по регионам. В экспорте в азиатские страны основными товарами были: силовые установки, сельскохозяйственные машины, горношахтное оборудование, а также строительные машины. Другие промышленные изделия были представлены продукцией текстильной промышленности, металлоконструкциями, металлом и прокатом. Структура промышленных изделий в экспорте в африканские государства довольно схожа с экспортируемыми товарами в страны азиатского региона, только шире представлено химическое и фармацевтическое производство, а также деревообрабатывающая промышленность. В экспорте в латиноамериканские государства при небольшой доле промышленных

<sup>23</sup> «Ekonomski odnosi Jugoslavije sa zemljama u razvoju». Ljubljana, 1971, s. 247.

<sup>24</sup> «Борба», 16 II 1975.

<sup>25</sup> «Привредni pregled», 21 III 1975.

<sup>26</sup> «Statistika», 1965; «Jugoslovenski pregled», 1974, № 2, s. 83.

<sup>27</sup> «Мировой социализм и развивающиеся страны». М., 1969, стр. 214.

Таблица 2

Структура югославского экспорта в развивающиеся страны

Наименование изделий	1965 г.		1973 г.	
	тысячи долларов	%	тысячи долларов	%
Всего	138 467	100	279 933	100,0
Продовольственные товары	3 400	2,5	5 339	1,7
Напитки	2 800	2	419	0,2
Сырье	6 340	5	36 374	13
Топливо и масла	3 067	2,5	853	0,3
Химические товары	8 940	6	13 023	4,3
Обработанные изделия, классифицированные в основном по материалам	43 250	31	67 593	24,1
Машины и транспортные средства	65 250	47	149 294	57,1
Разные готовые изделия	5 400	4	6 223	2,2

изделий значительное место занимает оборудование, в особенности для судостроения<sup>28</sup>.

Доля продовольственных товаров в экспорте Югославии в страны Азии, Африки и Латинской Америки незначительна. Такая структура экспорта СФРЮ в названные государства соответствует задачам экономического прогресса развивающихся стран.

В импорте Югославии из молодых независимых государств преобладают топливно-энергетические и сырьевые товары, продукция сельского хозяйства (см. табл. 3)<sup>29</sup>.

Ввоз нефти постоянно увеличивается: так в 1969 г. было ввезено 2 млн тонн, а в 1973 г. 6 млн тонн<sup>30</sup>. В 1973 г. нефть ввозилась из Ирана, Ирака, Кувейта, Саудовской Аравии, Алжира и Ливии. Потребности Югославии в сырьевых товарах непрерывно возрастают, что является одной из предпосылок для расширения экономических связей с этой группой стран.

Ввоза сырьевые товары, югославские организации проявляют интерес и к расширению импорта из развивающихся стран продукции обрабатывающей промышленности. Ее удельный вес во ввозе постепенно возрастает. Процесс этот начался сравнительно недавно и охватывает пока в основном крупные, относительно более развитые страны Азии, Африки и Латинской Америки. Например, быстро растет югославский импорт полуфабрикатов и готовых изделий из Индии, АРЕ, Ирана и т. д.

Одной из особенностей внешней торговли СФРЮ со странами «третьего мира» является система многосторонних расчетов на базе конвертируемой валюты. Так, если в 1969 г. Югославия имела двусторонние торговые отношения с клиринговой системой расчета с 9 странами, то в 1973 г. такая система расчетов применялась только с тремя развивающимися странами (см. табл. 4)<sup>31</sup>.

Уменьшение количества стран, с которыми Югославия имела клиринговую форму расчета, снизило участие клиринговой системы во внешне-торговых связях СФРЮ со странами «третьего мира».

Одной из характерных черт сотрудничества социалистических стран, в том числе и Югославии с развивающимися странами является кон-

<sup>28</sup> «Ekonomski odnosi Jugoslavije...», s. 26.

<sup>29</sup> «Statistika», 1965; «Indeks», 1974, № 2, s. 83.

<sup>30</sup> «Jugoslovenski pregled», 1974, № 2, s. 83.

<sup>31</sup> Ibid.

Таблица 3

## Структура югославского импорта из развивающихся стран

Наименование изделий	1965 г.		1973 г.	
	тысячи долл.	%	тысячи долл.	%
Всего	227 300	100	562 243	100
Продовольственные товары	56 270	25	172 960	30,7
Напитки и табак	8 000	3,5	3 400	0,6
Сырье	109 760	48,3	120 287	21,4
Топливо и масла	10 480	4,6	165 453	29,4
Химические товары	4 000	1,8	3 591	0,6
Обработанные изделия, классифицированные в основном по материалам	26 200	11,5	85 412	15,2
Машины и транспортные средства	9 120	4	9 967	1,8
Разные готовые изделия	3 020	1,3	1 173	0,3

Таблица 4

## Товарообмен СФРЮ с развивающимися странами по формам расчета

Год	Клиринг		Конвертируемая валюта	
	млн долл.	%	млн долл.	%
<b>Экспорт</b>				
1969	92	47,2	103	52,8
1970	81	46,6	93	53,4
1971	29	17,5	137	82,5
1972	13	8,8	135	91,2
1973	26	9,3	254	90,7
<b>Импорт</b>				
1969	115	46,9	130	53,1
1970	89	31,2	196	68,8
1971	83	25,5	243	75,4
1972	52	16,6	256	83,4
1973	91	16,2	472	83,8

центрация сил и средств на строительстве ключевых объектов, которые образуют ядро национальной экономики, закладывают основы для ускорения темпов расширенного воспроизводства. Как отмечает советский экономист Л. З. Зевин, «такое сосредоточение усилий повышает эффективность сотрудничества, так как сооружение крупных предприятий в ключевых отраслях дает мультипликационный эффект сразу в нескольких отраслях народного хозяйства, ведет в конечном итоге к росту пропорциональности и сбалансированности»<sup>32</sup>.

При экономическом и техническом содействии Югославии в развивающихся странах построено и строится свыше 120 промышленных объектов, среди них: гидроэлектростанции в Замбии и Того, две ГЭС в Гвинее, причалы для погрузки фосфатов в Сирии и много других объектов<sup>33</sup>.

<sup>32</sup> Л. З. Зевин. Новые тенденции в экономическом сотрудничестве социалистических и развивающихся стран. М., 1970, стр. 41.

<sup>33</sup> «Внешнеэкономические связи социалистических стран». М., 1974, стр. 268.

В Индии, например, Югославия проводит работы в области судостроения, электроэнергетики, автомобилестроения и т. д.

Важное место отводится капитальному строительству. Имеются широкие возможности участия югославских организаций в создании как объектов инфраструктуры, так и промышленных предприятий, в том числе предприятий обрабатывающей промышленности. Югославские строительные, проектные и другие организации принимают активное участие в международных конкурсах, объявляемых развивающимися странами в области строительства и проектирования промышленных объектов, гидростанций, строительства дорог, аэропортов, аграрно-промышленных комплексов.

Стоимость работ, выполненных югославскими строителями в странах Азии, достигла 42 млн долл., в странах Африки — 130 млн долл., в странах Латинской Америки — 34 млн долл.<sup>34</sup>. В течение 1973 г. югославские организации заключили сделки на проведение капитального строительства в развивающихся странах на сумму 400 млн долл.<sup>35</sup>. К таким объектам относятся: строительство аграрно-промышленных комплексов в Ливии, Танзании, Нигерии и некоторых других африканских странах; содействие в строительстве аграрно-промышленных комбинатов в Перу; строительство аэропорта в Кувейте и т. д.

Новой тенденцией в экономических связях Югославии с развивающимися странами является переход к формам экономического сотрудничества, обеспечивающим установление долгосрочных производственно-технических и финансовых связей. Поэтому в последнее время СФРЮ особое внимание в сотрудничестве со странами «третьего мира» придает производственной кооперации. В ходе производственного сотрудничества обе стороны составляют совместные планы создания и освоения мощностей, выпуска продукции и ее распределения. Часть товарооборота при таком сотрудничестве имеет «связанный» характер: поставки оборудования и затем запасных частей для предприятий смежных отраслей, поставки отдельных комплектующих деталей и унифицированных узлов, материалов.

Югославия обычно предоставляет этим странам кредиты, осуществляет все проектирование или часть его, поставляет оборудование, оказывает помощь в его монтаже и налаживании производственного процесса, готовит специалистов непосредственно на строительных площадках, содействует в проведении геологоразведочных и поисковых работ.

Отношения кооперации наиболее развиты между Югославией, Индией и АРЕ. Югославские предприятия при поддержке государственных органов способствуют возведению объектов, предусмотренных планами развития этих стран. Югославия предложила Индии проекты сотрудничества в мукомольной, тракторной, электронной промышленности, а также в сельском хозяйстве. В АРЕ югославские организации сотрудничают в кожевенной, тракторной, автомобильной, пищевой и других отраслях промышленности.

Начиная с конца 60-х годов, югославские организации стали создавать смешанные предприятия с участием югославских и государственных или частных предприятий в развивающихся странах, например, в Судане, Танзании, Ливане, Марокко и т. д. В Мексике были созданы смешанные предприятия по производству электротехнических материалов и станков. С рядом латиноамериканских стран ведутся переговоры о сотрудничестве в области кожевенной промышленности, производства железнодорожного

<sup>34</sup> «Борба», 23 III 1974.

<sup>35</sup> «Югославия. Экспорт», декабрь 1974.

оборудования, строительства портов, гидроэлектростанций и нефтеперерабатывающих заводов (Панама, Венесуэла). Югославские фирмы осуществляют большие работы по строительству аграрно-промышленных комплексов в Танзании, так «группа югославских специалистов в настоящее время разрабатывает „интегральный план развития“ южной части Танганьики — район Рувама»<sup>36</sup>. В Замбии югославское предприятие «Энергопроект» совместно со смешанным предприятием ЗЕККО построило ГЭС Кафуэ, в завершающей стадии находится строительство ГЭС Кариба<sup>37</sup>. В Судане Югославия совместно с местными фирмами примет участие в строительстве автодороги, предприятий по обработке кожсырья и по добыче железной руды.

Подавляющая часть промышленных объектов строится Югославией в развивающихся странах на условиях предоставления долгосрочных кредитов, что является важным стимулом для расширения хозяйственных отношений с этими странами. В 1973 г. Югославия предоставила развивающимся государствам кредиты на сумму более 600 млн долл., и эта сумма продолжает увеличиваться<sup>38</sup>.

Кредиты предоставляются Югославией обычно на 8—12 лет (иногда на более длительный срок) с годовой ставкой 2—3%<sup>39</sup>. Погашение начинается после окончания поставок оборудования или завершения строительства объекта, а в ряде случаев развивающиеся страны получают отсрочку платежей на 1—2 года после введения объекта в действие. Срок погашения кредитов достаточен для того, чтобы окупилась средства, вложенные в строительство соответствующих предприятий. Условия предоставления и погашения кредитов говорят о том, что Югославия придерживается рекомендаций ООН по торговле и развитию, предоставлению долгосрочных правительственных кредитов (до 3% годовых), по улучшению платежных балансов развивающихся стран в связи с ростом их внешней задолженности, о содействии в развитии таких отраслей промышленности, создание которых увеличило бы экспортные ресурсы<sup>40</sup>.

В 1970 г. для содействия экспорту в Югославии был создан новый фонд (на базе бывшего фонда кредитования и гарантии экспорта), в котором принимают участие 120 промышленных и строительных предприятий, 10 банков. Фонд формирует средства за счет поступлений от заинтересованных предприятий и деловых банков, поступлений от ранее предоставленных кредитов, займов от иностранных банков, эмиссии своих облигаций и т. д. В зависимости от степени участия в фонде предприятие может рассчитывать на получение от фонда суммы, эквивалентной 55—65% или 70—80% общей суммы кредитов, остальная часть должна быть покрыта собственными средствами экспортера и банковскими кредитами. Фонд предоставляет кредиты на срок от 2 до 10 лет. По инициативе фонда в 1970 г. был создан консорциум югославских предприятий и банков для коллективного участия в Восточноафриканском банке развития и в ряде других кредитно-финансовых организаций за рубежом для осуществления совместных операций, связанных с поставкой югославского оборудования в развивающиеся страны<sup>41</sup>.

В отношении Югославии с развивающимися странами заслуживают внимания меры по привлечению капитала из этих стран на условиях кредита для строительства крупных объектов в СФРЮ, финансированию сов-

<sup>36</sup> «Международная политика», 1974, № 587, стр. 36.

<sup>37</sup> Там же, № 592, стр. 5.

<sup>38</sup> «Nova trgovina», 1973, № 8—9, с. 33.

<sup>39</sup> Ibid.

<sup>40</sup> Л. З. З е в и н. Там же, стр. 42.

<sup>41</sup> «Борба», 23 VI 1972.

местных научно-исследовательских работ и т. д. Впервые такое соглашение было заключено с Кувейтом в июне 1974 г. о предоставлении Народному банку СФРЮ кредита в размере 100 млн долл. Кредит состоит из двух частей. Первая часть составляет 15 млн кувейтских динаров (около 50 млн долл.), которая предоставляется из 8% годовых со сроком погашения 10 лет, и вторая часть, в сумме 50 млн долл. сроком погашения 10 лет из процентной ставки, которая на 0,75% выше обычной ставки на лондонском финансовом рынке <sup>42</sup>. В 1975 г. между Югославией и Ливией подписано соглашение о предоставлении СФРЮ займа в сумме 70 млн долл. на строительство нефтепровода <sup>43</sup>.

С начала 70-х годов Югославия применяет и другие формы технического и экономического содействия: продажа патентов и лицензий, консультации в области планирования народного хозяйства, проекты регионального развития, а также создание современной системы образования, строительство научно-исследовательских институтов. Необходимо отметить, что лицензии обычно приобретают экономически и технически более развитые страны «третьего мира», которые могут при содействии партнера в короткие сроки наладить производство, используя при этом последние достижения науки и техники.

Из югославской практики представляет интерес применение новой формы технического содействия развивающимся странам — специальные консультантско-проектные бюро. Бюро принимают от государственных и частных организаций развивающихся стран заказы на выполнение проектных, изыскательных, разведочных работ, различного рода обследований. Так, в Тунисе Югославия открыла такое бюро, оно занимается вопросами геологии и водного хозяйства <sup>44</sup>. В самой Югославии для работ в развивающихся странах практикуется создание деловых объединений на основе комплексного выполнения производственной задачи. В такие объединения обычно входят внешнеторговые, научно-исследовательские и проектные организации, промышленные и строительно-монтажные предприятия. Они проведены, в частности, предварительные исследования, технико-экономические обоснования, проектирование, строительство и монтаж оборудования на ряде машиностроительных объектов в Алжире, Бирме, Индии, Иране, АРЕ, Эфиопии и других странах <sup>45</sup>.

Сотрудничество Югославии со странами «третьего мира» в подготовке их национальных кадров начало развиваться с 60-х годов. С 1950 по 1969 гг. по линии международных организаций в Югославии находилось почти 800 специалистов из развивающихся стран. На базе двустороннего сотрудничества с 1954 по 1969 гг. развивающиеся страны посетили около трех тысяч специалистов из Югославии <sup>46</sup>. В настоящее время югославские специалисты работают в тридцати странах «третьего мира» <sup>47</sup>. В течение 1954—1969 гг. Югославия предоставила 4500 стипендий для обучения и совершенствования кадров из 75 стран. Из этого числа к 1969 г. обучение закончили 2602 стипендиата <sup>48</sup>. В 1974 г. уже 1200 студентов из развивающихся стран получали стипендию от югославского правительства <sup>49</sup>. Кадры подготавливаются по самым дефицитным специальностям; уровень

<sup>42</sup> Там же, 21 IX 1974.

<sup>43</sup> «Политика», 22 II 1975.

<sup>44</sup> Л. З. Зевин. Там же, стр. 49.

<sup>45</sup> Там же.

<sup>46</sup> «Международная политика», 1970, № 475, стр. 36.

<sup>47</sup> «Политика-экспрес», 20 III 1975.

<sup>48</sup> «Международная политика», 1970, № 475, стр. 37.

<sup>49</sup> «Борба», 25 I 1975.



подготовки и обучения обеспечивает получение квалификации в соответствии с современными требованиями.

В Югославии создан целый ряд специальных центров для изучения проблем развивающихся стран. Например, Африканский центр при Загребском университете имеет своей целью изучение стран Африки, подготовку кадров для них, обучение африканских специалистов; в Любляне имеется центр по изучению сотрудничества с развивающимися странами и т. д.

Югославия проявляет большую активность в организации различных семинаров и совещаний развивающихся стран по отдельным вопросам экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Так, в 1973 г. в Загребе, во время весенней ярмарки, была организована встреча за круглым столом, на которой присутствовали представители развивающихся стран, принимавших участие в ярмарке. Участники этой встречи обсудили возможность скорейшего выполнения обязательств, принятых на Алжирской конференции, вопросы развития взаимного сотрудничества и т. д.<sup>50</sup> Югославия была также одним из организаторов и активных участников экономической конференции стран «третьего мира», проходившей в Карачи (I—1975). На конференции обсуждались вопросы создания банка развития для развивающихся стран.

Анализ состояния экономических связей Югославии с развивающимися странами показывает, что за последние годы в результате принятых югославским правительством действенных мер внешняя торговля и другие виды сотрудничества с этой группой стран стали развиваться более высокими темпами, чем в предшествующем периоде. Появление новых форм в экономическом и техническом сотрудничестве направлено на развитие долгосрочных, стабильных отношений югославских хозяйственных организаций со странами «третьего мира».

В мае 1974 г. правительство СФРЮ одобрило документ под названием: «Общая политика долгосрочного развития Югославии до 1985 г.». В нем, в частности, говорится: «Политическим и долгосрочным интересам Югославии как неприсоединившейся страны отвечает преимущественное развитие внешнеэкономических связей с развивающимися странами, удельный вес которых в товарообороте должен увеличиться в два раза до 1985 г. Будет продолжена практика кредитования экспорта югославского оборудования, строительных работ за границей и технической помощи развивающимся странам. В интересах расширения связей с развивающимися странами будут делаться значительные отступления от общепринятого режима при заключении специальных долгосрочных соглашений, предусматривающих поставки в Югославию сырья или совместное строительство важных объектов в этих странах или в СФРЮ». Реализация этой программы позволит расширить экономическое сотрудничество Югославии с молодыми развивающимися странами.

---

<sup>50</sup> «Югославия. Экспорт», 1973, № 64.



Г. И. ЕРЕМЕЕВА

## ИЗ ИСТОРИИ ИДЕОЛОГИИ ЧЕШСКОГО БУРЖУАЗНОГО РАДИКАЛИЗМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

(Журнал Й. В. Фрича «Бланик»)

В политической истории Чехии 40—60 годов XIX в. важную и интересную страницу составляет деятельность чешской радикальной демократии. Однако до сих пор остается еще немало неисследованных проблем в истории этого наиболее прогрессивного для своего времени направления в чешском буржуазном национально-освободительном движении. Одним из малоизученных сюжетов является, в частности, деятельность чешского радикального демократа Йозефа Вацлава Фрича во время его пребывания в Берлине и издания журнала «Бланик» (1868) <sup>1</sup>.

В последние годы исследователи творческого наследия Фрича отмечали необходимость тщательного изучения взглядов и политической деятельности этого выдающегося чешского революционера, подвергавшегося жестоким преследованиям австрийской полиции <sup>2</sup>.

В настоящей статье основное внимание сосредоточено на анализе десяти выпшедших в свет номеров журнала «Бланик» (октябрь — декабрь 1868). Они являются важным источником для исследования политической концепции и деятельности Й. В. Фрича в конце 60-х годов XIX в. Однако следует иметь в виду, что, издавая журнал в Пруссии, чешский демократ не всегда мог открыто формулировать свои взгляды и свое отношение к происходящим в Чехии событиям, опасаясь изоляции, на которую его обрекали пребывание в эмиграции и враждебное отношение к нему политических противников.

В ряды чешских радикальных демократов — представителей левого, наиболее прогрессивного крыла чешской буржуазной демократии, борцов за социальную справедливость в чешском обществе, решительных противников абсолютизма и феодальных пережитков, Фрич вступил в годы революции 1848—1849 гг. После поражения революции преследования австрийских властей, тюрьма, ссылка вынуждают Й. В. Фрича в 1859 г. эмигрировать за границу. Находясь во Франции, Англии, Германии, он устанавливает контакты с выдающимися деятелями международного освободительного движения, в первую очередь, с А. И. Герценом, а также с революционерами Польши, Венгрии, Италии и других стран, стремится привлечь внимание европейской общественности к чешскому вопросу.

<sup>1</sup> Это отмечал еще в 1960 г. чехословацкий историк В. Жачек. V. Žáček. Ze styků «mladé polské emigrace» s Čechy (1864—1871). «Slezský sborník», 1960, roč. 58, № 2, s. 199—228.

<sup>2</sup> См., например, Zdeněk Urban. Neznámý J. V. Frič. «Tvorba», 11 IX 1974, s. 8—9.

Значительное место в деятельности Фрича в 60-х годах занимала публицистика. Она давала ему возможность выразить свое отношение к происходящим в Чехии и Европе событиям, попытаться сформулировать стоявшие перед чешским обществом задачи, установить идейный контакт с соотечественниками.

Фрич был неутомимым пропагандистом взглядов А. И. Герцена и прежде всего идеи создания в Центральной и Юго-Восточной Европе федерации свободных и независимых государств. По примеру А. И. Герцена в 1861—1862 г. он издавал в эмиграции (в Женеве) «свободную» газету «Чех»<sup>3</sup>. Значительное влияние оказывал на Фрича и русский революционер М. А. Бакунин. К началу 60-х годов относится их попытка совместного издания газеты «Всеславянская свобода»<sup>4</sup>.

Статьи Фрича, посвященные актуальным вопросам, волновавшим чешское общество, публиковались и в чешской демократической и либеральной прессе, в частности, в таких органах как «Болеславан», «Правда», «Глас», «Час» и «Славия». Если на первых порах Фрич ограничивался критикой политического бесправия и национального угнетения чешского народа, то позднее он пытался сформулировать основные задачи чешского освободительного движения, среди которых на первое место ставил завоевание независимости и государственной самостоятельности Чехии.

Активность Фрича-публициста была особенно велика в период восстания в Королевстве Польском в 1863—1864 гг., во время австро-прусской войны 1866 г., в период поездки чешских буржуазных лидеров во главе с Ф. Палацким и Ф. Ригером в Москву в 1867 г. Многочисленные статьи, политические брошюры, прокламации — таков диапазон публицистики Фрича 60-х годов.

В период активизации массовой национально-политической борьбы в Чехии в конце 60-х годов XIX в. в связи с австро-венгерским соглашением 1867 г. и усилением централистских тенденций в австрийской части двуединой монархии Й. В. Фрич находился в Берлине, налаживая там издание периодического журнала. Из сохранившегося письма Й. В. Фрича венгерскому генералу И. Тюрру от 10 января 1868 г.<sup>5</sup> видно, что первый номер журнала на чешском языке должен был выйти в канун 1868 г. Однако, не имея возможности внести необходимый денежный залог, Фрич вынужден был из месяца в месяц откладывать издание. Обратившись к И. Тюрру за материальной поддержкой, он сообщал ему о намерении отстаивать свою программу в журнале, чтобы продолжить тем самым полемику со своими идейными противниками в Чехии — старочехами, начатую им незадолго до этого в политических брошюрах «Паломничество славян в Россию — две стороны медали»<sup>6</sup> и «Пусть между нами будет ясность»<sup>7</sup>. Фрич писал также, что журнал был необходим ему для установления более тесных контактов со страной в момент нарастания мощного движения таборов.

О пристальном внимании Фрича к происходившим в Чехии событиям свидетельствовало его активное участие в июле 1868 г. в организации массовой манифестации в Констанце на месте сожжения в июле 1415 г. Яна

<sup>3</sup> Полное название газеты: «La voix libre de Bohême — List volný, otevřený všem tužbám i steskům našim — Cech», 1861—1862.

<sup>4</sup> Об этом см. также: Г. И. Е р е м е е в а. Письма М. А. Бакунина Йозефу Вацлаву Фричу (1862). В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в.». М., 1974, стр. 161—183.

<sup>5</sup> Országos Levéltár, R. 224. Türt iratok, 1484, 1.1—2. Текст этого письма любезно предоставил в наше распоряжение венгерский историк М. Кун.

<sup>6</sup> J. V. F r i č. Rub a líc té slovanské výpravy na Rus. Praha, 1867.

<sup>7</sup> J. V. F r i č. Bud' jasno mezi námi! Praha, 1868.

Гуса. Фрич получил возможность выступить с речью перед многочисленными соотечественниками, прибывшими на торжества из Чехии<sup>8</sup>. Он призывал их следовать примеру мужественного и непоколебимого в своих убеждениях Яна Гуса, умножать ряды борцов, выступающих в Чехии против существовавшей действительности. Фрич разоблачал в своей речи мнимый конституционализм Австрийской империи, говорил о преследованиях оппозиционных журналистов, протестовал против разгона массовых народных таборов<sup>9</sup>.

Несмотря на многочисленные трудности, в октябре 1868 г. вышел, наконец, пробный номер, а в ноябре — первый номер журнала, на титульном листе которого значилось: «Бланик. Еженедельник чешско-моравской омадины»<sup>10</sup>.

При выборе названия для журнала Фрич использовал легенду о горе Бланик, олицетворявшую в послебелогорский период вековые надежды чешского народа на национальное освобождение. Согласно легенде на Бланике находятся рыцари, ждущие сигнала и готовые начать борьбу в самый тяжелый для отчизны час. Вполне вероятно, что слово «омладина» в подзаголовке журнала было откликом на создание в 1866 г. в Сербии революционно-просветительской организации «Объединенная сербская омадина», основной задачей которой была революционная борьба против турецкого ига. Ведущие деятели национально-освободительных движений многих стран Европы испытали на себе в тот период значительное воздействие этой организации.

В «Бланике» с Фричем сотрудничали чешские журналисты, вынужденные эмигрировать из Чехии из-за преследований австрийских властей. В своих воспоминаниях Фрич называет их имена: Й. Чернох, Л. Шмидт, В. Шнайдер и другие<sup>11</sup>.

Агенты австрийской полиции доносили о значительных материальных трудностях, которые приходилось преодолевать издателям «Бланика», о том, что Фрич и Л. Шмидт соглашались на любую работу для того, чтобы как-то существовать, а после прекращения издания журнала у Фрича оставались долги типографии<sup>12</sup>.

Значительную поддержку в издательской деятельности Фричу оказывали как его соотечественники, так и чешские организации в эмиграции, в частности, парижский «Чешский клуб» и чехи, жившие в Америке. «Бланик» регулярно информировал о деятельности «чешско-моравских организаций за границей», в том числе в Берлине, Париже, Дрездене, Штутгарте, Франкфурте, указывал даты и место предстоящих заседаний этих организаций. В первом номере журнала сообщалось о том, что «Бланик» является также «органом чешских организаций за границей», и выражалась просьба посылать письма об их деятельности.

Из сохранившейся переписки Й. В. Фрича, опубликованной чехословацким историком В. Жачеком, видно, что идейную и моральную поддержку в период издания «Бланика» ему оказывали представители польской эмиграции. Ю. Жулинский поддерживал Фрича в его усилиях знакомить общественность Европы с чешскими национальными проблемами, а Я. Амборский, собиравшийся сотрудничать в «Бланике», в своих письмах

<sup>8</sup> Я. Пурш пишет о 300 чел., приславших на манифестацию из Чехии и Словакии. J. P u r š. Tábor v českých zemích 1868—1871. «Československý časopis historický», 1958, № 2, s. 340.

<sup>9</sup> J. V. F r i č. Paměti, d. III. Praha, 1963, s. 137—138.

<sup>10</sup> «Blaník» — Týdenník samostatné omladiny česko-moravské. Berlin, 1868 (далее ссылки на журнал «Бланик» см. в тексте).

<sup>11</sup> J. V. F r i č. Paměti, d. III, s. 289.

<sup>12</sup> Státní ústřední archiv, f. PM. 1860—1870, 8/1/15/20, s. 160—161.

Фричу давал советы, какие вопросы следует затрагивать в журнале в первую очередь. Он подчеркивал важность союза чехов с поляками, значение их сближения с венграми, писал о том, что уступки венгров славянам могли бы явиться основой для создания в будущем федерации, которая возникнет после распада австрийской монархии<sup>13</sup>.

Во вступительной статье «Бланика» Фрич писал, что, не имея возможности вернуться на родину, он начинает издание журнала за границей и рассматривает это как выполнение своего патриотического долга. При этом Фрич с самого начала подчеркивал, что «Бланик» — орган партии, которую он представляет, — чешско-моравской омадины, являющейся защитником интересов народа. У Фрича можно встретить и другие названия этой партии: «партия дедичей»<sup>14</sup>, «демократическая партия», «партия действия». За этой партией, писалось в «Бланике», стоит немало передовых представителей чешского народа (№ 0, стр. 1). Создать демократическую партию, которая продолжила бы традиции радикальной демократии периода революции 1848—1849 гг., Фрич вместе со своими единомышленниками в Чехии стремился с 1863 г. Решительное размежевание с консервативными лидерами стало особенно актуальным в связи с восстанием в Королевстве Польском. Осуждение лидерами чешской консервативной и либеральной буржуазии во главе с Ф. Палацким и Ф. Ригером борьбы польского народа за свою национальную независимость еще более углубило наметившийся ранее раскол внутри единой прежде чешской Национальной партии, между ее демократическим и консервативным крылом. Вплоть до 1867 г. Фрич активно разрабатывал программные и организационные принципы демократической партии, мыслящейся как составная часть тайной международной организации<sup>15</sup>.

Задачей партии была, по мнению Фрича, действенная пропаганда среди самых широких слоев чешского общества необходимости тщательной подготовки к «политическому перевороту» в целях свержения австрийского гнета и завоевания свободы и независимости Чехии<sup>16</sup>. Сведений о партии «дедичей» в литературе немного. По утверждениям чехословацкого историка В. Жачека и венгерского исследователя Э. Ковача, эта партия насчитывала пятьсот человек<sup>17</sup>, ее сторонники имелись во всей Чехии. Наиболее активно формирование революционной партии «дедичей» происходит на завершающем этапе восстания в Королевстве Польском. Несомненно, что эта активность была связана также с планами революционной европейской эмиграции. Предполагалось, что в случае революционных выступлений против Австрии в Венгрии, Хорватии и Галиции партия «дедичей» использует благоприятную ситуацию и создаст Национальное правительство в Чехии<sup>18</sup>.

Одной из главных целей журнала Фрич считал содействие организационному становлению партии «дедичей», которая должна была, по его мнению, «говорить народу правду, защищать его интересы, помогать росту его самосознания, вскрывать сущность государственных, социальных и общественных отношений» (№ 0, стр. 2). Обращаясь прежде всего к своим единомышленникам, Фрич в то же время призывал к сотрудничеству в журнале всех чехов, заботящихся о благе народа. При этом, чтобы расширить

<sup>13</sup> V. Z á č e k. Ibid., s. 220.

<sup>14</sup> Партия «дедичей», т. е. наследников революции 1848 г.

<sup>15</sup> «Čeští radikální demokraté». Praha, 1953, s. 397.

<sup>16</sup> Ibid., s. 395—398.

<sup>17</sup> V. Z á č e k. Problémy slovanské vzájemnosti v české veřejnosti v šedesátých letech 19. století a účast J. V. Friče na jejich řešení. In: J. V. Frič a demokratické proudy v české politice a kultuře. Praha, 1956, s. 250; E. K o v a c s. A Kossuth Emigráció és Európai szabadság mozgalmak. Budapest, 1967, s. 262.

<sup>18</sup> E. K o v a c s. Ibid.

круг своих читателей, он писал о своем намерении не касаться недавних споров, связанных с поездкой чешских политических деятелей во главе с Ф. Палацким и Ф. Ригером в 1867 г. в Москву, решительным противником которой он был. В то же время он понимал, как важно сохранить определенную независимость от лидеров чешского национального движения, с которыми у него были принципиальные разногласия, хотя во время активизации массового движения в Чехии он считал необходимым пойти с ними на временный компромисс<sup>19</sup>.

«Бланик» предназначался в первую очередь для чешского читателя<sup>20</sup>. Однако вскоре стало известно о секретном предписании австрийских органов препятствовать организации подписки на «Бланик» в Чешских землях и о запрещении пересылки его по почте (№ 6, стр. 45). Фрич сообщал своим читателям о том, что «свободный голос» его не доходит до Праги — в Чехии в связи с введением в октябре 1868 г. чрезвычайного положения (№ 5, стр. 44) было приостановлено действие законов о печати, собраниях и обществах, а в Праге фактически не выходило ни одной чешской политической газеты<sup>21</sup>. Преследования «Бланика» австрийскими властями значительно затруднили Фричу задачу налаживания контактов с родиной.

Идейные противники Фрича в Чехии и за ее пределами начали против него кампанию травли. Одни обвиняли его в том, что он ведет в «Бланике» антинациональную агитацию и является австрийским полицейским агентом, другие — в том, что он состоит на службе у пруссаков (№ 4, стр. 35). В ответ на это Фрич писал, что «Бланик» есть и останется чешским органом, ибо каждый номер его свидетельствует о том, что единственной целью журнала является служение своему народу (там же). В приложении к № 7 журнала, вышедшего 11 декабря 1868 г., говорилось: «После нашей статьи „Не сдадимся!“, напечатанной в прошлом номере... мы получили письмо, являющееся для нас приказом» (№ 7, стр. 61). Это было присланное из Праги «Обращение», подписанное представителями «чешско-моравской омолодины» (№ 7, стр. 61—62), где «Бланик» характеризовался как орган, мужественно и решительно защищающий благородные стремления чешского народа к подлинной свободе. Его долг — смело провозглашать правду, разоблачать зло, бороться с тем, что тормозит политическое развитие, чтобы в нужный момент быть готовым к наступлению (№ 7, стр. 61). «Для того, чтобы наш труд не был обречен с самого начала на неудачу и у наших противников не было никакого повода или причины для преследований... мы решили действовать спокойно и обдуманно, воздерживаясь от мелочной борьбы с ними, заботясь лишь о прекрасном будущем нашего народа, в котором сомневались как многие наши друзья, так и наши враги. Однако ни трезвость, ни благоразумие, ни порой чрезмерная забота о том, чтобы не впасть в крайность — ничто нам не помогло! Еще до того, как „Бланик“ увидел свет, ему был вынесен приговор! Столь огромные усилия были приложены, чтобы журнал увидел свет, неужели же из-за жестокого фанатизма властей вся наша работа, все жертвы окажутся напрасными? В этот серьезный и решающий момент мы обращаемся к вам, соотечественники, с призывом продемонстрировать нашим врагам, что мы не поддадимся их насилию и произволу, что, несмотря на все преследования, которым нас безнаказанно подвергают, мы поднимем и смело понесем знамя великой идеи

<sup>19</sup> Об этом, в частности, Фрич писал И. Тюрру в упомянутом нами выше письме от 10 января 1868 г.

<sup>20</sup> В каждом очередном номере журнала сообщалось, что подписка принимается в почтовых конторах и во всех книжных магазинах в Чехии.

<sup>21</sup> Н. Д. Р а т н е р. Подъем национально-политической борьбы в Чехии в 1868—1869 гг. В сб. Из истории революционного движения народов Чехословакии. М., 1959, стр. 59.

свободы...» (№ 7, стр. 61—62). Близок час, когда решится наконец судьба чешского народа, — говорилось в «Обращении» — необходимо быть твердыми, не бояться жертв, быть достойными своих великих отцов. «Если мы не хотим, чтобы результаты всей нашей предшествующей борьбы были напрасными, мы должны доказать, что у нас еще есть силы и средства, чтобы выдержать дальнейшую борьбу» (№ 7, стр. 62).

В «Обращении» содержался призыв к соотечественникам оказывать материальную поддержку «Бланику», внося свои взносы в специальный «Национальный фонд», а также помочь в распространении журнала, чтобы «Бланик» мог и впредь отстаивать программу, согласованную с партией «чешско-моравской омадины». «Обращение» заканчивалось словами: «Клянемся быть верными народу и свободе» (там же).

В сопроводительной записке (№ 7, стр. 61) к «Обращению», наряду с предложением опубликовать его текст в «Бланике», говорилось о необходимости открытого выступления издателей журнала с программой партии «дедичей», с которой они были полностью согласны, и выражалась надежда на то, что эта программа найдет отклик в Чехии.

Фрич опубликовал в приложении к седьмому номеру «Бланика» программу партии «дедичей», состоявшую из пяти разделов. Значительное место в программе отводилось национальным проблемам. В первом разделе подчеркивалась необходимость завоевания независимости землями чешской короны. При этом «историческое право» являлось для авторов программы одним из аргументов в борьбе «с теми противниками чешского народа, которые не признают его национальных прав» (№ 7, стр. 62). В этом разделе говорилось о том, что «каждое государство и каждый народ должны свободно решать вопрос о своей судьбе без какого-либо давления извне... Дальнейшее существование Австрийской империи потеряло всякий смысл, она является реакционной силой, стоящей на пути ко всеобщему прогрессу и миру. Мы решительно заявляем о своем неотъемлемом праве на самостоятельность» (там же) — этими словами заканчивался первый раздел программы.

Во втором разделе шла речь о правах национальностей, живущих в Чешских землях, о необходимости признания их самобытности, решительно осуждалась политика натравливания чехов и немцев друг на друга и говорилось о необходимости примирения обеих национальностей в землях чешской короны, так как братский союз их является гарантией надежности существования чешского государства (№ 7, стр. 63). В этой связи следует подчеркнуть, что вопросы, связанные с национальными проблемами Австрии, России и других стран, занимали на страницах «Бланика» важное место. Журнал выступал в защиту всех угнетенных народов Европы — поляков, украинцев, сербов, словаков, хорватов, болгар, указывая в то же время на общность целей этих народов в борьбе за свободу. Политике национального угнетения и ассимиляции Фрич противопоставлял идею взаимопомощи и федерации народов, что станет возможным после завоевания ими независимости<sup>22</sup>.

В третьем разделе программы выражалась вера в возможность существования в будущем так называемых «малых народов». В связи с этим надо отметить, что на страницах «Бланика» неоднократно печатались материалы, в которых шла речь о судьбе Чехии в системе европейских государств. Так, в приложении к первому номеру было напечатано воззва-

<sup>22</sup> В статьях, посвященных справедливой борьбе украинского и польского народов против царского самодержавия, Фрич отвергал обвинения в сепаратизме в их адрес. Он подчеркивал, что надежду на помощь в борьбе эти народы должны видеть прежде всего в русском народе, не причастном к угнетательской политике самодержавия.

ние Августина Сметаны<sup>23</sup> периода революции 1848—1849 гг. «К родине нашей Чехии», в котором отвергалась идея присоединения Чешских земель к Германскому союзу, а также к России, пока в ней будет сохраняться самодержавный строй. «Австрия не должна быть ни немецкой, ни славянской державой, а добровольным союзом народов, ее населяющих» (№ 1, стр. 10)— таково было мнение А. Сметаны. Развивая мысли А. Сметаны, Фрич писал в этом разделе программы о том, что в создании центральноевропейской федерации государств и народов состоит единственное спасение и защита их от угрозы пангерманизма и панславизма (№ 7, стр. 63). Народы Европы должны считаться с национальной самобытностью чешского народа, его правом добиваться равных прав с другими народами.

Четвертый раздел программы был посвящен славянскому вопросу (там же). Здесь говорилось, что все славянские народы имеют право на самобытное национальное существование. Провозгласив все славянские народы своими братьями, авторы программы выражали веру в великую роль славянства в будущем при условии полной свободы их развития. При этом подчеркивалось, что для славянских народов, так же как для венгров и румын, гарантией их полной национальной и политической независимости является «свободная федерация» народов.

В пятом разделе шла речь о необходимости решения социального вопроса. «Столь велико наше стремление к решению наших социальных отношений, что политическую свободу мы считаем не главной целью, а лишь средством для того, чтобы каждому человеку, находящемуся на нижней ступени общества, было обеспечено естественное развитие его способностей и сил, существование, достойное человека — гражданина» (там же). «Мы не успокоимся, пока среди нас будет хоть один необразованный человек, хоть один бедняк» (там же). В обществе не должно быть никаких сословных привилегий, все должно быть равно, независимо от сословной принадлежности, возраста, профессии и т. д. Из текста программы очевидно, что Фрич не понимал антагонистического характера существовавших при капитализме противоречий. Отсюда его иллюзии о возможности «улучшения» капитализма, ликвидации бедности.

Тот факт, что в программе Фрича и его единомышленников в Чехии ставился вопрос о неизбежности распада австрийской монархии и создания независимого чешского государства и подчеркивалась необходимость справедливого урегулирования социальных вопросов, позволяет сделать вывод о прогрессивности и демократическом характере этой программы.

О намерениях И. В. Фрича освещать на страницах «Бланика» социальные вопросы свидетельствовала и введенная в № 5 журнала рубрика «Письма чешского крестьянина». В этом номере было помещено первое письмо (№ 5, стр. 43), которое, к сожалению, оказалось единственным, так как примерно через месяц Фрич вынужден был отказаться от издания журнала.

Отмена барщины и крепостной зависимости крестьян в 1848 г., писал «Бланик», означала, что крестьяне стали равными в правах с другими гражданами. Это привело к росту их самосознания. Однако многое еще мешает тому, чтобы крестьянин действительно чувствовал себя равным с другими членами общества. Причина этого — в сохранении остатков бывлой крепостной зависимости, в многочисленных налогах, которые должны платить крестьяне. В «Письме чешского крестьянина» шла также речь о несовершенстве избирательной системы. По существующей избирательной системе крестьянин, платящий столько же налогов, сколько и помещик, не может

<sup>23</sup> А. Сметана (1814—1851) — выдающийся чешский философ, один из представителей утопического социализма.



участвовать в выборах. Депутаты, представляющие крестьян в рейхсрате, не выражают их интересы. Это приводит к тому, что крестьянским вопросам придается второстепенное значение. На практике, писал «Бланик», многие постановления, которые принимает сейм в отношении крестьян, не отвечают их нуждам (там же). «Бланик» выступал также в защиту интересов мелкой буржуазии, тяжело страдающей от многочисленных налогов (№ 7, стр. 54).

Несмотря на то, что Фрич был прежде всего борцом за национальную независимость и суверенитет Чехии, стремление отразить на страницах журнала и социальные проблемы, в особенности защита интересов крестьян, свидетельствуют о демократизме его взглядов.

Й. В. Фрич не был выразителем взглядов какого-либо определенного класса общества, он защищал интересы тех его слоев, которые более всего страдали от пережитков феодализма и на которые в первую очередь обрушивались тяготы и противоречия развивающегося капиталистического строя. Выступление на страницах «Бланика» в защиту интересов чешского крестьянства, выделение его из всей массы эксплуатируемых было новым моментом в программе Фрича 60-х годов.

По всей видимости, определенное влияние оказал на Фрича М. А. Бакунин и его программа «славянского социализма», в которой именно крестьянству и крестьянской общине отводилась главная роль. Об интересе Фрича к взглядам Бакунина в этот период свидетельствует публикация в «Бланике» статьи М. А. Бакунина, написанной еще в 1862 г. для задуманной совместно с Фричем газеты «Всеславянская свобода»<sup>24</sup>. В этой статье, которая должна была играть роль программной для данной газеты, противопоставлялся «специфический» славянский социализм учению французских и немецких социалистов, а также «коммунизму трудящихся классов Западной Европы» (№ 7, стр. 57—58). Славяне, по мнению Бакунина, являются прирожденными социалистами. Именно в славянской крестьянской общине — своеобразие, жизнеспособность, будущее и всемирно-историческая миссия славянского племени. Он писал о «новом славянском мире», о добровольной федерации всех независимых славянских земель, о крестьянской демократии, которые он противопоставлял западной цивилизации (№ 7, стр. 57—58).

Трудно судить, в какой степени Фрич разделял идеи «славянского социализма», сформулированные Бакуниным, который подобно А. И. Герцену идеализировал славянскую общину и «видел „социализм“ в освобождении крестьян *с землей*, в общинном землевладении и в крестьянской идее „права на землю“»<sup>25</sup>. В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» отмечал буржуазно-демократическую природу «русского» социализма. Он писал, что «На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве... нет *ни грана* социализма»<sup>26</sup>. В статье Бакунина шла также речь о губительном воздействии западной цивилизации на славянский мир, об угрозе онемечения и порабощения славянских народов, которую она в себе несет. Бакунин писал о важности единства и взаимопонимания славянских народов, особенно русского и польского. Он считал бессмысленным ожидание свободы и независимости славянскими народами Австрии, Турции, а также польским народом от царского самодержавия (№ 4, стр. 31, 32; № 6, стр. 50; № 8, стр. 70; № 9, стр. 81).

<sup>24</sup> Эта статья М. А. Бакунина публиковалась в «Бланике» с четвертого по девятый номер под заголовком «Бакунин о славянстве». Так как она не вошла в его Собрание сочинений, автор считает возможным более подробно остановиться на ее содержании.

<sup>25</sup> В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 257.

<sup>26</sup> Там же, стр. 257, 258.

Определенное место на страницах «Бланика» уделялось вопросу отношению к России и ее правительству. Й. В. Фрич писал на страницах «Бланика» о том, что его журнал не является антирусским или антиславянским органом. «Мы не отождествляем славянство с Россией — тем более Россией с ее нынешним правительством» (№ 4, стр. 35). «За время, прошедшее после поездки чешских представителей в Россию в 1867 г., — писал Фрич, — чешский народ начинает постепенно трезветь от опьянения царизмом, понемногу начинают утихать отголоски царского гимна». И далее: «В России есть патриоты, которые только в свободной славянской федерации видят спасение для всех славянских народов... Их пока мало... победа еще далека. Если русский народ хочет быть нашим союзником, он не должен быть заодно с правительством» (№ 2, стр. 19, 20). При этом симпатии Фрича на стороне тех русских, которые, будучи врагами самодержавия, находились в ссылке в Сибири (№ 9, стр. 76).

В рубрике «Политический обзор» освещались события, происходившие в этот период в самой Чехии и в других странах Европы. Сведения о Чехии помещались в таких разделах, как «Письма из Чехии и из-за границы», «Из Праги» и др. В рубрике «Обзор зарубежной прессы» значительное внимание уделялось откликам в зарубежной прессе на события в Чехии, осуждался разгон австрийскими властями народных таборов, а также введение в Праге чрезвычайного положения.

С 1868 г., по мнению Фрича, начался новый этап в политической жизни Чехии, характеризовавшийся ростом массового народного движения в поддержку декларации чешских политических деятелей от 22 августа 1868 г. (№ 5, стр. 44)<sup>27</sup>. В этой декларации чешские буржуазные лидеры выразили свой отказ признать австро-венгерское соглашение и декабрьскую конституцию 1867 г. и участвовать в работе чешского сейма и рейхсрата<sup>28</sup>. На основе этой декларации, ставшей официальной политической программой чешской буржуазии, в этот период были начаты переговоры об уступках со стороны австрийского правительства, которые, как этого желали чешские буржуазные политики, могли бы привести к возможной перестройке австро-венгерской монархии в триалистическое государство<sup>29</sup>. Несмотря на то, что декларация не содержала никаких принципиально новых положений по сравнению со старой программой Национальной партии, она встретила поддержку в самых различных слоях чешского общества<sup>30</sup>, так как отвечала оппозиционным настроениям широких народных масс.

На страницах «Бланика» Фрич выступил с поддержкой декларации. Однако его позиция в отношении дальнейшего развития движения существенно отличалась от позиции старочешских и младочешских лидеров. В то время как старочехи, напуганные размахом национально-политической борьбы, отходят от народного движения, а младочехи стремятся удержать его в рамках легальности, Фрич призывал к активизации массового народного движения в стране. Так, в статье «Пришла пора», опубликованной в декабре 1868 г., т. е. уже после того, как старочехи осудили таборы, Фрич призывает народные массы быть готовыми к решающим действиям во имя завоевания чешским народом независимости и свободы, рассчитывая при этом главным образом на собственные силы (№ 8, стр. 67). Массовые народные таборы, по мнению Фрича, свидетельствовали о силе чешского народа.

<sup>27</sup> Об этом подробнее см. Н. Д. Р а т н е р. Там же, стр. 3—83.

<sup>28</sup> «История Чехословакии», т. II. М., 1959, стр. 97.

<sup>29</sup> «Ceskoslovenská vlastivěda», d. II. Praha, 1969, s. 231.

<sup>30</sup> «История Чехословакии», стр. 97.

Фрич помещал в журнале многочисленные сообщения о репрессиях австрийских властей, полиции, жандармерии (№ 3, стр. 23), об арестах многих тысяч чешских граждан (№ 5, стр. 67). Преследования властей, писал журнал, должны пробудить в народе еще большую активность, так как речь идет о его свободе, о жизни, достойной его славного прошлого. Репрессии правительства, писал «Бланик», вызывают возмущение передовой общественности других стран Европы, а также симпатии к борющемуся за свои права чешскому народу. В «Бланике» приводились высказывания зарубежной прессы о возможности гражданской войны в Чехии в ответ на репрессии правительственных органов (№ 2, стр. 2).

В одном из номеров была помещена заметка из венгерской газеты «Хон» («Родина») <sup>31</sup> о событиях в Чехии, в которой говорилось, что венгры не могут оставаться равнодушными, когда австрийское правительство с помощью военной силы подавляет выступления чешского народа за независимость (№ 4, стр. 31). Подчеркнув, что в последнее время чешский народ неоднократно демонстрировал свою силу, Фрич писал, что в стране есть еще немало обывателей, способных восторгаться героизмом других народов, в частности венгров и поляков, и опасющихся каких-либо своих самостоятельных, противоречащих законам действий, а также обвинений в нарушении порядка. Фрич с осуждением относился к тем, кто безропотно платит налоги и терпит произвол властей (№ 7, стр. 54—55) <sup>32</sup>.

Реакцией Фрича на проходившие в это время австро-чешские переговоры явился его статья «Сначала выясним отношения, а затем — соглашение», в которой содержалась резкая критика политики репрессий австрийского правительства в отношении чешского народа. В статье высказывались требования отставки существующего правительства, смещения и наказания чиновников, полицейских, судей и других представителей власти, объявления амнистии, признания недействительными политических процессов, а также процессов над органами печати, выплаты компенсации всем подвергшимся незаконным преследованиям (№ 7, стр. 53, 54). Необходимо, писал Фрич, восстановить все конституционные свободы, ввести справедливый избирательный закон по выборам в сейм (№ 7, стр. 53). Лишь при выполнении всех этих требований возможно соглашение с правящей династией.

Таким образом, отстаивая национальную независимость и суверенитет Чехии, выступая за ликвидацию феодальных порядков, за всеобщее избирательное право, реформу налоговой системы, отставку правительства, «Бланик» тем самым пропагандировал программу широкой демократизации всей общественно-политической жизни.

События в Чешских землях, рост массового народного движения Фрич рассматривал в «Бланике» не изолированно, а на фоне революционных событий в других странах Европы, в частности в Испании, народ которой сверг монархию. На страницах «Бланика» помещались материалы о революции в Испании и об откликах, которые она вызвала в Европе. В № 1 журнала было напечатано сообщение об обращении рабочего класса Франции к народу Испании (№ 1, стр. 16), в № 4 помещен текст этого обращения, распространявшегося нелегально в странах Европы, в котором подчеркивалась общность целей французского и испанского народов в борьбе за свободу: «Братья испанцы! Ваша программа — это программа

<sup>31</sup> Газета издавалась в Венгрии в 60-е годы, отличалась оппозиционной по отношению к центральной власти направленностью.

<sup>32</sup> Призывы не платить никаких налогов правительству можно встретить во многих номерах «Бланика», а также в брошюре Фрича «Ни гроша налогов более...», изданной в количестве 5 тыс. экземпляров и получившей широкое распространение в Чешских землях.

всей Европы и, в первую очередь Франции». В обращении выражалась уверенность в том, что в скором будущем и французский народ завоеует свободу, содержались опасения за судьбу революции в Испании, так как «совершить революцию — не самое трудное дело, необходимо сохранить ее завоевания» (№ 4, стр. 35—36). «Бланик» извещал читателей о том, что германские демократы также опубликовали свое приветствие испанскому народу, выступив против централизма в поддержку федеративного государственного устройства.

Проявляя внимание к революционным событиям в Европе и выражая к ним свои симпатии, издатели «Бланика» систематически знакомили чешских читателей с программами демократических партий других стран, в первую очередь, славянских. Так, в «Бланике» излагались и приветствовались программа Объединенной сербской омладины (№ 2, стр. 14; № 3, стр. 24—25), Манифест польской демократической эмиграции (№ 3, стр. 26), программа польского журнала «Le peuple Polonais», издававшегося в Женеве (№ 9, стр. 75—76), Устав украинской организации «Просвита» (№ 9, стр. 77—78) и др. Издатели «Бланика» подчеркивали общность целей борьбы различных славянских народов против национального угнетения, приветствовали выраженное в этих программных документах стремление к солидарности. В статье «Мы не одиноки», анализируя программу журнала «Le peuple Polonais», Фрич писал о том, что издатели «Бланика» могут принять значительную часть этой программы, что она создает условия для взаимопонимания и сближения всех стремящихся к свободе народов. Фрич приветствовал сформулированную в этой программе цель создания в будущем на развалинах Турции и Австрии конфедерации независимых государств (№ 9, стр. 75). Эти выступления Фрича шли в разрез с интересами бисмарковской Германии и не подтверждали обвинений идейных противников Фрича в том, что он шел на поводу у Бисмарка.

Фрич сообщал читателям о «Колоколе» Герцена (№ 2, стр. 19), о работе конгрессов Лиги мира и свободы<sup>33</sup> и выражал сожаление, что на проходящем в то время II конгрессе Лиги в Берне (ноябрь 1868) не присутствует ни один представитель от чешского народа. «Правда, — продолжал Фрич, — мы не придаем конгрессу практического значения, в этом смысле мы согласны с Герценом, который... не участвовал ни в прошлом, ни в нынешнем конгрессе, полагая... что ни один конгресс не может покончить с войной... При существующих национальных и экономических отношениях прочный мир в Европе невозможен», он станет реальностью лишь в результате справедливой реорганизации общества (№ 2, стр. 17).

С большой симпатией Фрич писал о деятельности Л. Кошута и его сторонников, сообщал о выходе в свет брошюры Кошута, содержащей оценку австро-венгерского соглашения 1867 г. Вслед за Кошутом Фрич вновь осудил соглашение правящих кругов Венгрии с монархией.

Последний номер «Бланика» вышел в конце декабря 1868 г. Препятствия, чинимые австрийскими властями в распространении журнала в Чехии, сохранение в Праге чрезвычайного положения — все это сделало невозможным дальнейшее его издание.

Анализируя вышедшие в свет номера «Бланика», можно сделать вывод, что Й. В. Фрич, пропагандируя в журнале программу завоевания национальной независимости Чехии, недооценивал в полной мере революционных возможностей народных масс. Это можно, очевидно, объяснить как оторванностью Фрича в течение длительного времени от родины, так и, не в последнюю очередь, неверием его в революционные возможности

<sup>33</sup> Лига мира и свободы — пацифистская организация, созданная в 1867 г. I конгресс Лиги состоялся в Женеве в 1867 г., второй — в Берне в 1868 г.

лидеров младочехов, в которых народные массы, собиравшиеся на таборы, видели своих руководителей. В одном из последних номеров «Бланика» говорилось: «Прекрасна наша конечная цель, но далек еще к ней путь... История несомненно признает... что наш народ в борьбе за свои политические права, в особенности в последний период, показал свою силу самым решительным образом... Но дело еще не сделано. Мы недостаточно подготовлены» (№ 9, стр. 72). По всей видимости, основные надежды Фрич связывал в этот период с укреплением и расширением тайной политической партии «чешско-моравской омладины», главной целью которой должна была стать организация и подготовка политического переворота. Это показали, в частности, и материалы судебного следствия по делу о взрыве бомбы у здания полиции в Праге, произведенном в июле 1869 г. членами тайной революционной организации, состоявшей главным образом из студенческой молодежи<sup>34</sup>, в знак протеста против разгона народных таборов. Члены организации вели антиправительственную агитацию, поддерживали тесные контакты с Й. В. Фричем, а также помогали ему в распространении номеров журнала «Бланик» в Чехии<sup>35</sup>.

Таким образом, в 1868 г. в период кульминации национально-политической борьбы в Чехии Й. В. Фрич использовал журнал «Бланик» в качестве трибуны для пропаганды программы демократической партии, для критики политики произвола и репрессий в Чешских землях.

---

<sup>34</sup> Н. Д. Ратнер. Тайное общество с Бланика. «Новая и новейшая история», 1958, № 3, стр. 133—138.

<sup>35</sup> Там же.



И. КОСТЮШКО

## РЕГУЛЯЦИЯ И ВЫКУП ФЕОДАЛЬНЫХ ПОВИННОСТЕЙ В СИЛЕЗИИ В 1816—1849 ГОДАХ

В статье «Регуляция и выкуп феодальных повинностей в Силезии»<sup>1</sup> были кратко охарактеризованы предпосылки отмены крепостничества, эдикт 9 октября 1807 г. об упразднении личной зависимости крестьян от помещиков и эдикт 14 сентября 1811 г. о регуляции отношений между помещиками и крестьянами. Здесь рассмотрим дальнейший ход регуляции и проведение выкупа феодальных повинностей в Силезии с момента издания декларации 1816 г. до 1850 г.

Эдикт 1811 г., изданный в условиях растущего сопротивления крестьян и приближающейся войны, с чем вынуждено было считаться правительство, не вполне удовлетворял помещиков. Их не устраивали предписания о сроках проведения регуляции, об отдельных категориях крестьянских хозяйств, о нормах возмещения за феодальные повинности и другие. Соображения помещиков были приняты во внимание правительством. В начале 1812 г. был составлен проект декларации к эдикту, который после обсуждения на собрании земских представителей, переделок и внесения поправок с учетом интересов помещиков<sup>2</sup> получил 29 мая 1816 г. силу закона<sup>3</sup>.

Характеризуя позицию прусского правительства, Ф. Энгельс отмечал, что после изгнания французских войск из страны «все прекрасные посулы были снова забыты»; декларация к эдикту «звучала уже совершенно иначе»<sup>4</sup>.

Декларация ограничивала применение эдикта и изменяла условия регуляции в благоприятном для помещиков смысле. Земледельческим хозяйством (*Askernahrung*) считалось хозяйство, с которого отбывалась упряжная барщина или для ведения которого содержался рабочий скот. Отныне регуляции подлежали земледельческие хозяйства, которые одновременно обладали следующими свойствами: а) они были предназначены для содержания их владельцев в качестве самостоятельных сельских хозяев, б) числились в податных книгах провинции крестьянскими владениями,

<sup>1</sup> «Советское славяноведение», 1975, № 6.

<sup>2</sup> G. F. K n a r p. *Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens*, zw. Tl. Leipzig, 1887, S. 286—287, 289—292, 342—347, 357—391. Представители крестьянского сословия, среди которых было три депутата от Силезии, в письме королю от 13 февраля 1813 г. ходатайствовали о немедленной передаче крестьянам их хозяйств в собственность (*Ibid.*, S. 345—346).

<sup>3</sup> «Gesetzsammlung für die Königlichen Preussischen Staaten» (далее — GS), 1816, S. 154—180.

<sup>4</sup> К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 21, стр. 253; ср. J. M a r c h l e w s k i. *Pisma wybrane*, t. 1. Warszawa, 1952, s. 251.

в) в так называемые нормальные годы, т. е. в Силезии до 14 июля 1749 г., находились в пользовании крестьян (хозяйства старого происхождения) и г) в отношении их при публикации эдикта еще сохранялась обязанность помещика передавать освободившиеся хозяйства другим крестьянам. В соответствии с этим модифицировались и предписания эдикта о силезских заградниках.

Таким образом, значительно сокращалось число хозяйств, подлежащих регуляции. Из-под действия эдикта исключались хозяйства без упряжки, крестьяне, отбывавшие только пешую барщину (хотя об этом прямо не говорилось), т. е. большая часть заградников, халупников и им подобных, несмотря на то, что они пользовались рустикальной землей; хозяйства, устроенные на фольварочной земле, и нового происхождения, т. е. возникшие после 14 июля 1749 г. на рустикальной земле, а также хозяйства старого происхождения, к которым применялось постановление от 27 марта 1809 г. о соединении крестьянских земель и присоединении их к фольварку<sup>5</sup>.

Регуляция могла быть проведена по ходатайству одной стороны или обеих сторон и по добровольному их соглашению. Если регуляции требовала одна сторона, то она проводилась особым комиссаром; спорные вопросы решались Генеральной комиссией; в случае обжалования окончательное решение принималось Ревизионной коллегией на основании постановлений эдикта и декларации. В отличие от эдикта срок проведения регуляции не определялся и не предусматривалось ее осуществление в обязательном порядке. Это предоставляло помещику как более сильной стороне преимущество в выборе времени регуляции и вообще вело к затягиванию реформы.

Все земли, состоявшие в законном пользовании крестьянина перед обнародованием эдикта, считались принадлежностью крестьянского хозяйства. Однако если у крестьянина в это время было больше земли, чем принадлежало ему раньше, то помещик мог сразу забрать себе излишек при условии, что он образовался не за счет приобретенных крестьянином земель в собственность или наследственное владение. При недостатке доказательств основанием для такой претензии помещика являлось соотношение между размером производимого и зафиксированного в податном кадастре посева. Это предписание применялось и к ненаследственным хозяйствам, причем временные арендаторы и эмфитевты не могли претендовать на предоставленные им в аренду фольварочные земли.

К повинностям, подлежащим возмещению, относились и десятина мясом, вносившаяся в натуре или деньгами, и данины жареными курами.

При разногласии сторон относительно способа возмещения прав и повинностей Генеральная комиссия определяла, должно ли оно производиться землей или рентой в зерне или частично тем и другим. Помещик обязан был принять возмещение рентой, если в крестьянском хозяйстве после уступки земли не оказалось бы достаточно работы для пары волов. В этом случае крестьянин сохранял за собой указанный надел, но помещик получал ренту, в которой нередко был более заинтересован. Способ возмещения, однако, не мог быть навязан помещику за исключением случаев: а) когда ему при отсутствии добровольного соглашения сторон назначалось возмещение сверх нормальной ставки (оно производилось денежной рентой) и б) когда по спорным делам о сумме ренты, хозяйственных предметах, о разделе угодий общего пользования и обмене земель принималось решение Ревизионной коллегией.

<sup>5</sup> Постановления эдикта и декларации не распространялись и на ласситские хозяйства, находившиеся в церковных имениях и приходах. «Historia Śląska», t. II, cz. II. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970, s. 158—159.

Предписания эдикта о возмещении земель, за исключением нормальной ставки и распределения податей и реальных платежей, к которым относились и десятина и мешне в пользу прихода и церкви, имели теперь рекомендательный характер. Личные платежи и повинности крестьянина в пользу прихода и церкви, в том числе десятина мясом, сохранялись за ним. Земли в пользу помещика должны были отводиться таким образом, чтобы они в хозяйственном отношении были связаны с его владением, а если это оказывалось невозможным без значительного ущерба для одной из сторон, то обособливались от крестьянских земель, причем потеря в качестве земли могла быть компенсирована увеличением ее количества, потеря в количестве — лучшим качеством, а нехватка земли одного рода — другим ее родом.

Крестьянин был обязан возратить семена, необходимые для засева уступаемой им земли, или возместить их по цене на ближайшем обычном городском рынке и передать соответствующую часть навоза, полученного из последнего урожая перед регуляцией; если крестьянину была передана засеянная земля, то возмещение производилось такой же землей. До проведения регуляции крестьянские и переходившие к помещику земли должны были обрабатываться и унаваживаться обычным способом; при передаче помещику земли, недостаточно унавоженной, ему полагалась особая компенсация за это.

Рекомендовалась сепарация земель общего пользования. Помещик и крестьянин могли требовать раздела таких угодий, сепарация земель должна была проводиться по правилам разверстания угодий общего пользования.

Постановления эдикта относительно размера ренты при регуляции наследственных хозяйств впредь имели примерное значение. Рента устанавливалась исходя из местных условий по предписаниям декларации. Если определение ренты по ценности поля оказывалось затруднительным, то производилась оценка всех земель, подлежавших разделу между сторонами, и одна треть чистого дохода при наследственном и половина — при ненаследственном пользовании после вычета реальных платежей составляли ренту. Коммунальные повинности и расходы на содержание построек не принимались во внимание.

Рента, если стороны не договорились о ней иначе, выражалась в определенном количестве зерна и вносилась деньгами по средней его цене за последние десять лет в мартиновские дни <sup>6</sup> на ближайшем обычном городском рынке. Размер денежной платы оставался неизменным в течение последующих десяти лет, по истечении которых он определялся таким же образом на очередное десятилетие. При возмещении рентой также применялись постановления эдикта о пользовании пастбищами, о лесных сервитутах, вспомогательных работах и фольварочном инвентаре и относящиеся к ним предписания декларации.

Поскольку в эдикте крестьянину с наследственным правом пользования землей разрешалось ходатайствовать об установлении платежа в меньшем размере, чем нормальная ставка, то теперь и помещику предоставлялось право требовать более высокого возмещения, чем предусматривалось в эдикте. При этом не делалось различия между наследственными и ненаследственными хозяйствами. Такие ходатайства не могли задерживать проведение регуляции и рассматривались особо. При несогласии сторон вопрос о меньшем или большем возмещении решался избранными ими (по одному) сведущими лицами, в случае разногласия экспертов Генеральная комиссия

<sup>6</sup> Мартиновскими днями считались дни с 4 по 18 ноября. С. G. W. D a n t z. Die agrarischen Gesetze des Preussischen Staats seit dem Jahre 1806... bis auf die heutige Zeit. Bd. 2. Leipzig, 1837, S. 543.



назначала субарбитра. Если оказывалось необходимым специальное разыскание, то при этом учитывались интересы не только ходатайствующей, но и другой стороны. Проходило разыскание следующим образом: основанием для расчета являлись взаимные обязанности крестьянина и помещика; повинности крестьянина определялись суммой затрат помещика для их возмещения при том же способе хозяйствования; неопределенные повинности крестьянина (строительные работы и т. п.) и неопределенные обязательства помещика (помощь при ремонте и возведении построек, временное освобождение от повинностей и другие пособия) исчислялись по заключению сведущих лиц с учетом местных условий; бесплатно выполняемые вспомогательные работы включались в стоимость нормального возмещения; если нормальная ставка превышала стоимость повинностей крестьянина, то помещик обязан был возместить соответствующую сумму ренты, в обратном случае крестьянин должен был вносить определенную сумму ренты сверх нормальной ставки (эти суммы уплачивались деньгами); при ходатайстве о высшем возмещении помещик мог получить за предоставление крестьянину права собственности на наследственное хозяйство 5%, а на ненаследственное — 7,5% чистого дохода от оставшегося ему после регуляции хозяйства, включая и огород; эта сумма причислялась к повинностям крестьянина и исключалась из ренты, которую помещик должен был возмещать, и прибавлялась к ренте, уплачиваемой крестьянином.

В результате этого помещику гарантировалось по меньшей мере нормальное возмещение, а нередко — и более высокое вознаграждение. Поскольку время решения вопроса о высшем возмещении не определялось, то этот вопрос мог ставиться и после проведения регуляции, что осложняло положение крестьянского хозяйства.

Вспомогательные работы в тех местах, где барщина отбывалась с 4-конной или 2-конной упряжкой, должны были составлять соответственно 8 дней с 4-конной и 13 дней с 2-конной упряжкой. Сверх предусмотренных вспомогательных работ могли быть установлены в определенном размере на срок до 12 лет дополнительные ручные работы, которые оплачивались помещиком по предписанным ценам. Если помещик получал ренту по изменяющейся цене ржи, то расчет за вспомогательные работы производился в деньгах по цене зерна, применявшейся для исчисления денежной ренты. Крестьянин обязан был бесплатно предоставлять подводы помещику для производимых им в связи с регуляцией работ, размер и сроки выполнения этих работ определялись Генеральной комиссией.

Обязанность помещика производить капитальный ремонт старых построек и возводить новые постройки для крестьянина прекращалась с момента внесения ходатайства о проведении регуляции. Помещик мог требовать возмещения расходов, произведенных в связи с выполнением этого обязательства после издания эдикта в размере  $\frac{2}{3}$  ценности сохранившихся ко времени регуляции улучшений. Расположенные на крестьянском дворе жилища для фольварочных работников и другие особые постройки, принадлежавшие помещику, сохранялись за последним. По требованию крестьянина и за его счет они могли быть перенесены на фольварочные земли.

Недоимка барщины возмещалась только в случае, если она образовалась в результате неповиновения крестьянина. Задолженность помещику в зерновом сборе или в деньгах, возникшая до 1 января 1815 г., могла быть покрыта с 1 января 1816 г. в течение пяти лет равными частями.

Условия регуляции фиксировались в рецессе, который утверждался Генеральной комиссией. При разногласии сторон относительно срока исполнения регуляции, он устанавливался Генеральной комиссией, причем вопреки воле заинтересованного не мог откладываться более чем

на один год, считая от ближайшего после утверждения рецесса срока замены фольварочных работников (2 апреля каждого года).

При задолженности в уплате ренты зерном помещик имел право требовать ее возмещения и посредством платежа натурой или деньгами по рыночной цене зерна, а недоимки в денежной ренте — отработками по принятой для исчисления денежной ренты цене зерна, являвшегося эквивалентом стоимости рабочего дня.

С проведением регуляции крестьянин приобретал право собственности не только на поверхность земли, но и на ее недра, как оно определялось государственными и провинциальными законами. Если до регуляции на крестьянской земле были открыты залежи извести, мергеля, других минеральных ископаемых и торфа, то они сохранялись за помещиком, причем он должен был вознаградить крестьянина за используемую им поверхность земли. За крестьянином оставалось право пользования этими залежами для удовлетворения собственных нужд, если он пользовался таким правом до регуляции.

При оценке крестьянского хозяйства рента в пользу помещика как реальная повинность исключалась из его стоимости и вносилась во вторую часть ипотечной книги. Долги свыше  $\frac{1}{4}$  ценности хозяйства не касались преимущественных прав других кредиторов. Впрочем, хозяйство являлось объектом, не ограниченным для выполнения обязательств, принятых его владельцем. Передача крестьянского хозяйства по наследству производилась по провинциальным законам, при разделе оно оценивалось по действительному доходу и могло быть продано с аукциона.

Помещик мог при отсутствии законной претензии на получение опустевшего крестьянского хозяйства распорядиться им по своему усмотрению без выставления его на продажу с торгов. При этом не делалось различия между хозяйствами, которые уже были присоединены к фольварку, оставались впусе или перешли бы к помещику в будущем. Это постановление применялось и в случае, когда помещик договорился с временным держателем или другим владельцем об отмене его прав и претензий. Оно распространялось и на ненаследственные хозяйства, оставшиеся после эксмиссии держателей или арендаторов или их добровольного отказа от приобретения хозяйства в собственность, а также на хозяйства заградников в Силезии после истечения срока пользования ими, независимо от того, числились они в кадастре или нет. В результате этого облегчалось присоединение опустевших крестьянских хозяйств к фольварку и расширялся круг хозяйств, которые могли быть включены в фольварк. Более того, разрешалось, в отличие от эдикта, включение крестьянских хозяйств в фольварк до их регуляции, если помещик договорился с крестьянами о прекращении их прав<sup>7</sup>.

Декларация прежде всего ограничивала масштабы регуляции. «Возможность выкупа феодальных повинностей, — констатировал Ф. Энгельс, — была здесь уже не правилом, а исключением»<sup>8</sup>. Вместе с тем условия регуляции стали более обременительными для крестьян и расширились возможности помещиков в обеспечении своих интересов.

Новый закон предусматривал регуляцию в Верхней Силезии и таких хозяйств, которые относились к категории заградничьих. Это вызвало возражение со стороны помещиков. В письме от 19 августа 1816 г. к генеральному комиссару фон Иордану представители дворянского сословия заяв-

<sup>7</sup> Хотя постановлением 9 июня 1819 г. ненаследственное хозяйство, подлежащее регуляции, по правам наследования приравнялось к наследственному, различие между ними в отношении возмещения лежащих на них повинностей сохранялось. J. Z i e - k u r s c h. Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte. Breslau, 1927, S. 334—335.

<sup>8</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 253.

ляли, что декларация ставит их в трудное положение и ходатайствовали о ее пересмотре. Сообщая об этом в министерство внутренних дел, фон Иордан полагал, что помещики не могли обойтись без пешей барщины, выполняемой заградниками, и поэтому следовало бы учесть их пожелания. Министерство внутренних дел, однако, считало невозможным изменение декларации.

Между тем при проведении регуляции обнаружились различия в толковании закона самими властями. По мнению Генеральной комиссии в Стпешельцах и Ревизионной коллегии во Вроцлаве, регуляции подлежало хозяйство, которое после уступки земли помещику могло быть самостоятельным земледельческим хозяйством. Напротив, Тайный верховный трибунал считал, что регуляции подлежат хозяйства, имеющие упряжку, независимо от того, каким оно будет после передачи части его земли помещику. Домогательства верхнесилезских помещиков встретили поддержку в государственном министерстве. Оно предложило считать подходящими под действия закона хозяйства, имевшие не менее 25 моргов<sup>9</sup> земли среднего качества. Заключение государственного министерства было передано на рассмотрение Государственного совета и провинциальных сословий. В отличие от помещиков бюргерское меньшинство считало существующие обязательные отношения в деревне препятствием для развития промышленности и земледелия (отзыв от 20 декабря 1825 г.). Промышленное производство, говорилось в отзыве, испытывает недостаток работников, зависимый труд мало полезен и для помещичьего хозяйства. Представители бюргерства высказывались за выкуп хозяйств заградников. Во избежание ущерба для земледелия их выкуп должен был происходить постепенно. По их мнению, следовало бы разрешить регуляцию хозяйств заградников, которые могли сразу возместить свои повинности уплатой капитала из собственных средств без уменьшения земельного надела<sup>10</sup>.

Правительство удовлетворило ходатайства помещиков<sup>11</sup>. 13 июля 1827 г. было издано высочайшее постановление относительно регуляции в Опольском округе (исключая Гродковский и Ныский повяты)<sup>12</sup>. Здесь не должно было применяться предписание декларации, содержащее определение земледельческого хозяйства, и исключались из-под ее действия все хозяйства, числившиеся в седьмой части податного кадастра как хозяйства заградников, заградников-молотильщиков или под другим названием, которые считались хозяйствами работников. Если с такого хозяйства отбывалась упряжная барщина и оно заключало в себе с приусадебным и полевым огородами по меньшей мере 25 м. земли среднего качества или соответствующее количество лучшей или худшей земли, то последнее подлежало регуляции. В этом случае к упряжной барщине относились повинности такого рода, зафиксированные в кадастре и поземельной описи, имеющих законную силу, в не оспариваемом контракте, ставшие обычаем ко времени издания эдикта 1811 г. и отбывавшиеся в имении или промышленном заведении. Подводы, предоставлявшиеся временно или по контракту за особое вознаграждение или передачу в пользование земли, облагаемой домениальной податью, не считались упряжной барщиной. Разрешалась регуляция хозяйств указанного размера, не обремененных упряж-

<sup>9</sup> Морг (далее — м.) = 0,2553 га.

<sup>10</sup> G. F. K n a p p. Ibid., zw. Tl., S. 398—406; «Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku», t. I. Wrocław, 1957, s. 34—35; J. M a r c h l e w s k i. Ibid., s. 278; J. Z i e k u r s c h. Ibid., S. 331—332.

<sup>11</sup> Генеральная комиссия много лет спустя, касаясь вопроса о нуждах помещиков в рабочей силе, констатировала, что эти нужды были минимальными. (Письмо в министерство сельского хозяйства от 25 ноября 1849 г. G. F. K n a p p. Ibid., zw. Tl., S. 407).

<sup>12</sup> GS, 1827, S. 79—80.

ной барщиной при условии возмещения их владельцами повинностей помещику уплатой капитала сразу<sup>13</sup>.

Таким образом, в Верхней Силезии значительно ограничивалась сфера регуляции. Большинство загородников было исключено из-под действия декларации. Владельцы имений могли распоряжаться хозяйствами таких загородников по своему усмотрению.

Предписания эдикта и декларации о сроках проведения регуляции и возмещении отменяемых повинностей исходили из интересов помещиков. При «добрвольном» соглашении или ходатайстве помещика о проведении регуляции ее сроки определялись с учетом его пожелания. Если регуляции требовал крестьянин, то помещик, находя ее несвоевременной, как более сильная сторона при поддержке властей мог оттягивать ее. Что же касается крестьян, то одни из них добивались скорейшего проведения регуляции, другие, имея в виду ее тяжелые условия, воздерживались от нее.

На первых порах в условиях военного времени и ближайшие за тем годы помещики в одних случаях из опасения потери барщины противились регуляции, в других — при недостатке денежных средств предпочитали возмещение в виде уплаты ренты или капитала. Напротив, крестьяне, не воспользовавшиеся денежными средствами, старались избавиться от помещичьего гнета посредством уступки части своей земли. При таких обстоятельствах регуляция задерживалась, и ее масштабы были незначительными. В Верхней Силезии и Ключборкском, Намысловском, Сыцовском и Милычском поветах Нижней Силезии с 1811 до весны 1818 г. было проведено лишь 55 и начато 187 регуляций<sup>14</sup>. С повышением цен на зерно в 1816—1819 гг. у крестьян появились возможности для ускорения регуляции<sup>15</sup>. По данным Генеральной комиссии до конца 1820 г. была проведена регуляция 2224 хозяйств в 259 деревнях. При этом упразднялось 451465 упряжных и 40 852 пеших дней барщины (в среднем на хозяйство 201 упряжный и 18 пеших дней), у крестьян осталось 89 523 м. земли (в среднем на хозяйство приходилось 40 м.)<sup>16</sup>.

На ходе регуляции сказался аграрный кризис 1822—1828 гг., проявившийся в резком падении цен на рожь, репс, лен, хмель, скот, древесину<sup>17</sup>. В эти годы в одних местах регуляция задерживалась, в других — помещики пытались посредством регуляции преодолеть трудности, связанные с кризисом. С улучшением хозяйственной конъюнктуры (в 1829 г. началось повышение цен на зерно) и расширением возможностей получения кредитов помещики были более заинтересованы в возмещении упраздненных повинностей земель, поскольку распоряжение капиталом было ограничено, так как часть его предназначалась для уплаты долгов.

Регуляция проходила в условиях напряженных отношений между помещиком и крестьянами, сопровождалась спорами и конфликтами между ними<sup>18</sup>. Помещик стремился получить максимальную выгоду, крестьянин же пытался по возможности отстоять свои интересы. Закон и само положение помещика обеспечивали ему преимущество в этом деле. На стороне помещика и часто не бескорыстно находились комиссии, занимавшиеся регуляцией. «Аграрные комиссии, — отмечал Ф. Энгельс, — полностью усвоили благие намерения правительства и ... позаботились о том, чтобы при выкупе надлежащим образом надуть крестьянина в интересах дворя-

<sup>13</sup> Ср. «Śląsk...», s. XVII.

<sup>14</sup> Ibid., s. 11—13; G. F. K n a p p. Ibid., erst. Tl., S. 243—244; J. Z i e k u r s c h. Ibid., S. 338—339.

<sup>15</sup> К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 19, стр. 41.

<sup>16</sup> А. М e i t z e n. Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staates nach dem Gebietsumfange vor 1866. Bd. I. Berlin, 1868, S. 431.

<sup>17</sup> «Historia Śląska», s. 183.

<sup>18</sup> Ibid., s. 390.

нина»<sup>19</sup>. При этом нередко экономические комиссары, получавшие от заинтересованных сторон вознаграждение за проведение регуляции, умышленно затягивали ее, чтобы побольше «подзаработать» на ней. В случаях спора между сторонами и корыстолюбия комиссаров нередко регуляция растягивалась на многие годы и приводила к разорению крестьян<sup>20</sup>.

При разнообразии условий регуляции некоторое представление о ней дает регуляция крестьян деревни Ожегув Бытомского повята. По рецессу от 2 мая 1828 г. пять крестьян получали свои дворы, огороды и половину полевых земель, а один крестьянин (В. Сикора) приобрел все свои земли «в неоспоримую и неограниченную собственность». В связи с этим прекращался выпас фольварочного скота на их землях. Крестьяне освобождались от всех повинностей в пользу владельца имения, и вместе с тем упразднялись обязательства помещика ремонтировать старые и возводить новые постройки для крестьян, предоставлять им пособие в несчастных случаях и замещать их при уплате податей и общественных сборов. Отменялись права крестьян собирать хворост, подстилку и пасти свой скот в помещичьем лесу и их услуги, связанные с пользованием лесными сервитутами.

За передачу хозяйств в собственность и отмену барщины, чиншей, данин, сторожевой повинности и других обязанностей пять крестьян передавали помещику половину своих пахотных, луговых и пастбищных земель, от 19 м. 55 прентов<sup>21</sup> до 30 м. 15 пр. с хозяйства, всего 114 м. 173 пр., а В. Сикора должен был вносить ежегодно ренту в размере 15 корцев 14 гарнцев ржи прусской меры<sup>22</sup>, что в денежном выражении составляло в течение первых десяти лет 20 талеров 28 серебряных грошей и 10 пфеннигов<sup>23</sup>. Кроме того, каждый крестьянин за отказ помещика от требования возмещения сверх нормальной ставки обязан был платить ему ежегодно 29 сентября 1 тал.

Пять крестьян, пользовавшихся фольварочным инвентарем, обязывались каждый в отдельности в течение первой недели после заключения соглашения о регуляции возместить его стоимость деньгами из расчета: за 2 лошади — 20 тал., 2 вола — 16, окованную телегу — 10, плуг — 1 тал., за мотыгу — 10 и две бороны — 24 сер. гр., всего 48 тал. 4 сер. гр. (наследники А. Ксенжки возвратили фольварочный инвентарь до регуляции). Четыре крестьянина должны были до 1 января 1824 г. вернуть помещику половину полученных от него семян: каждый по 3 корца ржи и гречихи, 12 гарнцев ячменя, 3 корца 12 гарнцев овса и 4 гарнца гороха вроцлавской меры<sup>24</sup>. В. Сикора, уплачивавший ренту, не обязан был возвращать семена, а наследники А. Ксенжки за них рассчитались раньше. Все крестьяне, за исключением В. Сикоры и наследников А. Ксенжки, отдавали помещику со всего урожая 1823 г. шестой сноп, а овощи и картофель с каждой шестой грядки по его выбору; сенокосы делились пополам.

Поземельный налог крестьян, уступивших помещику половину своей земли, уменьшался наполовину. С 1 августа 1823 г. каждый из них обязан был платить по 1 тал. 17 сер. гр. налога. С этого же времени они должны

<sup>19</sup> R. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 254; см. также т. 19, стр. 343.

<sup>20</sup> «Śląsk...», s. 35—39; W. Wolff. Wybór pism o Śląsku. Warszawa, 1954, s. 200—205, 210—212; R. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 78—80; J. Ziekursch. Ibid., S. 356; K. Orzechowski. Uwagi o przebiegu i rezultatach uwłaszczenia w powiecie kozielskim Górnego Śląska. «Przegląd Zachodni», 1952, rocz. VIII, zesz. dodat. «Studia Śląskie»; его же. Postępowanie uwłaszczeniowe na Górnym Śląsku. «Przegląd Zachodni», 1952, № 1/2, s. 212—213, 222.

<sup>21</sup> Морг = 180 прентам (далее — пр.).

<sup>22</sup> Корец (шеффель) прусской меры = 54,9 литра, гарнец =  $\frac{1}{16}$  корца.

<sup>23</sup> Талер (далее — тал.) с 1821 г. = 30 серебряным грошам (сер. гр.) по 12 пфеннигов (пф.).

<sup>24</sup> Корец вроцлавской меры = 74,1 литра = 16 гарнцам.

были вносить половину подати от повинностей, уплачивавшейся помещиком, т. е. по 14 сер. гр. 2 пф., и половину сбора в пользу церкви, т. е. по 1 сер. гр. с хозяйства. В. Сикора платил поземельный налог (3 тал. 4 сер. гр.) и сбор в пользу церкви (2 сер. гр.) в прежнем размере, подать от повинностей (27 сер. гр.) переходила на его хозяйство, и на ее сумму уменьшалась годовая рента. Все гминные сборы и повинности оставались без изменения за ними.

При каждом изменении собственности независимо от величины приобретения крестьяне обязаны были платить ляудемии в размере 5 тал. с двора и огорода и по 10 сер. гр. с морга земли, принадлежащей хозяйству. Обнаруженные на крестьянских землях полезные ископаемые, добыча которых могла производиться только промышленным способом, считались собственностью помещика. Прочие ископаемые, в особенности известь, составляли неограниченную собственность крестьянина, если они по закону принадлежали владельцу земли. Право охоты на крестьянских землях сохранялось за помещиком. Крестьяне должны были содействовать администрации при исполнении ею служебных обязанностей и выполнять такие вспомогательные работы, которые требовали значительной рабочей силы, как например при перенесении деревянных построек и т. п., но не более одного дня в год и в случаях, когда это было необходимо. По истечении 12 лет эти обязанности прекращались. Если после регуляции требовалось возведение новых построек для помещика, то крестьяне обязаны были предоставить подводы, причем споры по этому вопросу решались Генеральной комиссией. В связи с переходом части крестьянской земли к помещику производился обмен земельных участков, находившихся в пользовании заградников, проживавших в деревне<sup>25</sup>.

Как явствует из рецесса, в этом случае регулировались крестьянские хозяйства, состоявшие в ненаследственном пользовании. Помещик претендовал на возмещение в большем размере, чем нормальная ставка, и за отказ от такого требования все же получал дополнительно 1 тал. ренты с хозяйства. После этого, казалось, что все повинности в пользу помещика были компенсированы. Однако за крестьянами сохранялся платеж ляудемии, кроме того, они обязаны были при уступке земли вносить в казну половину подати с повинностей, отбывавшихся в пользу помещика, которые уже были ими возмещены. Полезные ископаемые на крестьянской земле, которые могли разрабатываться промышленным способом, считались собственностью помещика, хотя в законе об этом ничего не говорилось.

По данным Генеральной комиссии, результаты регуляции со времени издания эдикта 1811 г. по 1846 г. представлены в табл. 1.

До конца 1829 г. регуляции подверглось 3641 крестьянское хозяйство. Эти хозяйства до регуляции располагали 215 287 м. земли, причем в среднем на одно хозяйство приходилось 59 м. земли, 170 упряжных и 30 пешеходных дней барщины. Крестьяне передали помещикам 37% своей земли, и у них в среднем на хозяйство осталось 37 м. земельных угодий. Возмещение помещикам за отмену феодальных прав составило 1 612 340 тал., в том числе земель (по оценке, принятой для крестьянских земель, — 14,88 тал. за один морг) 1 206 783 тал. (74% общей суммы), рентой зерном (по одному тал. за шеффель ржи и капитализации из 5%<sup>26</sup>) — 48 220 тал. (3%),

<sup>25</sup> «Śląsk...», s. 46—52.

<sup>26</sup> Здесь вслед за И. Цикуршем рента капитализируется из 5% (Ibid., S. 344). По положению от 7 июня 1821 г. рента капитализировалась из 4% (§ 16). Выкуп ренты, установленный при регуляции, производился по правилам этого положения (§ 17). В таком случае сумма капитализованной ренты была бы на 20% больше и соответственно изменились бы другие показатели.

денежной рентой (по капитализации из 5%) — 302 180 тал. (19%) и посредством уплаты капитала — 55 157 тал. (4%).

Таким образом, преобладало возмещение земель, второе место занимала денежная рента. Общая сумма возмещения равнялась 44% ценности крестьянских хозяйств (земля + рента + капитал) до регуляции и 53% стоимости земель, находившихся у крестьян до ее проведения. Из этого следует, что среди регулируемых хозяйств преобладали ненаследственные, а поскольку регуляция охватывала и наследственные хозяйства, то возмещение помещикам нередко превышало нормальные ставки.

Таблица 1

*Регуляция крестьянских хозяйств с 1811 по 1846 г.*

Годы	Число регулированных хозяйств	Площадь регулированной земель (м.)	Приблизительная стоимость регулированной земель	Отменено барщинных дней		Возмещение помещикам			
				упряжных	пеших	земля (м.)	рента (шеффелей ржи)	денежная рента (тал.)	капитал (тал.)
По 1829	3 641	134 186	1 997 810	619 117	109 302	81 101	2 411	15 409	55 157
По 1838	4 560	169 010	2 241 345	728 884	169 451	100 698	3 140	19 175	57 351
По 1846	4 639	171 237	2 248 185	733 380	182 271				

Источники: Deutsches Zentralarchiv (DZA), Historische Abt. II Merseburg, Ministerium des Innern (MI), Rep. 87 B, Bl.111; F. B. Weber. Handbuch der Staatswirtschaftlichen Statistik und Verwaltungskunde der Preussischen Monarchie. Breslau, 1840, S.375; J. Ziekursch. Ibid., S. 420—421.

В 1830—1838 гг. была проведена регуляция 919 хозяйств<sup>27</sup>. В среднем на регулируемое хозяйство приходилось 59 м. земли, 119 упряжных и 65 пеших дней барщины, после регуляции — 38 м. земли (крестьяне потеряли 36% своих земель). По данным табл. 1, в этом случае средняя цена морга земли составляла 6 тал. Эта цифра вызывает сомнение, но если принять ее в расчет, то возмещение помещикам составило бы 215 676 тал. (54% этой суммы землей, 38 — денежной рентой, 7 — рентой зерном и 1% — капиталом), или 50% ценности крестьянских хозяйств и 66% стоимости их земель до регуляции. Если принять во внимание среднюю цену морга земли за период по 1838 г. (13 тал.), то возмещение увеличится до 352 855 тал., причем соотношение между отдельными его видами определялось бы соответственно цифрами 72—23—4—1, а его сумма равнялась бы 43% стоимости хозяйств и 50% ценности их земли до проведения регуляции. Здесь средняя цена земли нивелирует процентные показатели, но вместе с тем обнаруживается уменьшение удельного веса земли и увеличение доли денежной ренты в возмещении.

Со времени издания эдикта 1811 г. по 1838 г. было регулировано 4560 хозяйств в 509 деревнях. Помимо барщины (в среднем с хозяйства 160 упряжных и 37 пеших дней) крестьяне освободились от повинностей, оценивавшихся в 63 910 талеров. В счет возмещения феодальных прав помещики получили 84 413 м. пахотных земель, 11 957 м. луга, 3141 м. пастбища и 1187 м. леса<sup>28</sup>, у крестьян осталось 143 419 м. пахотных, 16 531 м. луговых и 5473 м. пастбищных земель и 3587 м. леса (в среднем на хозяйство 37 м.), причем они утратили 37% своих земель. Возмещение помещикам (при средней цене морга земли — 13,08 тал. и средней цене шеффеля ржи в 1836—1846 гг. — 1 тал. 7,5 сер. гр.) составило в целом 1 836 481

<sup>27</sup> Разница между данными 1838 и 1829 гг. Таким же способом получены и другие исходные цифры.

<sup>28</sup> И. Цикуриш полагает, что до 1838 г. около  $\frac{3}{4}$  всех хозяйств было регулировано посредством уступки земли помещику, остальные хозяйства освободились от повинностей путем уплаты ренты и капитала (J. Ziekursch. Ibid., S. 344).

тал. <sup>29</sup> (из них 72% земель, 21% денежной рентой, 4% рентой зерном и 3% капиталом), или 45% ценности крестьянских хозяйств и 52% стоимости их земель до регуляции. При этом помещики получили возмещение за оставшийся у крестьян фольварочный инвентарь 87 846 тал., освободились от своих обязательств (в том числе лесных сервитутов на 629 тыс. моргов), оценивавшихся в 693 598 тал., и включили в фольварки 16 044 м. отнятых у крестьян земель. Кроме того, за крестьянами, где было предусмотрено, сохранялись вспомогательные работы, уплата подати от повинностей и другие платежи.

За 1839—1846 гг. имеются только данные о числе регулированных хозяйств (79), их земельной площади после регуляции (2227 м., в среднем на хозяйство — 28 м.) и отмененной барщины (в среднем с хозяйства 57 упряжных и 162 пеших дня). Из них следует, что в эти годы регулировались преимущественно мелкие хозяйства <sup>30</sup>.

С проведением регуляции изменялись поземельные права крестьян. Эдикт 1811 г. предусматривал передачу крестьянину его хозяйства в собственность (§ 1, 4, 6, 10, 25), которая считалась полной или неограниченной (§ 31, 38). В декларации 1816 г. также говорилось о передаче хозяйства в собственность крестьянину (ст. 1, 69, 71, 72, 82). В рецессах права крестьянина определялись как «неоспоримая и неограниченная» или «свободная и неограниченная» собственность <sup>31</sup>. По мнению Г. Ф. Кнаппа, в результате регуляции помещик переставал быть собственником или, по более четкому определению властей Курмарки, верховным собственником крестьянского хозяйства, оно становилось собственностью крестьянина <sup>32</sup>. И. Цикурш полагал, что в этом случае ласситское владение превращалось в полную собственность <sup>33</sup>.

В ряде работ регуляция рассматривается как передача крестьянам их хозяйств в собственность <sup>34</sup>. По мнению К. Ожеховского, регуляция означала превращение ласситского землепользования в ограниченную собственность (*własność podległa*), причем верховная собственность оставалась за помещиком, поскольку сохранялись платежи ренты, чинша и ляудемии, вспомогательные работы, право охоты и разработки ископаемых на крестьянской земле, патримониальная юрисдикция <sup>35</sup>. Однако при такой трактовке регуляции необходимо учитывать следующие обстоятельства. По закону крестьянин мог, не нарушая прав кредиторов, свободно распоря-

<sup>29</sup> Ср. J. Ziekursch. Ibid., S. 344.

<sup>30</sup> Г. Шюкк сообщает, что после издания постановления от 13 июля 1827 г. условия регуляции хозяйств загородников оказались настолько тяжелыми, что с 1827 по 1846 г. в Верхней Силезии было только 10 случаев регуляции таких хозяйств. Исследования польских историков показывают, что в действительности в связи с пожеланиями части помещиков регуляция загородничьих хозяйств проводилась в более широких размерах. См.: A. Maguszcza-Korzechowska. Uwagi nad regulacją zagrodników na Górnym Śląsku. «Przegląd Zachodni», 1952, № 1/2, s. 236—244; K. Orzechowski. Przekształcenia praw chłopów do ziemi na Górnym Śląsku w końcu XVIII i pierwszej połowie XIX wieku. «Czasopismo prawno-historyczne», 1954, t. VI/1, s. 279; «Historia Śląska», s. 161. Ср. «Historia chłopów polskich», t. II, LSW, 1972, s. 73.

<sup>31</sup> «Śląsk...», s. 47; K. Orzechowski. Przekształcenia praw..., s. 269—272.

<sup>32</sup> G. F. Knapp. Ibid., erst. Tl., S. 191; zw. Tl., S. 233.

<sup>33</sup> J. Ziekursch. Ibid., S. 317.

<sup>34</sup> «Pomorze Gdańskie. 1807—1850. Wybór źródeł». Wrocław, 1958, s. XXVIII—XXIX; K. Popiołek. Historia Śląska od pradziejów do 1945 roku. Katowice, 1972, s. 155; «Dzieje Polski». Warszawa, 1975, s. 499.

<sup>35</sup> K. Orzechowski. Przekształcenia praw..., s. 266, 270—271, 279; «Historia Śląska», s. 131, 136, 151. Таким же или подобным образом характеризуется регуляция: «Historia Polski» (макета), t. II, cz. I, PWN, 1956, s. 529; S. Sreniowski. Uwłaszczenie chłopów w Polsce. Warszawa, 1956, s. 111; «Śląsk...», s. XV—XVI. Ср. ред. L. Radwański. «Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych», t. XVII (1955). Poznań, 1956, s. 241.



жаться своим хозяйством, и так, вероятно, было в действительности. Если при регуляции упразднялись все повинности крестьянина, то вместе с тем отменялись и права помещика в отношении крестьянского хозяйства. За помещиком в этом случае сохранялись лишь право охоты и разработки ископаемых на крестьянской земле<sup>36</sup> и патримониальная юрисдикция, но эти привилегии не были равнозначными праву верховной собственности. Касаясь эдикта 1811 г., Ф. Энгельс отмечал, что в нем «крестьянам и помещикам *рекомендовалось* в течение двух лет вступить в полюбовное соглашение о выкупе барщины и повинностей, а также и о выкупе у помещика его верховных собственнических прав». В другом месте он указывал, что «согласно основному принципу крестьянин за уступку одной трети своего земельного участка (или за уплату ее денежной стоимости) должен был стать свободным собственником сохранявшейся у него еще после этого земли»<sup>37</sup>. По-видимому, иначе было при уплате ренты. Здесь поземельное право помещика трансформировалось в ренту и упразднялось с ее выкупом. Впрочем, с предоставлением крестьянину права собственности на землю изменялся и характер ренты.

В декларации 1816 г. предусматривалось издание особого положения о выкупе крестьянами, владевшими хозяйствами на правах так называемой собственности, наследственночиншевого держания и наследственной аренды, их повинностей в пользу помещика. Такое положение было утверждено 7 июня 1821 г.<sup>38</sup> По этому закону могли быть выкуплены барщинные повинности крестьян-«собственников», наследственных чиншевиков и наследственных арендаторов, если их хозяйства относились к категории земледельческих (*Askernahrungen*), а также вспомогательные работы, предусмотренные эдиктом 1811 г. и декларацией 1816 г. При этом работы, вытекавшие из обязательств по отношению к государству, общине и церкви, не подлежали отмене. Если крестьянское хозяйство было передано в так называемую собственность, наследственночиншевое владение или наследственную аренду до 1811 г. с неограниченным сроком исполнения барщинной повинности, то ее выкуп разрешался по истечении 12 лет после обнародования этого положения. Выкуп барщины производился только по предложению заинтересованной стороны. Требовать выкупа могли помещик и крестьянин, последний, когда шла речь о вспомогательных работах — после истечения определенного срока.

Барщина оценивалась и возмещалась следующим образом. Если упряжные и ручные работы вместе ежегодно с хозяйства при пересчете их на ручную работу по предписаниям эдикта 1811 г. и декларации 1816 г.<sup>39</sup> не превышали 50 дней мужской ручной работы, то стоимость этих работ определялась в деньгах по обычным в местности ценам за аналогичную работу в соответствующее время. Цена дня мужской ручной работы, однако, не могла быть выше 8 бранденбургских грошей (10 сер. гр.). Строительные работы оценивались по особым правилам. Стоимость барщины в указанном случае возмещалась уплатой ренты.

Когда ежегодная барщина с хозяйства превышала 50 пересчетных дней, ее ценность определялась суммой расходов помещика для возмещения барщины при той же системе хозяйства. Оценка неопределенных строи-

<sup>36</sup> По указу 19 февраля (2 марта) 1864 г. «об устройстве крестьян» в Королевстве Польском крестьяне становились полными собственниками своих хозяйств, при этом помещику разрешалось продолжать разработку каменного угля и руды на крестьянской земле (ст. 1, 9, 15).

<sup>37</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 252—253; см. также т. 19, стр. 343.

<sup>38</sup> GS, 1821, S. 77—83.

<sup>39</sup> По § 17 эдикта и ст. 41 декларации день работы с одноконной упряжкой приравнивался к двум дням мужской ручной работы.

тельных работ производилась сведущими лицами с учетом предписаний положения о разделе угодий общего пользования. Из стоимости барщины вычиталось возмещение, которое помещик обязан был давать крестьянину в натуре или деньгах. Если оно превышало стоимость барщины, то крестьянин не имел права требовать выплаты ему излишка и должен был довольствоваться освобождением от барщины. В случаях, когда барщина с хозяйства превышала 50 пересчетных дней, ее стоимость возмещалась уступкой земли или уплатой ренты, причем стороне, обязанной принять предложение о выкупе барщины, предоставлялось право выбора вознаграждения рентой или землей.

Размер ренты определялся по правилам положения о разделе угодий общего пользования. Обязанный мог выкупить ренту посредством выплаты ее в 25-кратном размере (по капитализации из 4%). О ее выкупе необходимо было предупредить за шесть месяцев. Разрешался частичный выкуп ренты, причем выкупаемая сумма капитала не могла быть меньше 100 тал. По этим правилам производился и выкуп ренты, установленной при регуляции по эдикту 1811 г. и декларации 1816 г. Невыкупленная рента могла быть внесена в ипотечную книгу крестьянского хозяйства.

При возмещении барщины землей помещик получал соответствующую стоимости его права часть пахотных, луговых и пастбищных земель, которая определялась по соотношению этих земель в крестьянском хозяйстве. Для отвода земель в удобном месте разрешался обмен участков, находившихся в общественном пастбище. Помещик имел право оставить за собой на 12 лет упомянутые в эдикте и декларации вспомогательные работы за установленное там вознаграждение. Если барщина не превышала предусмотренных вспомогательных дней или выполнялась в меньшем размере, то по требованию помещица сохранялась на указанный срок.

Рецесс об отмене барщины при несогласии сторон приводился в исполнение по истечении года после его утверждения, т. е. в ближайший за тем срок окончания контрактов о найме (Umzugs) фольварочных работников.

В ренту могли быть превращены ежегодные натуральные сборы, десятины и ляудемии, обременявшие хозяйства независимо от того, относились ли эти хозяйства к категории крестьянских или нет и отбывалась или не отбывалась с них барщина. Другими словами, право выкупа таких повинностей предоставлялось не только крестьянам, но и другим сельским хозяевам. Стоимость продуктовых сборов и десятины в продуктах определялась таким же способом, как и цена ржи. Сборы домашней птицы, телятами, ягнятами, свиньями, маслом, сыром и воском, другие натуральные данины и мясная десятина оценивались сведущими лицами по обычной цене перед их выкупом; если данины возмещались в деньгах, то денежная сумма составляла их ценность; цены, зафиксированные в документах или основанные на обычае, принимались за меру, если обязанный имел право вносить сбор в натуре или в деньгах.

Предписания эдикта 1811 г. о повышении культуры земледелия относительно выкупа наследственными арендаторами денежных повинностей (канона и ляудемии, § II) распространялись и на лиц, владевших хозяйствами на правах так называемой собственности и наследственничиншевого держания. При этом обязанный в случае продажи части своей земли должен был выкупить часть ежегодного чинша, соответствовавшую доходу от проданной земли; ежегодный сбор вносился частями, не менее 4 тал. каждый раз, сумма платежа ниже 4 тал. подлежала выкупу посредством уплаты капитала.

Размер натуральной десятины определялся по состоянию хозяйства ко времени ее выкупа сведущими лицами, которые давали заключение, какое количество зерна, соломы, других продуктов и скота ежегодно в общей

сложности мог получить владелец в качестве десятины. Если лицо, получившее десятину, со своей стороны выполняло постоянные или случайные повинности, то при выкупе всех или некоторых десятин путем уплаты капитала оно могло требовать одновременного выкупа и своих обязательств. Такое же право в этом случае имели и те, чьи повинности исполнялись указанным лицом. При несогласии сторон выкуп повинностей мог быть произведен только в целом, а случайных — только уплатой капитала. Их стоимость определялась таким же образом, как и ценность крестьянских повинностей и десятин. Помещику предоставлялось право взаимного выкупа и таких повинностей в отношении крестьянина, как события при возведении и ремонте построек, льготы или освобождение от повинностей при несчастных случаях и т. п. Кроме того, лицо, получившее десятину, или помещик могли освободиться от своих обязательств без выкупа, отказавшись от вознаграждения за повинности в их пользу. Выкуп натуральных десятин производился посредством уступки земли или уплаты ренты.

Размер ляудемии устанавливался по сумме платежей в течение столетия или другого определенного времени. Если ляудемия уплачивалась: а) в каждом случае перехода хозяйства по наследству, то считались в течение столетия три перехода; б) при передаче хозяйства наследнику по нисходящей линии — одна передача; в) в случае смерти помещика — три перемены во владении; г) при смене верховной собственности, связанной с правами учреждения или сенъоратом — шесть изменений; д) в случаях продажи верховной собственности — две продажи. Основанием для расчета являлась сумма ляудемии, зафиксированная в контракте, регистре, земском законе или вносившаяся по обычаю. При отсутствии таких данных размер ляудемии определялся по последним шести платежам, а если это оказывалось невозможным, то по средней сумме платежей, о которых имелись сведения. Платежи ляудемии при каждом изменении владельческих прав за столетие суммировались и одна сотая их составляла ежегодную ренту, которая могла быть выкуплена. Если ляудемия вносилась по истечении определенного числа лет, то ежегодная рента вычислялась путем деления ляудемии или установленной средней ее суммы на указанное число лет. Кроме того, подлежала полному возмещению ляудемия за время, прошедшее с момента последнего платежа до ее выкупа.

Пешая барщина, обременявшая служебные хозяйства (*Dienstfamilienstellen*), и в частности загородников-молотильщиков в Силезии, могла быть выкуплена только при согласии обеих сторон.

При возмещении повинностей землей или уплатой ренты налог и подать с повинностей сохранялись за их плательщиками, с уплатой капитала или выкупом денежной ренты подать с повинностей переходила на выкупаемое хозяйство. Если выкупалась барщина загородниками, пользовавшимися своими хозяйствами на правах так называемой собственности, по добровольному соглашению сторон, то подать с повинностей оставалась за помещиком <sup>40</sup>.

Положение о выкупе повинностей применялось только к некоторым категориям крестьян. Ф. Энгельс указывал, что в нем «вновь предписывалось ограничивать право на выкуп, предоставляя его только более крупным крестьянским дворам, так называемым *Ackernahrungen*, а для владельцев мелких хозяйств — безнадельных крестьян, *Häusler*, *Dreschgärtner*, одним словом, всех посаженных на землю батраков — недвусмысленно увековечивались барщина и другие феодальные повинности. Это и стало отныне правилом» <sup>41</sup>.

<sup>40</sup> C. G. W. Dantz. *Ibid.*, Bd. 2, S. 562—563.

<sup>41</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 253.

С выкупом феодальных повинностей прекращалась зависимость крестьян от помещиков. Последние же не всегда или не вполне были заинтересованы в этом, их взгляды разделяло и правительство. Законом от 31 января 1845 г. разрешались соглашения об отказе от выкупа или об ограничении выкупа крестьянских повинностей<sup>42</sup>. Эта мера обосновывалась необходимостью «упрочения естественного отношения опеки, надзора и зависимости» между помещиком и крестьянином, связи, считавшейся полезной для обеих сторон<sup>43</sup>.

Широко распространенная в Нижней Силезии система ведения фольварочного хозяйства с использованием принудительного труда заградников-молотильщиков, получавших долю собранного урожая («мандель») и намолоченного зерна («гебе»), была приемлемой для помещиков до тех пор, пока существовало трехпольное хозяйство и урожай зерновых на хороших землях не превышал сам 4—5. С переходом к интенсивному земледелию эта система оказывалась невыгодной для владельцев имений<sup>44</sup>. Получаемая заградником плата при уборке урожая в виде 14-го или 10-го снопа составляла 7,5 или 11% всего сбора зерна и соломы. По подсчетам помещика из Олесницкого повята содержание заградника-молотильщика в течение года обходилось ему в 480 тал., а на оплату той же работы, выполняемой наемным работником, он расходовал 371 тал. С интенсификацией фольварочного хозяйства заградники-молотильщики обременялись дополнительными работами, уменьшалась получаемая ими доля урожая, сокращалось их пользование фольварочными угодьями. В связи с этим усиливалось сопротивление заградников нажиму со стороны помещиков, велись судебные процессы между ними. Имея в виду это, помещики стремились упразднить обязательные отношения с заградниками-молотильщиками. До конца 1838 г. были отменены «мандель» и «гебе» в 153 имениях<sup>45</sup>. Выкуп повинностей заградников-молотильщиков и подобных им мелких хозяев мог быть произведен только по добровольному соглашению сторон. Заградник не всегда соглашался с предлагаемыми помещиком условиями. Поэтому помещики добивались того, чтобы выкуп повинностей заградников и взаимных обязательств владельцев имений происходил по ходатайству одной из сторон. Предоставление помещику права требовать отмены обязательных отношений обеспечивало ему большие выгоды.

Правительство пошло навстречу пожеланиям владельцев имений. Законом от 31 октября 1845 г.<sup>46</sup> разрешался по ходатайству одной из сторон и выкуп барщины, обременявшей мелких хозяев (Dienstfamilienstellen), пользовавшихся своими землями на правах ограниченной собственности, наследственночиншевом и наследственноарендном праве. Если стоимость услуг помещика превышала ценность барщины, то помещик обязан был возместить излишек, кроме случаев, когда он имел право вопреки воле крестьянина отказаться от барщины и вместе с тем освободиться от своего обязательства. Излишек возмещался по договоренности сторон или путем уплаты денежной ренты, которая могла быть выкуплена. Подлежала отмене барщина, оплачиваемая долей урожая или намолота. Эти оплаты впредь не могли выкупаться сами по себе, напротив, барщина считалась главной повинностью, а «мандель» и «гебе» рассматривались как взаимная услуга, которая могла быть упразднена одновременно с отменой барщины. Помещик, ходатайствуя об отмене «манделя» и «гебе», если он не договорился иначе с отдельными или всеми заградниками, обязан был

<sup>42</sup> GS, 1845, S. 93 ff.

<sup>43</sup> K. O r z e c h o w s k i. Przekształcenia praw..., s. 281—282.

<sup>44</sup> G. F. K n a p p. Ibid., erst. Tl., S. 216—217; «Historia Śląska», s. 157—158.

<sup>45</sup> «Śląsk...», s. 14—18; J. Z i e k u r s c h. Ibid., S. 358—362.

<sup>46</sup> GS, 1845, S. 682—684.

сделать такое представление в отношении всех лиц, пользующихся этими услугами. Если выкупа повинностей требовала часть заградников, то меньшинство подчинялось решению большинства по соотношению выполняемой барщины, выкуп производился и при равенстве голосов. Если по ходатайству крестьян было принято властями решение о проведении выкупа, то такое ходатайство могло быть взято обратно только при общем их согласии. Пешая барщина (без упряжной) размером и свыше 50 мужских рабочих дней в год возмещалась денежной рентой, если стороны не договорились об ином способе компенсации. По этому закону могла быть отменена и барщина, считавшаяся до этого невыкупаемой.

Рассматривая выкупное законодательство, Ф. Энгельс констатировал: «Только с 1845 г. в виде исключения для Саксонии и Силезии стал допускаться выкуп и этого рода повинностей»<sup>47</sup>.

Выкуп повинностей проходил медленно и сопровождался спорами и тяжбами между сторонами и большими потерями для крестьян. Об условиях выкупа феодальных повинностей можно судить по следующим данным. В деревне Подгужине (Герсдорф) Еленегурского повета 12 крестьян, приобретших свои хозяйства путем покупки или по наследству, имели право без ограничения по своей воле распоряжаться ими. Каждый из них обязан был в течение года: работать с двухконной упряжкой 7 дней на фольварочном поле и 2 дня при домениальном пруде; во время жатвы свезти 6 (кмет Ворбе — 9) мендлей ржи и предоставить помощника для погрузки; перевезти 4 ящика мягкого дерева из леса к пивоварне; выполнять пешую барщину — 1 день при уборке льна за плату 1 сер. гр. и помогать при стрижке овец за плату по 2 талера от штуки и при посадке капусты на фольварочном поле. Вместе они должны были: свезти сено и травы с 3 домениальных лугов (с третьего — раз в три года), причем каждый предоставлял подводку и помощника для укладки сена; во время очистки прудов вывозить ил и предоставить по одному работнику для его погрузки; перевезти хворост, листья и подстилку (их заготовка производилась вместе с крестьянами двух соседних деревень) и обеспечить их погрузку; перевезти вместе с крестьянами соседней деревни весной и осенью рыбу из прудов, за что каждому выдавался бочонок карпов; предоставлять лошадей для упряжки в случае поездок помещика и его семьи, для перевозки их багажа, вновь прибывающих экономов, лесничих, войтов и т. п. лиц, причем для одного коня выдавалось 2,5 гарнца овса; давать подводки для графской часовни; доставлять с крестьянами других деревень необходимые материалы для ремонта и возведения фольварочных построек; выполнять строительные работы на водяной мельнице.

По предложению помещика между ним и крестьянами было заключено соглашение о выкупе этих повинностей, за исключением строительных работ на мельнице, которые подлежали особому выкупу. Рецесс датирован 9 февраля 1830 г. С 1 января 1827 г. указанные барщинные повинности отменялись, и взамен их каждый крестьянин вносил выкупной капитал в размере 301 тал. 5 сер. гр. 4, 5 пф. Крестьяне обязаны были платить поземельный чинш в деньгах от 4 тал. 9 сер. гр. до 37 тал. 12 сер. гр. 2 пф. с хозяйства, всего 92 тал. 10 сер. гр. и в натуре от 1 корца 7 гарнцев до 9 корцев 13 гарнцев овса с хозяйства, всего 27 корцев  $3\frac{2}{3}$  гарнца овса. Сторожевая повинность хозяина составляла 1 сер. гр. 9 пф., а так называемые служебные платежи всей деревни определялись в 4 тал. 10 сер. гр. При смене владельца хозяйства независимо от того, переходило оно по наследству или постороннему лицу, уплачивалась ляудемия помещику в размере 10% имущества и 1 тал. так называемого конфирмационного сбо-

<sup>47</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 253.

ра в связи с подтверждением контракта. С 29 сентября по 19 апреля помещик имел право пасти свой скот вместе с крестьянским скотом на крестьянских землях, предназначенных для выпаса скота. За ним сохранялось исключительное право охоты на крестьянской земле и ловли рыбы в естественных водоемах, расположенных в деревне<sup>48</sup>. В этом случае выкупалась только барщина (за некоторым исключением), остальные повинности крестьян сохранялись до последующей их отмены.

По сведениям Генеральной комиссии (табл. 2) в 1821—1829 гг. 13 519 хозяев выкупили, а точнее выкупали феодальные повинности. Выкуп повинностей часто производился таким образом, что сперва выкупались одни повинности, затем — другие и т. д. В отчетах комиссии одно лицо (или хозяйство) числилось столько раз, сколько раз оно фигурировало в выкупных рецессах. Поэтому число хозяев, выкупавших повинности, фактически означает количество выкупных сделок, произведенных ими. На одно хозяйство здесь приходилось в среднем 31 упряжной и 66 пеших дней барщины. За отменяемую барщину крестьяне должны были уплатить (при средней цене морга земли — 14,8 тал., шеффеля ржи — 1 тал. и капитализации ренты из 4%) 2 726 402 тал., другие их повинности при аналогичном расчете оценивались в 337 246 тал., и общая сумма выкупных платежей составила 3 063 648 тал. (в среднем на хозяйство — 226 тал.); причем 15% ее возмещалось землей, 6% — рентой зерном, 36% денежной рентой и 43% уплатой капитала.

В 1830—1838 гг. производился выкуп повинностей 23 326 хозяевами<sup>49</sup> (в среднем на одного приходилось 30 упряжных и 72 пеших дней барщины). При средней цене морга земли (13 тал.), шеффеля ржи (1 тал.) и капитализации ренты из 4% барщина оценивалась в 4 327 519 тал., другие повинности составили 992 тыс. тал., а общая сумма выкупных платежей определялась в 5 319 519 тал. (в среднем на хозяйство — 228 тал.). По сравнению с предыдущим периодом доля возмещения землей (14%) и капиталом (22%) уменьшилась, а рентой зерном (14%) и денежной рентой (50%) возросла. В целом выкупные платежи 36 847 хозяев в 1821—1838 гг. при средней цене морга земли в 13 тал. составили 8 326 547 тал. Соотношение между возмещением землей, рентой зерном, денежной рентой и капиталом определялось соответственно показателями 14—11—44—31.

В 1839—1846 гг. зафиксировано 26 044 случая выкупа повинностей, при этом на одно хозяйство в среднем приходилось 8 упряжных и 121 пеший день барщины. Данные о барщине указывают, что в эти годы среди выкупавшихся преобладали мелкие хозяева, загородники и т. п., выполнявшие главным образом ручные работы. Стоимость расчетного дня барщины (упряжной = 2-м пешим) в 1830—1838 гг. определялась в 1,4 тал. При таком расчете ценность упраздненной в 1839—1846 гг. барщины составила бы 5 073 395 тал., другие повинности оценивались в 1 324 536 тал.

Положение о выкупе феодальных повинностей от 7 июня 1821 г. имело двоякое значение. Предусматривая отмену барщины и других повинностей, обременявших хозяйства, которыми владели крестьяне на правах так называемой собственности, наследственного держания и наследственной аренды, оно приравнивало эти хозяйства к регулируемым хозяйствам в отношении выкупа таких повинностей. Вместе с тем оно определяло условия выкупа ренты, установленной при регулировании хозяйств, т. е. расширяло возможности ликвидации феодальных отношений. По мнению К. Ожеховского, «ситуация, созданная положением 1821 г., делала также верхов-

<sup>48</sup> «Śląsk...», s. 52—56; WAP Wrocław, Komisja generalna, powiat Jelenia Góra, II/6420.

<sup>49</sup> Разница между данными 1838 и 1829 гг., также и другие исходные цифры.

## Выкуп фсудальных повинностей по положению 7 июня 1821 г.

Годы	Число хозяев, выкупавших повинности	Отменено барщинных дней		Возмещение помещикам				
		упряжных	пеших	земля (м.)	рента зерном (пшфейлей ржи)	денежная рента (тал.)	капитал (тал.)	
1821—1829	13 519	419 396	897 832	28 678 2 778* <u>31 456</u>	5 121 2 246* <u>7 367</u>	36 341 7 534* <u>43 875</u>	1 265 418 51 632* <u>1 317 050</u>	
1821—1838	36 847	1 119 891	2 572 366	83 346 6 271* <u>89 617</u>	26 765 10 265* <u>37 030</u>	119 284 30 297* <u>149 581</u>	2 267 578 228 673** <u>2 496 251</u>	
1821—1846	62 891	1 348 968	5 738 076	12 514	14 728*	58 293*	659 575*	

Источники: DZA, Abt. II, MI, Rep. 87 В, № 6592, Bl. 111—112; F. V. Weber. Ibid., S. 376—377; J. Zieckursch. Ibid., S. 420—421.

\* За отмену денежных и натуральных чиншей и ляудемин.

\*\* Включая стоимость возвращенного фольварочного инвентаря; стоимость упраздненных «манделей», «гебе» и т. п. обязательства оценивались в 707 393 тал.

ную собственность феодала в принципе иллюзорной»<sup>50</sup>. «В то же время, — пишет он далее, — когда помещик уже с 1807 г. не участвовал в распоряжении крестьянским хозяйством, отмена обязательства вносить ренту была однозначна с превращением нынешней крестьянской ограниченной собственности в полную собственность и с одновременной ликвидацией верховной собственности. В этом, как кажется, состоит подлинное значение положения 1821 г.». Остается только неясным, следует ли связывать превращение крестьянской ограниченной собственности в полную с фактом упразднения повинностей отдельного хозяйства, что происходило не сразу, а в результате ряда соглашений в течение многих лет, или трактовать его как результат создания возможностей для отмены этих повинностей. Второе кажется более правильным, так как большее значение имело предоставление права, что позволяло добиваться выкупа ренты, чем то, когда крестьянин воспользовался этим правом. Но если подходить к этому с практической точки зрения, то решающим было не признание за крестьянином права требовать выкупа повинностей, а его реализация. «Существовавшая до сих пор ограниченная собственность в результате положения о выкупе от 7 июня 1821 г. превратилась в полную»<sup>51</sup>.

Эти соображения представляются спорными. Прежде всего очевидно противоречие: положение 1821 г. делает верховную собственность только иллюзорной или же ее упраздняет. В законе не содержится каких-либо указаний на изменение поземельных прав крестьян. Из приведенного выше выкупного рецесса следует, что после отмены барщины за крестьянами сохранялись строительные работы на мельнице, а также платежи чинша, ляудемии, а за помещиком — право охоты и рыбной ловли (и патримониальная юрисдикция). Здесь при частичном выкупе повинностей обязанности крестьян и права помещика оставались такими же или подобными, как и в случае регуляции (например, в деревне Ожегув), при которой за помещиком, по мнению К. Ожеховского, сохранялась верховная собственность. Что же касается наследственничинских и наследственно-арендных земель, то верховная собственность помещика на них была упразднена только в 1850 г. Положение 1821 г. предусматривало возможность выкупа повинностей, но сама возможность не означала превращение крестьянина в полного собственника. Таким он мог стать после выкупа всех или большей части своих повинностей, что также имело место, как полагает К. Ожеховский, в случаях выкупа повинностей крестьянами, не подходившими под действие положения, по добровольному соглашению сторон<sup>52</sup>.

Регуляция и выкуп феодальных повинностей сопровождалась разделом угодий общего пользования и ликвидацией сервитутов. Положение о разделе угодий общего пользования от 7 июня 1821 г. предусматривало отмену за соответствующую компенсацию прав пасти скот на полях, лугах, в зарослях, лесах и на других пастбищах, собирать корм и подстилку в лесу, получать древесину, нарезать дерн, заготавливать удобрения или топливо, если эти права основывались на общей или совместной собственности или же на односторонних или взаимных сервитутах. Отмена таких прав могла быть произведена по предложению собственника земли, лица, имеющего постоянное и неоспоримое или наследственное владение, держателя наследственничинского, ленного, фидеикомиссного и выкупаемого хозяйства; лица, пользующегося хозяйством, подлежащим регуляции при условии одновременного ходатайства о проведении регуля-

<sup>50</sup> «Historia Śląska», s. 136; cp. K. O r z e c h o w s k i. Przekształcenia praw..., s. 279; Z. R a d w a Ń s k i. Ibid., s. 291.

<sup>51</sup> «Historia Śląska», s. 155—156.

<sup>52</sup> Ibid., s. 157.



ции; в прочих случаях — только с согласия собственника земли, при общинной собственности — каждого правомочного члена общины, в случаях взаимных сервитутов, в особенности пастбищных — по ходатайству каждой стороны, при односторонних сервитутах — лица, имеющего право на сервитут.

Если по контракту или волеизъявлению исключалась отмена общего пользования угодиями, то такие соглашения оставались в силе в отношении пахотных земель на время двухкратного их использования при существующем севообороте, а в отношении остальных угодий — в течение 10 лет. В особых случаях с разрешения властей общее землепользование могло остаться на более длительный, но определенный годами срок.

Право пользования угодием и его размер определялись законным волеизъявлением, судебным решением, статутом, провинциальными законами, а при их отсутствии предписаниями Всеобщего земского права. Если размер пользования общим пастбищем не был обозначен в документах, то он устанавливался по средней величине поголовья выпасаемого скота, его вида и времени пастбы за последние 10 лет перед отменой общего пользования угодием. При этом в случаях уменьшения поголовья скота у одних хозяев в результате обеднения или несчастья и увеличения его у других — расчет производился по среднему количеству скота, содержавшегося обычно хозяевами той же категории. Годы войны, эпизоотии и т. п., сопровождавшиеся уменьшением поголовья скота, при расчете заменялись непосредственно предшествовавшими им годами. Если таким способом нельзя было точно установить размер пользования пастбищем или отдельные хозяева доказали, что в последние 10 лет они не пользовались или в меньшей мере пользовались своим правом, зафиксированным в документах, то их соучастие определялось по предписанию Всеобщего земского права. При неопределенном размере пользования пастбищем безнадежному крестьянину с семьей в 5 человек предоставлялось право выпаса 1,5 коровы на этом пастбище. В некоторых случаях при разделе общего пастбища должны были учитываться особые пастбища, находившиеся во владении лиц, пользовавшихся общим пастбищем.

Размер заготовки дерна и других удобрений или топлива на общем угодии определялся по местным потребностям, причем принимались во внимание собственные средства хозяйства. Если право заготовки удобрения на общем пастбище имели все лица, пользующиеся пастбищем, то с разделом его между ними компенсировалось и это право. Где таким правом пользовались отдельные лица, оно возмещалось по потребности соломенной подстилки для скота, выпасавшегося на пастбище. Если заготавливаемые удобрения и топливо продавались, то размер пользования устанавливался по средней их цене за 10 лет до отмены этого права.

Отменяемое право пользования общим угодием возмещалось землей, рентой, натуральными сборами или уплатой капитала. Земля, за исключением лесных участков, оценивалась по ее состоянию во время раздела угодия. Участки земли должны были отводиться по возможности таким образом, чтобы они были связаны с хозяйством лица, получавшего возмещение. Могли они быть и обособленными. Если угодие нельзя было разделить без ущерба для лиц, пользующихся им, и стороны не согласились иначе, то оно продавалось с публичных торгов и вырученная сумма соответственно распределялась. Если право пользования угодием не могло быть компенсировано землей, оно возмещалось уплатой ренты.

Рента устанавливалась в мерах ржи и вносилась деньгами, если стороны не договорились об ином способе ее уплаты. Денежная рента определялась по цене ржи за предшествовавшие 14 лет, при этом из расчета исклю-

чались два года с высшей и два года с низшей ценой. Средняя цена ржи в мартиновские дни на определенном рынке в оставшиеся 10 лет составляла денежную сумму ренты, которая вносилась в ближайший платежный срок. Для следующего за тем года она устанавливалась в размере  $\frac{9}{10}$  прежней суммы и  $\frac{1}{10}$  средней цены ржи в данном году на том же рынке в указанные дни. Таким же способом денежная сумма ренты исчислялась для каждого последующего года. Рента выкупалась посредством уплаты ее нынешней суммы в 25-кратном размере. О ее выкупе следовало предупредить за 6 месяцев. Если помещик требовал выкупа ренты, то по просьбе крестьянина должен был согласиться на выплату ее в несколько сроков в течение пятилетнего периода.

Временные потери при разделе угодий могли покрываться натуральными сборами из продуктов обязанного хозяйства. Разрешалось сохранять вспомогательные работы для хозяйственных улучшений на срок не более чем 12 лет. По желанию правомочного лица натуральные сборы и вспомогательные работы возмещались деньгами. Взаимные права одинакового рода компенсировались с их отменой. При обоюдных правах преимущество одной стороны возмещалось соответствующим способом. Если об отмене одностороннего сервитута ходатайствовало лицо, пользующееся им, возмещение производилось землей, рентой или капиталом по выбору обязанной стороны.

Раздел общественного леса разрешался, когда отдельные его участки сохраняли прежний род угодия или могли быть выгодно использованы в качестве поля или луга. В других случаях, если стороны не договорились иначе, лес продавался с публичных торгов, и вырученная сумма соответственно делилась между лицами, пользовавшимися им. Сервитут на откорм скота оценивался по средней стоимости корма в предыдущие 30 лет для среднего поголовья скота, выпасавшегося в последних трех случаях и возмещался только рентой. Ценность неопределенного сервитута на древесину для продажи устанавливалась по средней продажной цене древесины в последние 10 лет до отмены этого права. При неопределенном праве на получение древесины для собственных нужд экспертами устанавливалась ежегодная потребность в ней, причем учитывались и возможности повреждения построек от огня и воды. Если этот сервитут из-за недостатка леса ограничивался, то соответственно уменьшалось и возмещение за него. Право на определенный вид дерева компенсировалось по состоянию этого вида во время отмены сервитута, а если владелец леса должен был восстанавливать его, то с учетом такого обязательства. Право на получение древесины, если об отмене его ходатайствовал обязательный, возмещалось землей с учетом находившихся на ней деревьев, а в особых случаях — рентой. Если предоставлялось право пользования деревьями, растущими на полях, лугах и пастбищах, в пригодном для рубки состоянии, то его ценность составляла 1% стоимости древостоя, имевшегося ко времени отмены сервитута; кроме того, отводилась в натуре или компенсировалась деньгами соответствующая часть древостоя; за корм особого возмещения не полагалось, но если корм получал обязательный, то его ценность исключалась из стоимости сервитута.

Пастбищный сервитут на земле, покрытой лесом, определялся с учетом состояния древостоя ко времени упразднения сервитута или среднего лесонасаждения и обязательств владельца по лесоводству, прав на получение древесины и корма и заготовку удобрения; если размер сервитута оказывался недостаточным для удовлетворения лиц, пользовавшихся им, то он соответственно уменьшался, при этом право собственника пастбища на часть древесины (кроме особого случая) при неполном возмещении за удобрение не ограничивалось. Пастбищный сервитут компенсировался

землей, пригодной для пастбища. Эти правила применялись и к сервитутам на землях без древостоя. Ценность подстилки для скота определялась с учетом предписаний о лесоводстве<sup>53</sup>.

По данным Генеральной комиссии до 1839 г. были сепарированы (комассованы) земли 2558 помещиков, 20 127 крестьян и 49 754 загородников и халушников. При этом упразднялись чересполосица и сервитуты на 1305 тыс. моргов пахотных, луговых, пастбищных земель и 101 тыс. м. леса. Кроме того, 1654 тыс. м. пахотных, луговых и пастбищных угодий и 1230 тыс. м. леса освобождались от сервитутов. При разделе пастбищ, сепарации и отмене сервитутов крестьяне получили 93 тыс. м. земли и возмещение: рентой — 1629 шеффелей зерна, денежной рентой 13 400 тал. и капиталом — 91 тыс. тал.<sup>54</sup> К 1847 г. были полностью обособлены земли 3586 помещиков, 27 004 крестьян и 71 042 загородников и халушников общей площадью 1 785 715 м., а на 3 626 496 м. земли упразднены пастбищные и лесные сервитуты<sup>55</sup>.

Ликвидация чересполосицы, раздел угодий общего пользования и отмена сервитутов устранили существенные ограничения в землепользовании и создавали условия для повышения культуры земледелия. Однако они сопровождались значительными потерями для крестьян, в особенности для малоземельных, испытывавших недостаток в пастбищных и лесных угодьях.

Феодалный гнет и капиталистическая эксплуатация, регуляция и выкуп феодалных повинностей, сопровождавшиеся утратой части земли и обременительными платежами, обрекали массы крестьян на нищенское, полуголодное существование. Тяжелое положение многих крестьян усугублялось стихийными бедствиями. В 1847 г. в Верхней Силезии, в особенности в Пщинском и Рыбникском поветах, распространилась болезнь картофеля, являвшегося основным продуктом питания беднейшего населения. От голода и эпидемий в Опольском округе в 1847—1848 гг. погибли тысячи людей. Социальные и политические противоречия в Силезии резко обострились.

В марте 1848 г. в Пруссии началась буржуазная революция, которая до глубины потрясла основы феодального строя. Под влиянием революционных выступлений горожан развернулось широкое антифеодалное движение крестьянства в Силезии. Крестьяне требовали отмены их повинностей, возврата уплаченных рент и отнятых земель, отмены помещичьей охоты и рыбной ловли на их землях, патримониальной юрисдикции. Нередко они избивали ненавистных им лиц, громили помещичьи дворы. Опасаясь таких выступлений крестьян, некоторые помещики в письменной форме отказывались от всех или части повинностей в их пользу<sup>56</sup>. «Крестьяне, — отмечал Ф. Энгельс, — в особенности в Силезии, где система латифундий и связанное с ней принудительное превращение населения в безнадельных батраков получили наибольшее развитие, нападали на замки, сжигали уже заключенные акты о выкупах и принуждали господ помещиков письменно отказываться от всяких требований повинностей в дальнейшем»<sup>57</sup>. Позднее, однако, помещики объявляли выданные ими документы недействительными, более того, эти документы являлись

<sup>53</sup> GS, 1821, S. 53—77.

<sup>54</sup> F. B. Weber. Ibid., S. 377—378; J. Ziekursch. Ibid., S. 357—358.

<sup>55</sup> DZA, Abt. II, MI, Rep. 87 B, № 6592, Bl. 112; J. Ziekursch. Ibid., S. 358.

<sup>56</sup> «Śląsk...», t. II, s. 11—12, 21—58; K. Reiss. Agrarfrage und Agrarbewegung in Schlesien im Jahre 1848. Breslau, 1910, S. 24 ff.; «Historia Śląska», s. 495—505; H. Bleiber. Bauern und Landarbeiter in der bürgerlich-demokratischen Revolution von 1848/49 in Deutschland. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1969, H. 3, S. 289 ff.

<sup>57</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 254—255; т. 19, стр. 66.

основанием для преследования крестьян<sup>58</sup>. Отказ помещиков от барщины и других повинностей, репрессии властей, начавшаяся кампания по выборам в Национальное собрание, с деятельностью которого связывалось и решение аграрного вопроса, ослабили антифеодалное крестьянское движение. 20 июня 1848 г. в Национальное собрание была представлена записка министра Патова о принципах дальнейшей регуляции отношений между помещиками и крестьянами. Этот проект закона, по словам Ф. Энгельса, «представлял жалкий плод бессильнейших поползновений буржуазии отменить феодальные привилегии... и страха буржуазии перед революционным покушением на какой бы то ни было вид собственности»<sup>59</sup>. Подобный характер имел и проект Гирке. Оценивая его, Ф. Энгельс писал: «Сохранение феодальных прав, санкционирование их под видом (иллюзорного) выкупа — таков результат немецкой революции 1848 года. Гора родила мышь!»<sup>60</sup>. Предложения радикальные настроенных депутатов об отмене феодальных повинностей оставались не рассмотренными<sup>61</sup>. Крестьяне, теряя веру, что Национальное собрание удовлетворит их нужды, выражали свое недовольство действиями собрания и местных властей. В конце лета усилились волнения в деревне. Стремясь успокоить крестьян, Национальное собрание и правительство приняли законы, частично ограничивавшие феодальный гнет.

Законом от 9 октября 1848 г. приостанавливались начатые дела по регуляции и выкупу повинностей (по требованию одной из сторон) и судебные процессы по этим делам (по распоряжению правительства)<sup>62</sup>. 31 октября 1848 г. отменялось без всякого возмещения право охоты помещика на крестьянской земле<sup>63</sup>. 20 декабря 1848 г. было издано постановление о временной регуляции отношений между помещиками и крестьянами в Силезии. Оно предусматривало заключение временного соглашения по правилам проектируемого закона о регуляции при посредстве третейской комиссии. Два члена комиссии (по одному) избирались сторонами, возглавлял ее королевский комиссар. Кроме того, разрешалось привлечь пять дополнительных арбитров, причем каждая сторона выбирала двух; если сторона отказывалась от этого, то арбитры определялись комиссаром. Комиссия должна была стараться, чтобы стороны заключили окончательное соглашение, а если это не удавалось, то временное соглашение, которое после издания нового закона могло быть заменено окончательным<sup>64</sup>. Постановлением от 2 января 1849 г. без возмещения упразднялась патримониальная юрисдикция<sup>65</sup>.

В годы революции регуляция и выкуп феодальных повинностей замедлились, а во многих случаях были приостановлены. С начала реформы до конца 1849 г., по данным Генеральной комиссии, было регулировано 5660 хозяйств (табл. 3). Большинство (77%) этих хозяйств находилось в Опольском округе, включавшем Верхнюю Силезию и три соседних нижнесилезских повята. По подсчетам К. Ожеховского (исключая Глубчицкий, Гродковский, Немодлинский и Ныский повяты, где почти или вовсе не было ласситского землепользования), около  $\frac{1}{4}$  крестьянских хозяйств относилось к категории ласситских<sup>66</sup>. Регуляция, касавшаяся

<sup>58</sup> Там же, т. 19, стр. 73—74.

<sup>59</sup> Там же, т. 6, стр. 130—131.

<sup>60</sup> Там же, т. 5, стр. 299.

<sup>61</sup> «Śląsk...», t. II, s. 245—251.

<sup>62</sup> GS, 1848, S. 276 ff.

<sup>63</sup> Ibid., S. 343 ff.

<sup>64</sup> Ibid., S. 427—430.

<sup>65</sup> Ibid., 1849, S. 1 ff.

<sup>66</sup> K. O r z e c h o w s k i. Rozmieszczenie chłopskiej własności podległej na Górnym Śląsku w przeddzień uwłaszczenia. «Sobótka», 1956, № 3, s. 344

Таблица 3

Регуляция и выкуп феодальных повинностей до конца 1849 г.

Округ	Число регулированных хозяйств	Их земельная площадь после регуляции (м.)	Число хозяев, выкупавших повинности по положению 7 VI 1821 г.	При регуляции и выкупе по положению 7 VI 1821 г.		Помещики получили возмещение				землей (м.)
				Упразднено барщинных дней		денежной рентой (тал.)	рентой зерном (шеффелей ржи)	уплатой капитала (тал.)	пеших упряжных	
				пеших	упряжных					
Вроцлавский	19	990	33 924	444 103	3 679 022	1 496 858	131 488	13 550	14 935	51 935
Легницкий	1 253	49 362	45 776	631 358	2 800 509	2 528 307	153 965	14 935	23 597	23 597
Опольский	4 388	155 955	18 860	361 021	1 409 093	527 123	61 301	23 670	45 461	45 461
Всего	5 660	206 307	98 560	1 436 382	7 888 624	4 252 288	346 754	52 155	120 993	120 993

Источники: DZA, Abt. II, Ml, Rep. 87 B, № 6592, Bl. 134—139.

этих хозяйств, здесь приобрела значительные масштабы. На Легницкий округ приходилось около 23% регулируемых хозяйств, во Вроцлавском округе регуляции подверглось всего 19 хозяйств. В среднем на регулируемое хозяйство приходилось в округах соответственно 36, 40 и 52 м. земли.

В Легницком и Вроцлавском округах, где крестьяне, за некоторым исключением, владели своими хозяйствами на правах так называемой собственности, наследственочиншевого держания и наследственной аренды, в больших масштабах производился выкуп повинностей по положению 1821 г.<sup>67</sup> Выкупавшиеся хозяйства во Вроцлавском округе составляли 34%, в Легницком — 46, в Опольском — 20% всех хозяйств этой категории. Данные о возмещении при регуляции и выкупе повинностей здесь объединены. При средней цене морга земли (13 тал.) и шеффеля ржи (1 тал.) и капитализации ренты из 4% возмещение помещикам определяется в 15 797 722 тал. (в том числе 27% капиталом, 55% денежной рентой, 8% рентой зерном и 10% землей).

В государственных имениях Опольским окружным управлением с 1811 по 1853 г. было регулировано 458 хозяйств, в то же время 9483 рустикальных владельцев заключили сделки о выкупе повинностей. При регуляции и выкупе повинностей упразднялись 62 374 упряжных и 184 406 пеших дней барщины, а крестьяне передали 1281 м. земли, уплатили 91 049 тал. капитала и были обязаны вносить 38 146 тал. ежегодной денежной ренты помещикам<sup>68</sup>. Возмещение в целом составило 1 061 352 тал., а включая и платежи крестьян частных имений — 16 859 074 тал.

До конца 1849 г. были размежеваны земли общей площадью 5 569 990 м.,

<sup>67</sup> Подробнее см. K. O z r e c h o w s k i. Uwagi o przebiegu pruskiej reformy agrarnej na Dolnym Śląsku w XIX wieku. «Sobótka», 1959, № 3, s. 353—384.

<sup>68</sup> J. Z i e k u r s c h. Ibid., S. 345, 348.

принадлежавшие 111 834 владельцам. Сервитуты на этих землях упразднились <sup>69</sup>.

В результате регуляции и выкупа феодальных повинностей крестьяне понесли огромные потери. Они были обременены большими платежами, лишались сервитутов и пособий. Крестьянин, освободившийся от повинностей посредством уступки части своего надела, при достаточном количестве земли в хозяйстве имел условия для более или менее сносного существования. В случаях уплаты капитала или ренты при низких ценах на продукты земледелия многие крестьяне разорялись, и часть их земли переходила к помещикам. Владельцы же имений могли с выгодой перестроить свое хозяйство на капиталистический лад <sup>70</sup>.

Ласситскими хозяйствами, в особенности загородничьими, не подлежащими регуляции, как и некоторыми хозяйствами, подлежащими ей, помещики распоряжались по своему усмотрению. Они удаляли крестьян с их хозяйств, передавали эти хозяйства другим лицам уже на правах временной аренды или присоединяли к фольваркам <sup>71</sup>.

Революция 1848—1849 гг. заставила помещиков и правительство принять меры для дальнейшей ликвидации феодальных отношений в деревне.

<sup>69</sup> DZA, Abt. II, MI, Rep. 87 B, № 6592, Bl. 134—139.

<sup>70</sup> G. F. K n a p p. Ibid., erst. Tl., S. 245—246; J. Z i e k u r s c h. Ibid., S. 343, 353; «Historia Śląska», s. 174.

<sup>71</sup> По свидетельству Генеральной комиссии это практиковалось в широких масштабах (G. F. K n a p p. Ibid., erst. Tl., S. 283—284). И. Цикурш считает, что многие из таких хозяйств были регулированы по добровольному соглашению, так как помещики при высокой цене найма работников не были заинтересованы в расширении фольварков (J. Z i e k u r s c h. Ibid., S. 348—350). Рассматривая регуляцию в Козельском повяте, К. Ожеховский установил, что ею не было охвачено примерно 7% ласситских хозяйств. Отмечая убыль таких хозяйств, не подлежащих регуляции, он справедливо указывает на необходимость учета широкого распространения так называемой крестьянской собственности при оценке размера регуляции. К. O g z e c h o w s k i. Rozmieszczenie..., s. 321—322, 324; ср. «Historia Śląska», s. 176.



ФРАНЦЕ БЕЗЛАЙ

## НЕМЕЦКОЕ HIMMEL(REICH) И СЛАВЯНСКОЕ \*IRIJЬ, VYRIJЬ

В книге Ежи Косинского «The Painted Bird» мое внимание привлек следующий отрывок: «Ласточки тоже вели интересный образ жизни. Любимые птицы Девы Марии, они прилетали предвестниками весны и радости. Осенью они будто бы улетали далеко от человеческого жилья, усаживались, усталые и сонные, на камыши, растущие на дальних болотах. Лех говорил, что они сидят на камыше, пока он не сломится под их тяжестью, обрушив их в воду. И будто бы они остаются под водой всю зиму под защитой своего ледяного жилища».

Автор провел свои отроческие годы во времена немецкой оккупации где-то на востоке Польши, и его проникновенная повесть, вероятно, в какой-то мере автобиографична. Приводимое им свидетельство до сих пор не было известно в славянской фольклористике или, если оно и было где-то упомянуто, во всяком случае не вызвало достаточного научного интереса. Для современного исследователя народной традиции кажется совершенно немыслимым, чтобы перелетные птицы зимовали под водой. Пока свидетельство Ежи Косинского остается единственным, его, конечно, нельзя считать доказательством того, что предки славян таким именно образом представляли себе зимовку птиц. Но если бы в фольклорном материале русского Полесья также обнаружались следы подобного представления, то они помогли бы нам приблизиться к праславянской картине мира, о которой мы имеем лишь скудные, отрывочные сведения.

В славянской лексикологии давно известен апеллятив, употребительный только на этой территории, — укр. *virijj*, *virrej*, белор. *вырай* и польск. диал. *wyrzaj* 'край, где зимуют перелетные птицы'. Единственная старая фиксация этого слова содержится в Несторовой «Повести временных лет» в «Поучении» Владимира Мономаха: «И сему ся подивуемы, како птица небесная из ирья идуть, и первѣе, в наши руцѣ, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, божиимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля»<sup>1</sup>.

Траутман в своем достаточно вольном переводе<sup>2</sup> передает *изъ ирья* немецким «aus dem warmen Südlande» (т. е. «из теплых стран Юга»), однако этот перевод не согласуется с последующим текстом. Заманчиво предположить, что в представлении Владимира Мономаха *ирий* означал нечто подобное тому, что в словенском фольклоре сохраняется как «загробный, потусторонний мир», путь к которому ведет через воду.

<sup>1</sup> См. «Повесть временных лет», ч. 1. Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950, стр. 156.

<sup>2</sup> R. T r a u t m a n n. Die altrussische Nestorchronik Poveсть vremennyh let. Leipzig, 1931, S. 198.

Исследователи славянской этнографии уделили понятию *ирий* несравненно меньше внимания, чем лингвисты. Я обнаружил упоминание о нем только у Токарева<sup>3</sup>, который пишет: «Впоследствии христианское учение о будущей жизни перекрыло эти древние представления, пожалуй, только у украинцев сохранилось смутное мифологическое поверие о какой-то блаженной стране — вирий (ирий), куда улетают осенью птицы и где обитают умершие». Я не настолько начитан в восточнославянской этнографической литературе, чтобы установить, на какие факты опирается Токарев, представляя нам известный старый термин в существенно ином — более широком — значении.

*Ирий*, следовательно, не только «ein fabelhaftes Land, das irdische Paradies»<sup>4</sup> (сказочная страна, земной рай) или «südliches Land in das sich die Zugvögel in Winter zurückziehen, sagenhaftes Land»<sup>5</sup> (южная страна, куда возвращаются зимой перелетные птицы; сказочная страна), но и важный термин праславянской мифологии.

Все это заставляет слависта вспомнить о праславянском обычае погребения в челне<sup>6</sup>, и в то же время ему предстает в новом свете проблема параллели между слав. \**Děvinь* и нем. Jungfernsprung (букв. «прыжок Девы»). Кроме того, становится ясным, что между русск. *ирий* и словенск. *ir* нет непреодолимых различий в значении.

Когда Ян Пейскер опубликовал свою сенсационную работу<sup>7</sup>, он вызвал вначале большой интерес специалистов. Однако вскоре возник скепсис, и тезис Пейскера в целом не был принят славистами. Единственным, кто до самой своей смерти верил, что речь идет о славянских дохристианских культовых местах, был словенский германист и ономаст Я. Келемина<sup>8</sup>, который, однако, отвергал предложенную Пейскером гипотезу о зороастрийском культе у славян и считал \**Děvinь* рефлексом не иранского *daēva* 'злой демон', а славянского *děva* 'богиня весны'. Словенские исследователи как Пейскера, так и Келемину объявили фантастами и с высокомерным и презрительным молчанием уклонились от решения проблемы. Австрийский историк Г. Пирхеггер, который неоднократно писал о названиях Jungfernsprung в немецкой Штирии, через 10 лет после Пейскера выступил с критической статьей<sup>9</sup>, в которой подробно рассмотрел географическое распространение и границы всех зон с этим термином в австрийских Альпах. Он привлек также все местные рассказы о каждом названии, относящиеся к разному времени, и пришел к выводу, что все эти названия исторически не мотивированы, что они относятся к более раннему времени, чем эти легенды. В заключении он, хотя и отвергает объяснение Пейскера, пишет так: «Что же в таком случае можно сказать о Jungfernsprung? Вопрос остается открытым, однако я полагаю, что от-

<sup>3</sup> С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1965, стр. 225.

<sup>4</sup> F. Miklošič. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Wien, 1886, S. 96.

<sup>5</sup> M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. I, S. 486.

<sup>6</sup> Словенский материал см. в работах W. Schmid. Altslovenische Gräber Krains. Carniola, 1908, S. 26; I. Korošec. Uvod v materialno kulturo Slovanov, 1952, s. 90; см. также M. Gavažzi. Dug-out coffin in Centralbosnia, Man, 1953, p. 129 наряду с L. Niederle. «Zivot», I, 1, s. 354; L. Pič. Starožitnosti země české, III, 1, s. 76, 343, 345; Д. Анучин. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. «Древности», XIV, 1890, стр. 168; Ebert. Reallexicon I, S. 372; Schrader-Nehring. Reallexicon II, S. 280.

<sup>7</sup> I. Peisker. Tvarog, Jungfernsprung und Verwandtes. Blätter für Heimatkunde IV. Graz, 1926, S. 49—57; см. также «Starohrvatska prosvjeta», Novi Sad, 1928; I. Peisker. Na obranu. «Etnolog», I. Ljubljana, 1926/1927, s. 169.

<sup>8</sup> I. Kelemina, рец. на Пейскера в «Etnolog». I, s. 166; рец. на Пирхеггера в «Glasnik Muzejskega Društva za Slovenijo», XXIV, 1941, s. 150.

<sup>9</sup> H. Pirchegger. Der Jungfernsprung. «Zeitschrift für Volkskunde», VII. Berlin — Leipzig, 1935, S. 112—119.



тенок таинственного и мрачного привнесен в это понятие из более раннего времени».

Остаются факты, которыми серьезный исследователь не должен пренебрегать. Прежде всего упомянем свидетельство арабского путешественника Масуди, относящееся к 943 г. В Арконе на острове Руяна со скалы сбросили в море деревянную женскую статую, которой прежде поклонялись как божеству<sup>10</sup>. Наиболее распространены названия Jungfernsprung (букв. «прыжок Девы») на территории, некогда заселенной альпийскими славянами. За пределами этого ареала такого рода топонимов очень мало, ср. Strašidelnik, čertuv mlýn у чехов, Himmel, Himmelreich, Himmelberg в Австрии или Peklo, Hudičev graben и т. п. на теперешней словенской территории. Jungfernsprung на Рейне — всего лишь новое туристическое название, возникшее в прошлом веке. Славянское имя \*Děvinъ является реконструкцией Пейскера, опирающейся на Dívčí skok (Jungfernsprung) возле Праги и на топоним Devin около Триеста, относящийся также к географическому объекту над морем, но не имеющий параллельных микро-топонимов. В Девинском замке Данте в изгнании писал свой «Ад». Название, возможно, дославянское, фриульское Duín (Zuín?), итал. Duino, нем. Tübein, писавшееся в 12 в. как Duino, Duin, Tewina, в 13 в. — как Dewin, Dewino, Duwin, Duwino, Duino, Dvino. Легко предположить развитие из дославянского \*Děvōna → Дьвунъ с позднейшей контаминацией со слав. děva.

Было бы слишком смело предполагать, что веныты принесли на юг какие-то формы этого древнейшего культа<sup>11</sup>. Сходное расположение над Дунаем имеет Devin под Братиславой. Неясно, однако, название Tiffen на Осойском озере, 1050—1065 Tewin, 1060—1076 Tivina. Современное словенское название — Podtubinj, которое представляет собой, вероятно, гибридное образование. На крайнем западе словенской территории в широкой полосе очень трудно различить в субституциях первичное этимологическое -v- и -b-. Э. Кранцмайер<sup>12</sup> исходит из кельтского \*tib 'болото'. Скала называется там Jungfernsprung наряду с обычным Himmelberg. Наиболее надежным было бы исходить из \*Děvinъ при объяснении топонима и гидронима Devina (\*děvinьna), 1454 Deweyn, 1490 Dekein, 1494 Debin, 1524 Töbinger Rachel как названия реки и 1353 Nyder Deweyn, 1443 Deben, 1448 Debyn, 1449 Debein, 1593 Therping как названия местности. Пейскер и Келемина не учли названия ручья Zlodjev potok, зафиксированного в топонимической картотеке Матицы словенской, однако Келемина приводит Hudičev mlin. Нелокализованным осталось не существующее сейчас село 1480 Tübeiner, 1500 Tüwein к северу от Шоштана.

Хотя В. Георгиев приводит название болгарской реки Devnja, старое Devina из инд.-евр. \*dhewīnā, ср. др.-инд. dhavati 'течет', dhaūti 'ручей, поток'<sup>13</sup>, все же мысль о славянском děva кажется более вероятной для объяснения этих названий.

Редкие немецкие микропонимы Himmel, Himmelreich оказываются объяснимыми только как перевод славянского \*iriъ, \*vuriъ на ранней стадии смешения с баварцами и одновременно с христианизацией.

<sup>10</sup> Masudi. Goldwäschereien. Mémoires d. Peterburger Akademie, VI, 2, 1834, S. 318.

<sup>11</sup> Заметим, что даже для слн. děkla 'ancilla', deklè 'puella', чак. dikla не исключено субстратное происхождение. Бернекер в SEW, I, 197 указывает: «formantisch nicht klar». Латыш. Dēkla, Dēkle, эпитет богини судьбы Laima, из \*dhē(i)-tlā, что дало бы слав. \*dēla; -kl- — не славянский суффикс.

<sup>12</sup> E. Kranzmayr. Ortsnamenbuch von Kärnten, Klagenfurt, 1956, S. 222.

<sup>13</sup> В. И. Георгиев. Проблема возникновения индоевропейских языков. «Вопросы языкознания», 1956, № 1, стр. 55.

Русск. диал. кашинск. *вырь* (а также *бырь*) 'Wasserwirbel (водоворот)' Фасмер оставляет без объяснения (REW, I, 241) так же, как и тверское и псковское *вырей*, 'Zauberer' (колдун). К ним следует добавить русские гидронимы *Вырий*, *Вырья*, *Вырьянка*<sup>14</sup>, наряду с *Выра*, *Вырка*, *Выровка*, *Выровская*, и топонимы *Вырье*, *Вырья*<sup>15</sup>, наряду с *Выр*, *Выры*, *Вырец* и *Вырки*, *Верки* с характерным ареалом распространения.

Ту же основу нетрудно обнаружить в словенском гибридном названии Virštajnska reč, писавшемся также, по данным Келемины, как Viertersteinpetsch, 1773 Jungfernsprung; старейшая запись 1477 Wirmstain указывает на \*vurgna reč; 15<sup>o</sup> засвидетельствовано Dyernstain, ср. др.-в.-нем. diorna, dierne 'дева'. Другое Virštajn возле Вераче, 1275 Vieristain, 1377 Vierstain у Вириштайнского ручья, по Келемине, не относится к культовым местам, тогда как соседнее Verage, село, расположенное в долине Голобинского потока и над ним, фонетически невозможно вывести из записи 1480 Tbaraschitzperg, 1524 Tuerastperg. Это, вероятно, другое название, соответствующее 1480 Wiratschperg, 1524 Weratschperg, которое легче всего можно было бы объяснить из \*vurg(ъ)aci 'живущие у *вырея*'. Безударные гласные в соседстве ликвид редуцируются и в штирийских диалектах. Пейскер в обоих случаях исходит из Tvarožič. Также и названия Varberk на Драве у Птуя, 1246 castrum Wrmberch, 1272 Wörmberch, 1465 ze Wurmberch можно было бы вывести из \*vurgna gora, предполагая, что они проникли в немецкий язык еще в то время, когда славяне произносили -y- (-y-, -ü-, -au-). Судя по географическому положению, сюда вполне можно было бы отнести также и название Vernek у Кресниц, 1154—1156 Uernich, расположенного напротив города Roganek, и точно так же Virje или Verje на Медводах в конце долины р. Савы, записанное 1467 under dem Weyer.

Следует также упомянуть Spodnje и Zgornje Verjana при слиянии рек Velke и Drvanje с Pesnic'ой. Немецкое название Unter-, Oberhanau, 1286 Hanowe, 1348 Hanawe не имеет ничего общего со словенским, которое без всяких затруднений реконструируется как \*vurg(ij)-jane 'живущие у *вырея*'. Там заболоченное место и нет скалы Jungfernsprung. Но антропоним Verjanko из народной песни «Rošlin in Verjanko», по всей вероятности, — мифическое существо, перешедшее в средневековый балладный мотив<sup>16</sup>.

Разумеется, в современном словенском языке различить рефлексы праславянского virъ и vurg(ij) невозможно. Трубару в 16 в. была еще известна форма viru 'Tümpel' (болото), Плетершник дает форму virij, которую едва ли можно отделить от русск. *Вырий* и *вырь*. При объяснении форм verčj (Поляне, Толмин) и berčj (Врсно) нет никаких фонетических трудностей. Они возникают лишь в связи с формами vēren (Випава), vēri род. vērije, vēričk (Толмин), viar, местн. и vōgu (Резья), vričj, brčj (Горишка Брда). Значение варьирует от 'foñs' через 'locus fluminis profundior', «vertex» до 'piscina'; собирательные же формы virjē, verjē, vrjē в микро-топонимии нередко употребляются для обозначения болот.

Другую группу названий образуют словенские ir (муж. р.) или ir (жен. р.), род. iri 'глубина, глубь', по Плетершнику, употребительные в нотранском диалекте и указывающие на прежнюю i-основу муж. рода \*irijъ. Сюда же относится и форма jeri (Жири), связанная с глаголами iri-

<sup>14</sup> M. V a s m e r. Wörterbuch der russischen Gewässernamen, I. S. 397.

<sup>15</sup> M. V a s m e r. Russische Geographische Namen, II. S. 234.

<sup>16</sup> Ср. словен. Zarika in Soñsika, лит. Saulės duktė, лтш. Saules meita, др.-инд. Duhitā Sūryasya в мифе о близнецах — детях Солнца. См. В. В. И в а н о в. Отражение индоевропейской терминологии близнецного культа в балтийских языках. «Балто-славянский сборник». М., 1972, стр. 193.

ti, jeriti, jariti se 'Wellen bilden, wirbeln, schäumen' (создавать волны, кружиться, пениться), и нелокализованное jerin, jarin 'Wasserwirbel, Tümpel' (водоворот, болото). Следует упомянуть также слов. диал. virt 'piscina', в XVI в. viert (Мегизер), в XVIII в. virt (Večna pratika, 1787), часто в микропонимии Штирии, наряду с birt 'piscina', в XVI в. biert (Далматин), сохранившееся в названиях прудов в Каринтии<sup>17</sup>.

Очень редко встречается izber 'locus fluminis profundior', засвидетельствованное в качестве апеллятива только в Боряне, в названиях источников и ручьев, продолжающееся в соседней кайкавской зоне<sup>18</sup>. Вероятно, его следует связывать с инд.-евр. \*bher 'aufwallen' (вздymаться). Возможно, сюда же относится и слов. obrh 'fons', которое, благодаря диалектным формам типа Ambrh, легко объясняется из \*o-byr-s или o-byr-d-, ср. лтш. biġga 'kohlendampf, Qualm, Rausch' (сажа, чад, дым). С этой же основой, вероятно, связано и фриульское диал. berno 'Tümpel' (болото).

К инд.-евр. \*ver восходит слов. vîr, izvîr, vrôtek, vrôček 'fons'. Основываясь на семантическом тождестве литовского jūrūoti 'wogen' (волноваться, колыхаться, бушевать) и словен. irīti, jerīti, jarīti se «Wellen bilden, schäumen» (волноваться, пениться), я уже давно<sup>19</sup> объяснял последние как рефлексy инд.-евр. \*ūr- наряду с \*eġer(i)-, ġar(i)-, ср. лит. jūra 'море, озеро', лтш. jūra, jūre, прус. iūrin 'море', однако wurs 'пруд'<sup>20</sup>. На начальное j- указывает также армянское ĵur 'вода'. Связь между славянскими формами igijъ и vugijъ, должно быть, очень древняя, однако ее нелегко выявить. При исходном \*jūr следовало бы ожидать только \*vugijъ, ср. славянское vu 'вы' из \*jūs, параллельное igijъ возможно из \*jūgijъ > \*jirijъ, и нет необходимости предполагать -й-: \*jūr- > \*jъr- > \*jъr. В случае форм типа русск. *бырь* 'водоворот' мы все же вынуждены считаться с возможностью контаминации, вероятнее всего, с основой \*bher-, которая из всех славянских языков сохранилась только в словенском.

Если принять предположение, что др.-рус. *урий*, *вырий* 'сказочная страна' — то же, что и *вырий*, *вырь*, словен. ir(ij) 'болото', то другие высказанные до сих пор объяснения отпадают сами собой.

Фасмер (REW I, 486) высказывает мысль об иранском заимствовании из airyā-(dahin) 'arisches Land'. Брюкнер (KZ, XLVI, S. 198; «Slavia», XII, s. 187) предположил исходное rajъ с каким-то префиксальным i- и т. д. К тому же остяцкое mortəməx и вогульское mortimaa означают не 'Südland' (юг), а 'Randland, Uferland' (окраинная, прибрежная страна). Таким образом, «das Land, wo die Zugfögel überwinter» (край, где зимуют перелетные птицы) в представлении угрофинноязычных народов также не имеет ничего общего с тем, что мы знаем о перелетах птиц в наше время.

Славист спрашивает себя, не имело ли и праславянское *окно* подобных семантических функций. В словенском *okno* означает одновременно и 'locus fluminis profundior' и 'искусственный источник'. В сербскохорватском *okno* — место на болоте, где не растет тростник и где не замерзает вода. В украинском *вікнина* 'мокрое место, полное источников и ручьев', др.-польск. *okno* 'fons'. Это можно сопоставить с лит. *akas* 'Wuhne' (прудь), *akis* 'Wasserloch' (окно на болоте), латыш. *akā* 'Brunen' (источ-

<sup>17</sup> F. R a m o v š. Slov. Vîrij, vërij 'piscina'. «Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino». III, 1921, s. 58; J. K e l e m i n a. Tujke v slovenskih terenskih nazivih. «Slavistična revija», VIII, 1955, s. 88; F. B e z l a j. Slovenska vodna imena. Ljubljana, I — 1956, s. 62; II — 1961, s. 301.

<sup>18</sup> E. D i c k e n m a n n. «Archivum Europae centro orientalis», VI. Budapest, 1940, s. 148; F. B e z l a j. Slovenska vodna imena, I, s. 228.

<sup>19</sup> F. B e z l a j. Etyma slovenica. «Razprave SAZU», VII. Ljubljana, 1970, s. 164—165.

<sup>20</sup> См. K. B ū g a. Rinktiniai raštai, II, p. 268; E. F r a e n k e l. Litauisches Etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1962, S. 198 и указ. там литературы.

ник). Кажется, что ареалы гидронимов с этой основой не совпадают полностью с *уријь*, и здесь, вероятно, отражается смешение терминологии различных праславянских племен<sup>21</sup>.

Необходимо обстоятельное исследование, в котором на основании имеющегося сейчас в нашем распоряжении материала, в широком сравнительном освещении были бы рассмотрены все фрагментарные факты, которые полвека тому назад привлекли внимание Пейскера. Едва ли можно сомневаться в том, что названия *Jungfernsprung* представляют собой остаток праславянского мифа. Семантическая параллель *Himmel (reich) : irijŲ, уријь* лишь еще раз показала, что без комбинирования самых разных фактов и методов невозможно истолковать те скудные сведения, которые относятся к доисторической эпохе.

#### К СТАТЬЕ акад. Ф. БЕЗЛАЯ

Материал интересной и содержательной статьи акад. Безлая может быть дополнен некоторыми этнографическими фактами, засвидетельствованными в недавнее время и согласующимися с его доводами.

Следы поверья о ласточках, остающихся зимовать подо льдом, на дне водоемов и в болотах, еще и сейчас обнаруживаются кое-где в северо-западной Белоруссии. Приведем наши недавние записи из Гродненской области БССР, сделанные в местностях, где сохраняется литовско-белорусское двуязычие: *ластаўкі, даўней казалі, шчэпіўшыс'а падаја ў ваду і там зімуја* (дер. Пеляса Вороновского р-на, лето 1974 г.); *пра ластаўкаў гавора, што јаны не адл'атаја, а зімуја ў краўшох* (лит. *kraiuša*), *краўшы эта кал'а рэчкі, дзе растуць дрэвы. јаны лезуць тунталамі* (лит. *tūntas* 'толпа, гурьба, ватага, орава') *ў тоја балота і там зімуја* (дер. Гервяты Островецкого р-на, лето 1975 г.).

Аналогичные представления известны и в Литве. В рукописной картотеке литовского фольклора, хранящейся в секторе фольклора Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР, как любезно сообщила научный сотрудник сектора Бронислава Кербелите, есть следующие записи: «*Kregždės rudenį nelekia į šiltus kraštus, bet pasilieka Lietuvoje: jos palenda po ledu ir nagučiais laikosi prie nendrių priekibusios*» 'ласточка не улетает осенью в теплые края, а остается в Литве: они лезут под лед и сидят там, уцепившись коготками за тростник' [LTR 1278 (149), записано в 1937 г. в дер. Клабиняй в районе Утены]; «... *sako kū skregždė ažerañ pasiskande an žiemos, o pavasari ji išeina ir tiktai toi skregždė išeina kū šuosmet išajo iš kiaušiniu. O katrij senj skregždžios, tai neišeina — pragaišta jou ažeri. Žmones teb sake kū jieji ažeri*» 'говорят, что ласточка опускается на зиму в озеро, а весной выходит, но только та, которая в тот год из яйца вышупилась. А старые ласточки не выходят — пропадают в озере. Люди говорят, что они в озере' [L TR 2929 (21), записано в 1953 г. в дер. Барцяй в районе Тракай]; «*Antakščių km. ūkininkas žiemos metu žuvavo Antakščių ežere ir pilną tinklą ištraukė kregždžių. Jos paskui atgijo ir nuskrido. Kada jis jas ištraukė iš vandens, jos buvo sustingusios*» 'крестьянин из деревни Антакшчяй ловил зимой рыбу на озере и вытащил полную сеть ласточек, они потом ожили и улетели. Когда он их вы-

<sup>21</sup> См. М. V a s m e r. «Zeitschrift für slavische Philologie», X, S. 104; E. D i c k e n m a n n. «Beiträge zur namenforschung», Heidelberg, V, S. 255; E. F r a e n k e l. Litauisches Etymologisches Wörterbuch, S. 5, 120; F. B e z l a j. Slovenska vodna imena, II, s. 59.

ташил из воды, они были окоченевшими' [LTR 1438 (208), записано в 1937 г. в дер. Масколишкяй в районе Укмерге].

Упоминание об этом поверье со ссылкой на источники есть у А. Н. Афанасьева<sup>1</sup>. Близкое поверье («ластовки осенью опускаются в колодцы и там, сцепившись ножками, пережидают мороз») приводит А. А. Потебня<sup>2</sup>, который в связи с этим реконструирует представление о вырии как к о л о д ц е. К. Мошинский пишет, что поверье о ласточках, зимующих подо льдом, бытовало «na rozległych obszarach Słowiańszczyzny»<sup>3</sup>.

*Т. М. Судник*

<sup>1</sup> А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. 2. М., 1868, стр. 137.

<sup>2</sup> А. А. Потебня. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. III. Баба-Яга. Чтения в императорском обществе истории и древностей российских, кн. 3. М., 1865, стр. 101; см. также В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 35; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, стр. 183 и сл.

<sup>3</sup> К. Мосзуйский. Kultura ludowa Słowian, t. 2. Kultura duchowa, cz. 1. Warszawa, 1967, s. 68.



## *История славистики*

*РЫШАРД ГУРСКИЙ*

### О ДОСТИЖЕНИЯХ ПОЛЬСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Всякий следивший за развитием исследований фольклора в Польше за последнее тридцатилетие, признает, что за этот период в этой области немало удалось сделать и достичь весьма значительных результатов. Рассказать о достижениях в области изучения фольклора довольно трудно. Эти трудности связаны не только с необходимостью охватить обширный по количеству материал фольклорных исследований, но и с его разнообразностью, ибо следует сказать и о собирании и регистрации фольклора, и о распространении и изданиях фольклористических материалов, и об изучении этой области народного творчества.

Фольклором в этот период занимались представители различных научных дисциплин — не только фольклористы, но и этнографы, языковеды, историки литературы.

Из всей совокупности народной культуры именно фольклор, наряду с предметами народного искусства и ремесла, оказался в центре внимания общества, представляя собой наиболее интересный объект научных исследований, что было явно связано с повышением интереса к народному творчеству, которое вышло за пределы соответствующей среды и стало существенным и общедоступным элементом культуры всего народа.

За этот период в результате официальной политики правительства и установившихся общественно-политических отношений произошли изменения во взглядах общества на народное творчество. Проявляется живой интерес к народному декоративному искусству, песням и музыке, по-другому воспринимается народный умелец и его изделия, чем раньше. Распространена мода на народность, на изделия деревенских художников, на фольклор. Фольклор стал существенной составной частью и элементом общегосударственных (например, общепольские дожинки — праздник урожая) и традиционных праздников (например, венки на Висле). Было признано, что эта область творчества заслуживает официальной поддержки и культивирования, чему, между прочим, способствуют так называемые Дни фольклора, организуемые и празднуемые в разных районах и центрах. Фольклор исключительно или по большей части используется в репертуаре многочисленных любительских ансамблей песни и танца и таких профессиональных ансамблей, как «Мазовше» и «Шленск», которые уже много лет пропагандируют фольклор не только в стране, но и за границей. В результате этого фольклор, бывший ранее принадлежностью конкретных слоев, конкретной общественной группы, а в связи с этим, как правило, мало доступный вне ее, получил более широкие возможности

воздействия, вышел за прежние пределы и начал удовлетворять потребности людей, зачастую относящихся не к тому кругу или коллективу, в котором зародились его формы.

Таким образом произошло расширение сферы его влияния и воздействия. Платой за это явилось прогрессирующее ослабление прежде прочных связей между создателем и исполнителем фольклора — и самим фольклором. Имеет место процесс, который можно было бы назвать автономизацией фольклора, начинающего функционировать по-другому, причем, часто за пределами той среды, которая явилась его создателем или носителем.

Это началось уже в период собирания и распространения фольклора в печатной форме, в результате чего он стал более широко доступен, чем в эпоху устной передачи.

С введением в жизнь средств массовой коммуникации был сделан следующий шаг на этом пути. Благодаря этому расширился круг зрителей и слушателей. Фольклор стал популяризироваться в небывалом до сих пор масштабе, что наряду с высокой оценкой и признанием фольклора привело к возникновению большого спроса на эту разновидность народного искусства. Об этом свидетельствует, между прочим, большое количество любительских ансамблей<sup>1</sup>, основу деятельности которых составляет именно фольклор — вдохновляя их и поставляя им материал. Доказательством служат также большие тиражи издаваемых в послевоенные годы сборников народных песен и сказок.

Следует иметь в виду условия, в которых развивались исследования фольклора в течение тридцати лет: они проводились созданными и подготовленными для решения этих задач учреждениями, обладающими средствами, о которых прежние исследователи могли только мечтать.

В качестве примера достаточно напомнить о судьбе рукописного наследия Оскара Кольберга (1814—1890). В течение 20 лет, прошедших после его смерти, было издано 5 томов. Позже дальнейшая работа по изданию кольберговских материалов была совершенно прекращена. За последнее пятнадцатилетие, после постановления 1960 г. Государственного совета об издании всего наследия Кольберга были возобновлены изданные при его жизни труды, а кроме того, опубликовано 17 новых томов и 3 тома корреспонденции. Есть и другие, хотя и не столь яркие, как издание Кольберга, примеры намерения упущенного в прошлом.

Это происходит в большой степени благодаря выделению фольклористики в самостоятельную дисциплину, ее окончательному вычленению из этнографии. Это не только соответствовало общей тенденции развития науки — далеко идущей специализации ее отраслей, — но и было продиктовано убеждением, что исследование народной культуры, фольклора требует особых инструментов и методов, соответствующей профессиональной подготовки.

Некоторое время в выделении фольклористики видели чуть ли не известную «узурпацию прав» этнографии, частичный захват ее материала. Это вело (а иногда приводит и сейчас) к не всегда обоснованному противопоставлению фольклористики и этнографии, к взаимным претензиям, что проявилось, например, в понимании термина «фольклор».

К фольклористике иногда относятся как к сеятелю раздора во владениях этнографии и к конкуренту, который захватил наиболее интересные темы исследования. Такая постановка вопроса кажется неверной. Ведь

<sup>1</sup> См. данные в статье: С з. К а ł у ż н у. Folklor i jego upowszechnienie w działalności kulturalno-oświatowej w Polsce Ludowej. «Literatura Ludowa», 1966, № 4—6, s: 75—91.

предмет и область исследования этих двух наук не идентичны. Во-вторых, известно, что даже на одно и то же явление можно смотреть с разных точек зрения, исследуя его в другом аспекте и зачастую применяя иные методы (ср. роль текстологического и эстетического анализа фольклора, филологический метод в фольклорных исследованиях).

Из этого отнюдь не вытекает, что эти две науки надо противопоставлять друг другу, преувеличенно подчеркивать их различие, одновременно забывая о том, что существует много проблем, которые можно решить лишь сообща, во взаимном сотрудничестве.

Следует сказать, что много споров вызвали попытки определения предмета и области фольклористики, формулируемые в этой связи концепции фольклора и взгляды на его создателя — народ. В ходе дискуссии обращалось внимание на то, что народ является сугубо исторической категорией, имеющей один смысл применительно, например, к эпохе феодализма, и совершенно другой, если речь идет о периоде капитализма; что только исторический анализ позволяет определить, из каких общественных слоев в данную эпоху состоял народ. Осознание этого имеет существенное значение для понимания фольклора, заставляет видеть в нем историческое явление, формирование которого осуществляется на протяжении истории в различных условиях и различными слоями, составляющими в данную эпоху народ. Это позволяет одновременно избежать односторонней трактовки фольклора, сведения его к творчеству какой-либо одной среды, например, деревни, чего не избежали давние исследования, в которых ценные замечания и наблюдения о фольклоре периода феодализма распространялись на фольклор эпохи капитализма. Это послужило причиной невнимания к происходящим переменам и возникновению новых явлений в фольклоре данной эпохи, т. е. к пролетарскому фольклору.

Здесь очевидна не только ошибочность неисторического подхода к фольклорным явлениям и необходимость в таких случаях исторического анализа, но и то, что фольклор в отдельные эпохи обнаруживает существенные различия, ибо развивается в разных условиях, является созданием всякий раз новых творцов, призван удовлетворять изменяющимся потребностям и приспосабливаться отнюдь не к одним и тем же вкусам и требованиям культивирующей его среды.

Расхождения между фольклористами и этнографами проявились, кроме того, в понимании фольклора и фольклористики. Впрочем, эти проблемы продолжают вызывать дискуссии среди самих фольклористов. На польской почве они проявляются прежде всего в том, что этнографы по сравнению с фольклористами гораздо более широко трактуют область понятия «фольклор», включая сюда совокупности явлений, называемые обычно общественной и духовной культурой народа. Согласно такой концепции за пределами фольклора оказалась лишь материальная народная культура.

Представляется, что широкое понимание фольклора ведет к стиранию различий между этнографией и фольклористикой, хотя известно, что обе науки, даже исходя из разных предпосылок и рассматривая явления с иных точек зрения, так или иначе включают фольклор в область своих исследований.

Поэтому на практике фольклористы оперировали этим понятием в значении гораздо более узком, чем этнографы. Они включали в него некоторый комплекс явлений, связанный с определенной сферой деятельности народа, т. е. с его творчеством, основным средством выражения которого является слово, выступающее, однако, как правило, не в чистом виде, а в соединении с другими средствами выражения, такими, как музыка, танец и драматически-театральные элементы (например, фольклор,



связанный с обрядами). Именно поэтому фольклор носит синкретический характер. Это, кроме всего прочего, отличает его от литературы.

В противоположность литературе, основанной на письменном или печатном слове, фольклор оперирует «живым», т. е. говоримым, рассказываемым, поющим и т. п. словом. Разумеется, это не единственная черта, отличающая его от литературы. Этим черт много и обусловлены они иным, чем в литературе типом возникновения, функционирования и передачи фольклора. Если литературное произведение принадлежит индивидуальному художнику, стремящемуся оригинально, по-своему, передать в нем определенное содержание; если это произведение функционирует как правило в той форме, которую раз и навсегда придал ему автор, и к тому же в печатном виде, то произведение фольклора подвергается многочисленным изменениям в процессе своего существования, приспособляясь к требованиям аудитории, перед которой оно исполняется и которая, таким образом, может влиять на его содержание и форму, более того, оно имеет тем большие шансы на успех, чем лучше оно соответствует обязательной и принятой в данной среде условности. Оно функционирует обычно в виде анонимного произведения, как правило передаваемого изустно.

Следовательно, установление знака равенства между фольклорным и литературным произведением неоправданно, ибо при этом игнорируются особенности и специфика первого из них.

Изучением фольклора в период после 1945 г. занимались специально для этого созданные научные учреждения. Уже в 1947 г. был создан Государственный институт исследования народного искусства, имевший три сектора: народной музыки (руководитель М. Собеский), народной литературы (руководитель Ю. Кшижановский) и танца (руководитель Т. Зыглер). В 1950 г. он был преобразован в Государственный институт искусства, в котором, кроме прочих, работал сектор изучения народных текстов. Его заслугой стала начатая и осуществлявшаяся в 1950—1954 гг. кампания по сбору музыкального фольклора, принесшая значительные материалы, пополненные позднее, в 1955—1963 гг., благодаря организации межвузовских фольклористических экспедиций<sup>2</sup>. В 1953 г. возник сектор народной литературы Института литературных исследований ПАН<sup>3</sup>. В 1957 г. начала выходить «Литература людова», целиком посвященная проблемам литературного народного творчества.

Важную роль в послевоенном фольклористическом движении играли научные конференции и съезды. Они стали серьезным фактором, стимулирующим и вдохновляющим исследования в различных научных центрах и учреждениях, возможностью продемонстрировать результаты работы, обменяться мыслями и опытом. Из многих мероприятий следует назвать очередные съезды Польского народоведческого общества<sup>4</sup> и организованную в 1966 г. сектором народной литературы ИЛИ ПАН конференцию славянской фольклористики<sup>5</sup>, первую такого типа конференцию не только в Польше, но и во всех славянских странах.

О возрастающем значении и месте фольклористики в этот период свидетельствуют также курсы лекций по фольклору и народной литературе,

<sup>2</sup> A. Mioduchowska. Pracownia badań nad polskim folklorem muzycznym Instytutu Sztuki PAN. «Literatura Ludowa», 1964, № 4—6, s. 161. См. также: S. Swirkow. Badania terenowe nad współczesnym folklorem polskim w latach 1945—1965. «Literatura Ludowa», 1966, № 4—6, s. 37, 40—43.

<sup>3</sup> H. Kapeliuś. Pracownia Literatury Ludowej IBL PAN. «Literatura Ludowa», 1964, № 4—6, s. 148—151.

<sup>4</sup> Отчеты очередных съездов опубликованы в органе Польского народоведческого общества «Люд».

<sup>5</sup> Материалы этой конференции опубликованы в: «Literatura Ludowa», 1966, № 4—6; 1967, № 1—3.

читаемые в отдельных университетах и педагогических институтах, чаще всего — для студентов-полонистов. Достаточно сказать, что они проводились и проводятся в Варшаве (Ю. Кшижановский), во Вроцлаве (Б. Закшевский, Ч. Хернас), Торунь (М. Касьян) и Ополе (Д. Симоидес). Примечательно, что в последнее время были введены занятия по фольклору на этнографическом отделении, например, Варшавского университета и Университета им. А. Мицкевича в Познани. Это имеет определенное значение, особенно потому, что до сих пор ни в одном из университетов не создано кафедры фольклористики, что имело бы большое значение для ее будущего, сделало бы возможным образование и профессиональную подготовку соответствующих кадров. До сих пор набор этих кадров носит случайный характер.

За тридцатилетний период был собран и зарегистрирован богатый фольклорный материал. Все достигнутое в этой области является результатом деятельности многих учреждений и большой группы ученых, представляющих различные научные дисциплины. Фольклор в этот период собирался как индивидуально, так и совместно — специально созданными для выполнения поставленных в этой области задач коллективами и группами.

Для фольклориста это немаловажная проблема, поскольку в противоположность историку литературы, предмет исследования которого — литературное произведение — существует в установленной художником рукописной или печатной форме, фольклорист имеет дело с произведениями, функционирующими на другой основе. Для того, чтобы иметь возможность их изучать, он должен сначала отыскать их, зарегистрировать и зафиксировать путем записи на бумаге или магнитофоне. Следовательно, он должен собрать материал, а это возможно лишь в условиях непосредственного контакта с создателем и носителем или исполнителем фольклора в той среде, где возникает и развивается фольклор.

Речь идет, разумеется, о современном фольклоре, поскольку собранный ранее уже зафиксирован и благодаря этому доступен. Именно тот факт, что фольклор функционирует как правило в устной передаче, обуславливает необходимость осуществления постоянной и систематической собирательской деятельности. Ее результат следует видеть не в простом увеличении количества собранных материалов и фольклорных произведений, ибо участие в ней является прекрасной возможностью для накопления наблюдений и данных о том, как функционирует фольклор сегодня, какую роль он выполняет в различных слоях, какие и чьи запросы удовлетворяет и т. д. Все это очень важно, ведь современного фольклориста интересует не только само по себе фольклорное произведение (сам по себе текст, как иногда полагают), но и контекст, обстоятельства, сопутствующие его бытованию в данной среде.

Собирание фольклорных материалов началось сразу после освобождения. Уже в 1945 г. за это взялись Ядвига и Мариан Собеские. В июле 1946 г. начала выездные исследования в районах Опольщины и Нижней Силезии Этнографическая комиссия Силезского института, продолжив их в следующем году. В последующие годы ее члены проводили исследования самостоятельно, как, например, Станислав Валлис, Адольф Дыгач и Юзеф Лигенза.

В 1950 г. Государственным институтом искусства была организована кампания по сбору музыкального фольклора, проводившаяся до 1954 г. В результате было собрано 45 000 записей песен и инструментальных произведений. В ней приняло участие 60 сотрудников, а периодически их число доходило даже до 100. Собранные тогда материалы были умножены, благодаря организованному в 1955—1963 гг. межвузовским фольклорным

экспедициям. Все эти работы проводились под действенным руководством М. Собеского. В итоге был собран значительный материал, насчитывающий к 1964 г. около 65 000 записей песен и инструментальных произведений.

В несравненно более скромном масштабе собрание фольклора осуществляли и осуществляют другие учреждения. Следует отметить прежде всего университетские кафедры этнографии, например, в Лодзи, Торунь<sup>6</sup>, Познани, Варшаве и Люблине, этнографические музеи<sup>7</sup>, Институт языкознания ПАН в Варшаве<sup>8</sup>, редакцию «Литературы народной», которая не только поддерживала местные начинания, но и проводила собственные поиски (Западное Поморье, Куршевщина и Ломжинский край)<sup>9</sup>, редакции Польского радио<sup>10</sup>, организующие конкурсы и сбор материалов на местах и хранящие благодаря этому в своих архивах богатые и интересные материалы, которые мало или почти совсем не используются в научных исследованиях. Конкурсы, пропагандирующие собрание фольклора, были объявлены также некоторыми отделами культуры воеводских Рад народных (например, в Быдгощи) и редакциями журналов (например, «Нова вєсь») <sup>11</sup>.

Параллельно этому развивалось индивидуальное собрание.

Из такого состояния дел в этой области вытекают определенные последствия. Серьезное значение имеет то, что фольклор собирали представители нескольких дисциплин (этнографии, музыкологии, языкознания и фольклористики). Во-первых, они собирали его с точки зрения потребностей своей дисциплины, что обусловило выбор только интересующего их материала. Во-вторых, в связи с вышесказанным, они применяли собственные, а значит, различные методы и формы записи и регистрации. В-третьих, исследования велись на территориях, представляющих интерес для этих дисциплин, поэтому одни районы были исследованы лучше, другие слабее, а некоторые вообще не привлекли внимания исследователей. Это объясняется отсутствием координации этих начинаний, какого-либо общего плана. В-четвертых, в исследованиях поражает большая диспропорция в отношении учета отдельных жанров фольклора. Наиболее привилегированное место заняла песня, за ней следуют сказки, предания и легенды, и наконец, пословицы.

Для полноты картины следует еще добавить обнаруженные старые сборники, о существовании которых даже не подозревали. Речь идет, разумеется, о произведениях, вошедших в работу Чеслава Хернаса «В калиновом лесу»<sup>12</sup>.

Кроме того, удалось разыскать и другие ценные материалы, как, например, сборники песен собирателей девятнадцатого века Германа Мар-

<sup>6</sup> I. L e c h o w a. Stan badań nad folklorem Ziemi Łódzkiej w latach 1945—1964. «Literatura Ludowa», 1964, № 4—6; M. Z n a m i e r o w s k a-P r ü f f e r o w a. Dorobek toruńskiego ośrodka naukowego w zakresie badań nad folklorem w latach 1946—1964. Ibid.

<sup>7</sup> E. A r s z y ń s k a. Archiwum folklorystyczne Muzeum Etnograficznego w Toruniu; R. L a n g e. Działalność ośrodka toruńskiego w zakresie folkloru tanecznego i muzycznego. Ibid.

<sup>8</sup> W. P o m i a n o w s k a. Zagadnienia folklorystyczne w pracach Zakładu Językoznawstwa PAN w Warszawie. Ibid.

<sup>9</sup> См. S. S w i r k o. Badania terenowe..., s. 48—49.

<sup>10</sup> M. O k ę c k a - B r o m k o w a. Folklor w Radce. In: Z zagadnień pieśni ludowej..., s. 241—245.

<sup>11</sup> H. K a p e ł u ś. Z życia tradycji pieśniowej. Uwagi o materiałach konkursu «Nowej Wsi». In: Między dawnymi a nowymi laty... Studia folklorystyczne pod red. R. Górskiego i J. Krzyżanowskiego. Wrocław, 1970, s. 241—252; E. J a w o r s k a. Pieśni balladowe w materiałach nadesłanych na konkurs «Nowej Wsi». Ibid., s. 253—270.

<sup>12</sup> C z. H e r n a s. W kalinowym lesie, t. 1: U źródeł folklorystyki polskiej, t. 2: Antologia polskiej pieśni ludowej ze zbiorów polskich XVIII w., Warszawa, 1965.

тина Гизевуша<sup>13</sup>, Юзефа Ломпы<sup>14</sup>, Франтишека Вавровского<sup>15</sup> и Юзефа Гонсеровского<sup>16</sup>. Ценным звеном в исследованиях истории фольклора может оказаться памятник народной литературы середины XVI в. «Людцыце весне», обнаруженный и изданный Александром Ромбовским<sup>17</sup>.

Не все из собранных, а даже и из вновь найденных материалов дождалось издания. Это не должно никого удивлять, поскольку фольклор собирают не только в целях публикации. Его собирают потому, что только зарегистрированный и зафиксированный на бумаге или на магнитофонной ленте он не подвергается разрушительному действию времени, сохраняется для потомков, не исчезает со смертью создателя, носителя или исполнителя, может составлять предмет научного исследования. Поэтому его собирают также в целях документации, для нужд архивов, где должны быть сосредоточены все записи и магнитофонные ленты, независимо от их последующего использования.

При рассмотрении вопроса об их публикации решающими являются самые различные соображения — эстетические, научные, общественные и т. д. Известную роль играет потребность популяризации, желание распространять фольклор именно в такой форме. Существенное влияние на начинания в этой области оказывает общественный спрос на эту разновидность народного творчества. В послевоенный период наблюдается расширение круга читателей, зрителей и слушателей фольклорных записей, который отнюдь не ограничивается специалистами, занимающимися народной культурой. В связи с ростом интереса ко всему, что связано с народом, свой ренессанс переживает, например, сказка, ставшая любимым чтением, прежде всего, детей и юношества. Народная песня, как один из основных элементов репертуара многочисленных ансамблей песни и танца, встречает интерес со стороны участников самодеятельности. Эти факты обусловили выбор и характер публикации фольклорных произведений.

Достаточно поверхностного взгляда на издательскую продукцию в этой области, чтобы заметить, что значительную ее часть составляют популярные издания сказок и песен. Помимо этого можно отметить, что особой популярностью пользовались и издания сказок в литературной обработке известных писателей. Это были либо книги сказок, обработанных каким-либо одним писателем, например, Р. Зморским, Ю. И. Крашевским, Т. Стемповским, Г. Морцинеком и Б. Лесьмяном<sup>18</sup>, или антологии сказок, принадлежащих перу различных авторов. Как правило, популярный характер носили издания переводных сказок, как, например, «Сказки балтийских народов» или «Русские сказки» А. Афанасьева. Говоря об изданиях сказок, эти книги нельзя обойти молчанием, но надо отметить,

<sup>13</sup> W. G e b i k. Z dziejów folklorystyki warmińsko-mazurskiej w okresie dwudziestolecia 1945—1964. «Literatura Ludowa», 1964, № 4—6, s. 181.

<sup>14</sup> B. Z a k r z e w s k i. Józef Łompa jako zbieracz pieśni. «Literatura Ludowa», 1964, № 4—6; e r o ж e. Pieśni ludu śląskiego ze zbiorów rękopiśmiennych Józefa Łompy. Wrocław, 1970.

<sup>15</sup> T. B r z o z o w s k a. Franciszek Wawrowski i jego zbiór. In: W świecie pieśni i bajki. Studia folklorystyczne pod red. R. Górskiego i J. Krzyżanowskiego, Wrocław, 1969, s. 9—19.

<sup>16</sup> S. S w i r k o. Zbiór pieśni mazurskich Józefa Gąsiorowskiego. In: W świecie pieśni i bajki, s. 267—279.

<sup>17</sup> A. R o m b o w s k i. Ludycje wesne. Zabytek literatury ludowej z połowy XVI w., Wrocław, 1953.

<sup>18</sup> Дважды была издана книга: R. Z m o r s k i. Podania i baśnie ludu. Sp. J. I. K r a s z e w s k i. Bajki i bajeczki. Warszawa, 1960; T. S t e p o w s k i. Gawędy minionego czasu. Warszawa, 1961; G. M o r c i n e k. Jak górnik Bulandra djabła oszukał. Baśnie śląskie. Warszawa, 1958; B. L e ś m i a n. Klechdy polskie. Warszawa, 1959.

что, конечно, не они являются наиболее ценными из послевоенных изданий. Они включают, как правило, уже известные фольклористу старые тексты, причем с точки зрения фольклориста, такие публикации не представляются удовлетворительными. Оставляют желать лучшего и сборники, подготовленные языковедами, как, например, «Избранные тексты польских диалектов» или «Оравские диалектные тексты с территории Польши»<sup>19</sup>, хотя они часто содержат интересные тексты, основанные на послевоенных записях.

Новые, то есть собранные за последнее время материалы, содержат «Сказки Вармии и Мазур», «Легенды Поморья», «Ленчицкие легенды», «Повести оравского народа», «Над озером сказка спит», «Крупинки смешные и веселые» и «Предания спиского народа»<sup>20</sup>. Прекрасно изданы и снабжены хорошим комментарием «Польские сказания» С. Дзиковского<sup>21</sup>, «Сказки и предания» Ю. Ломпы<sup>22</sup>, а также серия сказок издательства ПИВ<sup>23</sup>. Особо следует отметить антологию «Сто народных сказок»<sup>24</sup>, которая была переведена на болгарский, венгерский, немецкий и английский языки.

Что касается песен, то их сборники состоят в основном из материалов, собранных в послевоенные годы, прежде всего в период кампании по сборанию музыкального фольклора и из позднейших записей. Накопление обширного материала дало возможность издания многочисленных сборников более или менее популярного характера, содержащих песни из различных районов Польши.

Заслуживает внимания факт, что публиковались материалы из тех районов, которые были недостаточно до сих пор исследованы, а не из тех, что традиционно привлекали интерес собирателей. Стоит особо подчеркнуть издание фольклорных текстов западных и северных земель, что было важно не только с научной, но и с общественно-национальной точки зрения. В этих изданиях был представлен фольклор, который пережил и дал народу силы пережить долгий период оторванности от Родины, годы неволи. Одновременно публиковались интересные материалы, свидетельствующие об изменениях, происходящих в данном фольклоре, среди прочего, под влиянием миграции населения, в результате столкновения местного фольклора с культурными сюжетами, родившимися на других территориях, необходимости приспособления к новым, послевоенным условиям и т. д.

Сборники песен из этих областей вызвали интерес не только благодаря своей художественной ценности, но и документальному значению. Это

<sup>19</sup> K. N i t s c h. Wybór polskich tekstów gwarowych. Warszawa, 1960; M. K a r á s, A. Z a r e b a. Orawskie teksty gwarowe z obszaru Polski. Kraków, 1964.

<sup>20</sup> H. K u r o w s k a, H. K o n e c z n a, W. P o m i a n o w s k a. Bajki Warmii i Mazur. Warszawa, 1956; W. L e g a. Legendy Pomorza. Gdańsk, 1958; J. G r o d z k a. Legendy łęczyckie. Łódź, 1960; M. O k e c k a - B r o m k o w a. Nad jeziorem bajka śpi. Olsztyn, 1962; D. S i m o n i d e s. Bery śmieszne i uciészne. Opole, 1967; A. J a z o w s k i. Powieści ludu spiskiego. Warszawa, 1967.

<sup>21</sup> S. D z i k o w s k i. Klechdy polskie. Warszawa, 1948.

<sup>22</sup> J. Ł o m p a. Bajki i podania. В работе над этой книгой приняли участие J. Krzyżanowski, H. Karpiński и J. Pośpiech. Wrocław, 1965.

<sup>23</sup> К настоящему времени Панъствова институт издавачничи выпустил: «Bajka ludowa w dawnej Polsce». Wyb. i opr. H. Karpiński, 1968; «Sabałowe bajki». Wyb. i opr. T. Brzozowskiej, 1969; «Klechdy, starożytne podania i powieści ludu Polskiego i Rusi K. Wł. Wójcickiego». Wyb. i opr. R. Wojciechowskiego, 1972; «Bajki śląskie L. Malinowskiego». Wyd., wstęp i opr. E. Jaworskiej, 1973; «Podania i legendy polskie, ruskie i litewskie L. Siemieńskiego». Wyb., wstęp i opr. K. Pamuły, 1975. Предисловия ко всем этим книгам были написаны Ю. Кшижановским.

<sup>24</sup> J. K r z y ż a n o w s k i, H. K a r p i Ń s k i. Sto baśni ludowych. Warszawa, 1957.

относится к сборникам песен Вармии и Мазур, Любуской земли, Оцольской Силезии, Нижней Силезии<sup>25</sup> и т. д.

Следует обратить внимание еще и на то, что послевоенные издания песен содержат не только деревенский фольклор, но и песни других слоев. По сравнению с более ранними изданиями намного больше и в более широком масштабе представлено творчество рабочих масс. Это творчество, конечно, не ограничивается жанром песни, хотя несомненно, что это один из наиболее живых жанров фольклора рабочей среды, популяризовавшийся в работах Э. Айненкеля, С. Валлиса, А. Дыгача и Ю. Лигензы<sup>26</sup>.

В целом опубликованные в течение тридцатилетия сборники существенно обогатили наши песенные собрания, внося много новых произведений или новых вариантов уже известных вещей. Кроме уже упомянутых сборников вышел еще ряд изданий, содержащих песни Подгалья, Подлясья, Мазовша, Великой Польши, Краковского, Келедкого, Любельского воеводства, Куяв, Силезии, Курнев, Живецкого округа, Поморья и Кашуб<sup>27</sup>.

Из перечисленных изданий следует особо отметить «Песни Подгалья»<sup>28</sup>. Этот сборник интересен не только составом песен — он исключительно хорошо издан и содержит обширную информацию, касающуюся литературной (текстовой) и музыкальной стороны. Вместе с тем, материал сборника служит иллюстрацией для предпринятой в нем попытки систематизировать песни, исходя из анализа структуры их содержания, применяя метод индексов. Представленная здесь систематизация должна была стать поводом для дискуссии, шагом на пути к разработке принципов классификации и систематизации народной песни. Однако она не вызвала такого отклика в среде специалистов, какого следовало бы ожидать.

Среди попыток иного характера нельзя не отметить «Яблоньки» Ю. Пшибося и «Польской народной эпике» С. Черника<sup>29</sup>. «Яблонька» была до сих пор единственной антологией польской народной песни, выдержав два издания. Ее состав в целом давал достаточное представление о польской песне. Выбор производился с целью показать интересные

<sup>25</sup> Ср., напр., W. Gębik. Pieśni ludowe Warmii i Mazur. Olsztyn, 1953; M. Sobieski. Pieśni ludowe Warmii i Mazur. Kraków, 1955; M. Okęcka-Bromko. w a. Spiewa wiatr od jezior. Pieśni ludowe Warmii i Mazur. Warszawa, 1966; J. i M. Sobiescy. Szlakiem lubuskiego kozła. Kraków, 1954; J. Sobieska. Piosenki z Ziemi Lubuskiej. Kraków, 1956; A. Dygacz, J. Ligęza. Pieśni ludowe Śląska Opolskiego. Kraków, 1954; J. Tacińska. Pieśni ludowe Śląska Opolskiego. Katowice, 1963; J. Majchrzak. Dolnośląskie pieśni ludowe. Wrocław, 1955.

<sup>26</sup> E. Ajnenkiel. Polska rewolucyjna pieśń robotnicza z lat 1875—1915. «Prace polonistyczne», 1948; S. Wallis. Pieśni górnicze Górnego Śląska. Kraków, 1954; A. Dygacz. Spiewnik pieśni górniczych. Katowice, 1956; его же. Pieśni górnicze. Katowice, 1960; J. Ligęza. Ludowa literatura górnicza. Katowice, 1958.

<sup>27</sup> A. Szurmiak-Bogucka. Górole, górale, góralsko muzyka. Spiewki Podhala. Kraków, 1959; W. Kotoński. Piosenki z Pienin. Kraków, 1956; J. Lisakowski. Piosenki z Podlasia. Kraków, 1956; L. Łukaszewski, A. Oleszczuk. Piosenki ludowe z Podlasia. Kraków, 1958; Z. Stęszewska. Piosenki z Mazowsza. Kraków, 1957; J. Sobieska. Wielkopolskie spiewki ludowe. Kraków, 1957; W. Późniak. Pieśni ludu krakowskiego. Kraków, 1956; J. Stęszewski. Piosenki z Lubelskiego. Kraków, 1955; J. Chorosiński. Pieśni pracy ludu kieleckiego. Kraków, 1955; M. Sobieski. Piosenki z Kujaw. Kraków, 1955; J. Ligęza. Pieśni ludowe ze Śląska, t. 3, z. 2. Katowice, 1961; J. Stęszewski. Piosenki z Kurpiów. Kraków, 1955; S. M. Stoiński. Pieśni żywieckie. Kraków, 1964; L. Bielański. Piosenki z Pomorza. Kraków, 1955; L. Roppel, W. Kirstein. Pieśni z Kaszub. Gdańsk, 1958.

<sup>28</sup> «Pieśni Podhala». Antologia. Przygot. zesp. Z. Jaworska, A. Mioduchowska, J. Sadownik, A. Sledziwski. Część muz. przygot. A. Szurmiak-Bogucka. Red. J. Sadownik. Kraków, 1957. Wyd. II, 1971.

<sup>29</sup> «Jabłoncezka» вышла двумя изданиями — 1953 и 1957 г.; «Polska epika ludowa» вышла в серии «Biblioteki Narodowej», 1958.

и ценные в литературном отношении произведения, но при совершенном отсутствии мелодий и достаточно свободном обращении автора с текстами песен, что в свое время вызвало критику и осуждение<sup>30</sup>.

«Польская народная эпика» Черника подобно «Яблоньке» ценна интересным подбором материала, относящегося к той области народного творчества, которая в польском фольклоре представлена не очень богато и не составляет его сильнейшей стороны. В этом основное достоинство работы Черника. К сожалению, комментарии оставляют желать лучшего, в них ощущается отсутствие у автора филологической подготовки, содержится ряд ошибок<sup>31</sup>.

Если сравнить послевоенные достижения в области издания песен с тем, что было сделано в этой области ранее, то абстрагируясь от численного превосходства можно заметить, что издания последних лет, несмотря на свой часто популярный характер, выгодно отличаются от старых изданий тщательностью подготовки, большей заботой о сохранении интегральной формы песни (текст — мелодия), более последовательным стремлением передать текст в диалектной записи, меньшей произвольностью в классификации публикуемого материала (ср. издания, выходящие под патронатом Института искусства).

Что касается остальных жанров фольклора, то здесь издательские достижения несравненно меньше. Из малых форм по существу только пословицы издавались отдельными сборниками. Речь идет, конечно, о книгах Ю. Ондруша<sup>32</sup> и С. Валлиса<sup>33</sup>, а прежде всего о трехтомной «Новой книге польских пословиц»<sup>34</sup>, самой большой в послевоенной паремииграфии и заслуживающей особого внимания, поскольку она содержит помимо старого сборника Адальберга, старых и новых рукописных и печатных материалов, помимо коллективного собрания пословиц из литературных произведений, также и пословицы, записанные во время экспедиций в послевоенный период.

Картина издательских достижений была бы неполной, если бы мы ограничились только изданиями фольклорных материалов, собранных за послевоенный период. Выше мы уже упомянули издания старых фольклорных записей, не издававшихся до сих пор и покоившихся в разных архивах и библиотеках, а также переиздания некоторых фольклорных сборников. Помимо упомянутых, вновь были изданы «Мазурские песни» В. Кентшиньского<sup>35</sup>, «Оравские песни» Э. Мики и А. Хыбиньского<sup>36</sup>, были завершены начатые много лет назад труды — «Народные песни Силезии»<sup>37</sup> и «Белорусский народ» М. Федеровского<sup>38</sup>. Вместе с другими трудами и письмами Ходаковского был издан его доклад — манифест<sup>39</sup>.

Три последние издания привлекают внимание тщательной подготовкой, высоким уровнем оформления и солидностью комментариев.

<sup>30</sup> См. рецензию: M. B ł o ń s k a. Na marginesie «Jabłoneczki» Jułiana Przybosia. «Polska Sztuka Ludowa», 1955, № 3, s. 172—178.

<sup>31</sup> См. J. K r z y ż a n o w s k i. Na drogach i bezdrożach naszej pieśni ludowej. «Literatura Ludowa», 1961, № 1—2.

<sup>32</sup> J. O n d r u s z. Przysłowia i przymówiska ze Śląska Cieszyńskiego. Wrocław, 1960.

<sup>33</sup> S. W a l l i s. Przysłowia i «pogodki» ludowe na Górnym Śląsku. Wrocław, 1960.

<sup>34</sup> S. Ś w i r k o. Redakcja «Nowej księgi przysłów polskich». «Literatura Ludowa», 1964, № 4—6, s. 155—157.

<sup>35</sup> W. K ę t r z y ń s k i. Pieśni mazurskie. Olsztyn, 1965.

<sup>36</sup> E. M i k a, A. C h y b i ń s k i. Pieśni orawskie. Kraków, 1957.

<sup>37</sup> J. L i g ę z a. Pieśni ludowe ze Śląska, t. 3, z. 2.

<sup>38</sup> M. F e d e r o w s k i. Lud białoruski. Pieśni, t. 5, t. 6 i suplement. Warszawa, 1958, 1960, 1969.

<sup>39</sup> Z. D o ł ę g a - C h o d a k o w s k i. O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem oraz inne pisma i listy. Opr. J. Maślanka. Warszawa, 1967.

И наконец труд, о котором тоже уже упоминалось, — «Собрание сочинений Оскара Кольберга»<sup>40</sup>. По своим размерам и значению он бесспорно превосходит другие издания, предпринятые и осуществленные в этой области на протяжении всей четверти века. За 10 лет, истекших с момента выхода постановления Государственного совета об издании наследия Кольберга, было осуществлено переиздание книг, вышедших при жизни или вскоре после смерти автора «Народа», из сохранившихся материалов подготовлено 17 томов, в том числе 3 тома корреспонденции. Благодаря этому на книжный рынок поступили новые издания, а также переиздания трудно доступных и отсутствующих даже в букинистических магазинах трудов Кольберга. Кроме того, издания знакомят со значительной частью неопубликованного наследия выдающегося ученого, которое, будучи разбросано по разным библиотекам, могло быть использовано только горсткой специалистов. Подготовка материала и комментарии были осуществлены в таком темпе и на таком уровне, которые внушают уважение к выполнившему эту работу коллективу. Никого не нужно убеждать в том, сколь огромно значение этого труда для фольклористики, этнографии и т. п. Этот факт свидетельствует также и о том, насколько изменилось отношение к фольклору и науке, посвященной его изучению.

Работы по собиранию и изданию фольклора развивались параллельно интерпретаторско-исследовательской деятельности, находясь с нею в тесной связи.

Если за послевоенный период были достигнуты столь серьезные успехи в этих двух областях, то причина этого в том, что фольклор перестал быть предметом изучения исследователей-любителей и энтузиастов, становясь объектом научного изучения целого отряда ученых, обладающих необходимой специальной и научной подготовкой.

Следствием этого прежде всего являются послевоенные успехи в области изучения и интерпретации фольклора. Здесь можно отметить труды, имеющие фундаментальное значение для польской фольклористики, работы, осветившие и объяснившие ряд фольклорных явлений, в серьезной мере способствовавшие обогащению знаний о фольклоре, его истории и сегодняшнем дне.

Среди них есть и работы вспомогательного характера, как, например, разного рода библиографии. Следует сказать, что за этот период не было создано ни современной этнографической, ни фольклористической библиографии. В результате этого мы вынуждены пользоваться незаменимыми до сих пор старыми трудами Ф. Гавелека, Я. Быстроны, А. Фишера и А. Бахмана<sup>41</sup>.

Определенную помощь в исследованиях оказывают послевоенные работы, частично регистрирующие этнографические и фольклористические материалы. Они бесспорно облегчают, по крайней мере отчасти, ориентацию в обширном по количеству материале, хотя и не всегда соответствуют всем тем требованиям, которые предъявляются в настоящее время к такого рода исследованиям, что особенно очевидно при сравнении их, например, с издаваемыми после войны литературными библиографиями.

Самая серьезная попытка предпринята в «Материалах к польской этнографической библиографии» (1945—1955) Х. Биттнер-Шевчиковой<sup>42</sup>.

<sup>40</sup> J. B u r s z ł a. «Dzieła wszystkie» Oskara Kolberga. «Literatura Ludowa», 1964, № 4—6.

<sup>41</sup> R. G ó r s k i. Studia nad dziejami folklorystyki polskiej. «Literatura Ludowa», 1966, № 4—6.

<sup>42</sup> H. B i t t n e r - S z e w c z y k o w a. Materiały do bibliografii etnografii polskiej (1945—1955). Wrocław, 1955.



Библиография за последующие годы представлена в работах Б. Гавина<sup>43</sup>. На другой основе, ограничиваясь избранным районом, строились библиографические указатели Э. Сукертовой-Бедравины<sup>44</sup>, а также указатели, в свое время систематически публиковавшиеся в «Литературе людовой»<sup>45</sup>. Некоторые материалы по фольклору помещает «Польская литературная библиография».

Много материалов содержится в составленных и изданных библиографиях таких народоведческих журналов, как «Люд», «Земля», «Орли лет», «Грыф», «Грыф кашубский»<sup>46</sup>.

Знакомство с послевоенными библиографическими указателями достаточно поучительно. Уже из одного списка названий трудов и исследований можно сделать определенные выводы: становится очевидным, как много места среди них занимают работы, касающиеся истории изучения фольклора, развития фольклористики. Это было обусловлено целым рядом факторов. Немаловажным среди них была ощущаемая фольклористикой, судьбы которой в Польше складывались довольно специфически, потребность определения своего генезиса, соотнесения с определенной исследовательской традицией, ориентации в пределах своего материала. Принимаясь за труд такого рода, фольклористика поступила, как полагаются науке, которая не только получила самостоятельность, но и требует формального и фактического признания своей самостоятельности и независимости. В этой борьбе такие исследования несомненно многое значили, являлись важным аргументом. Так в общих чертах выглядела психологическая сторона живого интереса исследователей к истории фольклористики.

Это, разумеется, не полное объяснение рассматриваемого явления. Причины этого интереса следует искать и в другом, не упуская из вида двух обстоятельств: во-первых, факта, что большое число фольклористов рекрутируется из историков литературы, а во-вторых, что начинания в этой области были вдохновлены историей литературы, постоянно и активно занимающейся эпохой романтизма, когда проблемы народности играли первостепенную роль. Это была одна из причин, по которой историк литературы периода романтизма должен был коснуться области народного творчества, поскольку без соотнесения с фольклором он не мог рассматривать и анализировать большинство романтических произведений. Таким образом, потребности науки обращали его к фольклору, к анализу того, как его изучали и как использовали в поэзии. Стремление к верному пониманию этой проблемы привело ученого к изучению фольклористического движения той эпохи.

Более близкое знакомство с послевоенными историко-фольклористическими исследованиями убеждает в том, что дело обстоит именно так. Обнаруживается, что большое место в них занимала именно романтическая фольклористика, что большинство работ на эту тему принадлежит историкам литературы или фольклористам. В качестве примера можно

<sup>43</sup> B. G a w i n. Materiały do bibliografii folkloru za lata 1945—1963. «Literatura Ludowa», 1965, z. 1, s. 32—59, а также его указатели за 1955, 1956—1958 гг., опубликованные в «Люде».

<sup>44</sup> Указатели Е. Сукертовой-Бедравины публиковались в: «Komunikaty Mazursko-Warmińskie».

<sup>45</sup> См. D. Ś w i e r c z y Ń s k a. Bibliografia zawartości «Literatury Ludowej» za lata 1957—1964. «Literatura Ludowa», 1965, № 1. Там же приводится список других библиографических указателей, напечатанных в этом журнале.

<sup>46</sup> Indeks «Ludu», t. I—XXXIX, opr. J. Gajek i Z. Malewska. «Lud», t. XXXIX, 1953, s. 9—1109; «Ziemia» w latach 1910—1946. Informacja bibliograficzna. «Ziemia» t. XXXIX, 1948, № 12; L. W e g r z y n o w i c z. Indeks treści etnograficznej miesięcznika «Orli lot» z lat 1920—1950. Wrocław, 1958; K. K a m i Ń s k a. «Gryf» wraz z dodatkiem «Gryf Kaszubski». Gdańsk, 1961.

указать на попытку синтетического охвата фольклористики эпохи, принятую в «Истории польской фольклористики 1800—1863», ряд исследований и статей Ч. Згожельского, Ю. Маслянки, С. Серотвинского, Ю. Кшижановского, М. Янион, Б. Закшевского и т. д.<sup>47</sup> Было опубликовано значительно: число монографических и частных исследований, изданы Ходаковский, Бродзинский, Гопчиньский, Ломпа, Мицкевич, Бервиньский. Другие романтические фольклористы, например, В. Польш, Гизевиуш, Рогер, Беловский и Гейнова<sup>48</sup> также стали предметом интересных работ. Благодаря этому фольклористика периода романтизма была разработана и исследована гораздо более полно и тщательно, чем остальные периоды ее истории. Следует, однако, сказать, что в послевоенный период оживились также исследования и более поздних этапов ее развития. Несомненное влияние на это оказало издание «Собрания сочинений» Оскара Кольберга, обратившее внимание исследователей на этот до сих пор не изученный период в истории польского народоведения. Интерес к нему был просто необходим, привлекая во внимание потребности этого огромного предпрятия. Их было бы невозможно удовлетворить без проведения специальных исследований. Их результаты содержатся, между прочим, в очередных изданных томах, а среди них и в «Корреспонденции», где сосредоточен богатый фактографический материал по фольклористике кольберговской эпохи.

С другой стороны, изучается творчество Кольберга, история его жизни и деятельности. Исследования последних лет в сочетании с достижениями Еленегурской кольберговской сессии существенно обогатили наши знания о роли и значении создателя «Народа» в истории польской этнографии и фольклористики<sup>49</sup>. Недавно вышла книга Р. Гурского «Оскар Кольберг. Очерк жизни и деятельности», удостоившаяся уже двух изданий (1970, 1974). Как и в случае Кольберга, издание рукописных материалов М. Федеровского стало поводом для начала изучения его жизни и деятельности. Это привело не только к завершению «Белорусского народа», но и к созданию ценного комментария к этому труду, особенно к помещенным в нем песням. Как бы отголосками этих работ, возникшими по случаю их изданий, стали ценные статьи и исследования, проливающие свет на различные стороны деятельности и наследия Федеровского<sup>50</sup>.

<sup>47</sup> Cz. Z g o r z e l s k i. Z dziejów sławy Zoriana Dołęgi Chodakowskiego. «Pamiętnik Słowiński», 1957, s. 110—136; J. M a ś l a n k a. Zorian Dołęga Chodakowski. Jego miejsce w kulturze polskiej i wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne. Wrocław, 1965; S. G o s z c z y Ń s k i. Dziennik podróży do Tatrów. Opr. S. Sierotwiński. Wrocław, 1958; M. J a n i o n. Z narodowej pielgrzymki. «Pamiętnik Literacki», 1951, z. 3—4 i odb.; B. Z a k r z e w s k i. Śląska pieśń ludowa w zbiorach okresu romantyzmu. Wrocław, 1962; см. также в опр. В. Закржевского «Pieśni ludu śląskiego». Ze zbiorów rękopiśmiennych Józefa Łompy. Wrocław, 1970. Ср. соответствующие исследования на эту тему в кн.: J. K r z y ż a n o w s k i. Paralele. Wyd. II, Warszawa, 1961.

<sup>48</sup> K. Z a w i s t o w i c z - A d a m s k a. Wincenty Pol — badacz folkloru ludowej. Warszawa, 1966; T. S ł o w i k o w s k a - O l e j a r c z y k. Warsztat folklorystyczny Gustawa Gizewiusza. «Prace Literackie», t. IX. Wrocław, 1967, s. 111—143; P. S w i e r c. Juliusz Roger i jego zbiór śląskich pieśni ludowych. Opole, 1963; A. G o r i a c z k o - B o r k o w s k a. Twórczość poetky Augusta Bielowskiego. Wrocław, 1965; L. R o p p e l. Florian Seynowa jako folklorysta. In: W świecie pieśni i bajki, s. 233—245; ср. фрагменты о Цейнове в кн.: A. B u k o w s k i. Regionalizm kaszubski. Ruch naukowy, literacki i kulturalny. Zarzys monografij historycznej. Poznań, 1950.

<sup>49</sup> Материалы Еленегурской сессии были опубликованы в «Lud», t. XLII, 1956, cz. I; ср. также: E. S k r u k w a. Władysław Siarkowski — współpracownik Kolberga. In: W świecie pieśni i bajki, s. 247—257; H. K a p e l u ś. Modlnicki raptularz Antoniny Konopczanki. Ibid., s. 179—195; R. G ó r s k i. Oskar Kolberg wobec literatury ludowej. Ibid., s. 97—106; в 1970 г. вышла работа: R. G ó r s k i. Oskar Kolberg. Zarzys życia i działalności. Warszawa, 1970. Ее второе переработанное издание вышло в 1974 г.

<sup>50</sup> Ср. том с комментариями к: «Lud białoruski». A. O b r e b s k a - J a b ł o Ń s k a. Warsztat naukowy M. Federowskiego w świetle jego listów. «Slavia Orientalis»,

Эти два примера отнюдь не единичны — точно так же выглядит генезис других работ по истории фольклористики. Подготовка к изданию «Новой книги польских пословиц» была продиктована живейшим интересом к этому жанру, что нашло свое отражение в исследованиях на темы поэтики и истории пословицы, в многочисленных очерках, показывающих отдельные этапы истории польской паремииграфии и паремииологии, а также деятельность наиболее выдающихся паремииографов прошлого. Особое место среди них бесспорно принадлежит Самуэлю Адальбергу и его трудам<sup>51</sup>. Вышел двухтомный труд Ю. Кшижановского «Умный поймет с полуслова», посвященный пословице.

Аналогично обстояло дело с исследованиями о Л. Малиновском<sup>52</sup>, которые были написаны в связи с переизданием его силезских сказок.

Следует подчеркнуть, что издания новых или старых материалов, стимулировали появление ценных работ, содержащих новые сведения, факты и данные, интересный анализ и интерпретацию фольклорных явлений, проливающих новый свет на вопросы, казалось бы, уже достаточно разработанные и изученные. Из работ, посвященных раннему периоду истории польской фольклористики, можно назвать «В калиновом лесу» Ч. Хернаса.

Из представителей фольклористики кольберговского и послекольберговского периода только И. Коперницкий, Я. Карлович, Л. Кшвицкий и З. Глогер привлекли внимание современных исследователей<sup>53</sup>. О других чаще всего более скромных исследователях и собирателях можно найти статьи в «Словаре польского фольклора» и в «Литературе людовой».

Таким образом, этот период, не говоря уже о первой половине XX в., оказался несравненно менее подробно и тщательно разработан, чем фольклористика эпохи романтизма. Это было следствием меньшего интереса к послеромантической фольклористике. В широком масштабе ею заниматься трудно из-за огромного количества материалов, охватить которые чрезвычайно тяжело. Тем не менее кажется, что за последнее двадцатилетие определились вполне реальные возможности преодоления несоответствий и восполнения недостающих звеньев в сравнительно недалеком будущем. На это позволяет надеяться наблюдаемый некоторое время рост интереса к наследию Кольберга и проводимые сектором народной литературы ИЛИ ПАН исследования фольклористики этой эпохи. Их результаты будут отражены в следующем томе «Истории польской фольклористики».

Вторым заметным течением в послевоенной фольклористике является изучение связей между литературой и фольклором, их взаимного воздействия. Это изучение явилось, в частности, следствием предпринятой в широком масштабе переоценки всего литературного наследия, пересмотра концепций и оценок многих явлений, сформулированных старым литературоведением. Эти тенденции проявились в стремлении раскрыть и надлежащим образом представить плебейское течение в польской литературе, показать его связи с народным творчеством. Это было обращением к более ранним начинаниям этого типа, этапы которых были отмечены книгами

г. XVI, № 4, s. 437—448; R. Wojciechowski. Pieśni ludu białoruskiego w zbiorach Federowskiego a polska pieśń ludowa. «Literatura Ludowa», 1963, № 1.

<sup>51</sup> J. Krzyżanowski. Dzieło Samuela Adalberga. «Literatura Ludowa», 1964, № 4—6.

<sup>52</sup> M. Gładysz. Posłowie. In: L. Malinowski. Powieści ludu na Śląsku. Kraków, 1954, s. 221—245, oraz wstęp do wyd. jego bajek w opr. E. Jaworskiej.

<sup>53</sup> M. Świrko-Godycki. Izidor Kopernicki. Poznań, 1948; O. Gajkowska. Jan Karłowicz i Ludwik Krzywicki jako reprezentanci dwu nurtów w etnografii polskiej. Wrocław, 1958; H. Syska. Zygmunt Gloger. Warszawa, 1963; помимо этого: L. Póścichowa. Włodzimierz Tetmajer jako folklorysta. Opole, 1969.

С. Здзярского и Ю. Кшижановского<sup>54</sup>. Стоит подчеркнуть, что в этом направлении исследовано все литературное наследие, поэтому в результате претерпели изменения многие оценки отдельных произведений, и даже всего творчества некоторых писателей; на широком литературном и фольклорном материале было показано, как выглядел и протекал процесс заимствования, влияний и зависимости этих двух типов творчества. В процессе этих исследований неоднократно делались интересные наблюдения и замечания, способствующие будущей работе над историей польского фольклора.

Среди большого количества работ и исследований, посвященных этой проблематике, следует прежде всего назвать второе, значительно расширенное по сравнению с первым, издание «Параллелей» Ю. Кшижановского<sup>55</sup>. На фоне других работ они привлекают внимание не только богатством и масштабом рассматриваемых проблем, относящихся к столь долгому временному периоду — четырем столетиям нашей литературы, — а также свободой, с которой автор обращается к фольклору, польской литературе и литературе других народов, новаторством многих суждений и оценок, но и верностью, а также меткостью сформулированных теоретических и методологических выводов, и указаниями направлений исследования. В этом отношении книга Кшижановского превосходит остальные работы в этой области.

Большинство из них не рассматривает столь обширной проблематики, ограничиваясь сопоставлением с фольклором одного литературного произведения или творчества какого-либо писателя. Обычно это сопоставление проводится независимо от того, о какой эпохе идет речь. В старопольском периоде исследовались народные элементы в творчестве Я. Кохановского, В. Потоцкого и в совизжальской литературе<sup>56</sup>. Были попытки под этим углом зрения проанализировать произведения некоторых писателей Просвещения<sup>57</sup>. Несравненно лучше исследована в этом смысле литература эпохи романтизма.

Это понятно по многим причинам. Во-первых, романтизм был тем периодом в истории польской литературы, который программно обратился к народному творчеству, признал его образцом для подражания и сформулировал программу возрождения национальной литературы путем обращения к народным источникам. Во-вторых, литература той эпохи действительно использовала фольклор в небывалых до того размерах. Самый большой интерес с этой точки зрения вызывало творчество Мицкевича, поэтому ему было посвящено, помимо книги «Народность у Мицкевича»<sup>58</sup>, много работ.

<sup>54</sup> S. Zdziański. Pierwiastek ludowy w poezji polskiej XIX wieku. Studia porównawczoliterackie. Warszawa, 1901; J. Krzyżanowski. Paralele. Warszawa, 1935.

<sup>55</sup> J. Krzyżanowski. Op. cit., wyd. II. Warszawa, 1961.

<sup>56</sup> J. Krzyżanowski. Ludowość u Kochanowskiego. «Pamiętnik Literacki», r. XLIV, 1953, z. 3/4; Z. Szmydtowa. Przysłowia i zwroty przysłowiowe w utworach Kochanowskiego. «Pamiętnik Literacki», 1954, z. 1; L. Kukulski. Paremiografia «Moralioń» Wacława Potockiego. «Pamiętnik Literacki», 1957, z. 3; S. Grzeszczuk. Nobilitacja antybohatera. In: W świecie pieśni i bajki, s. 107—125; его же. Kariera Albertusa. In: Między dawnymi a nowymi laty..., s. 23—43.

<sup>57</sup> J. Gajecki. «Troiste wesele» F. D. Książnika w świetle folkloru. In: Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterdziestolecia pracy naukowej prof. dra Juliusza Kleinera. Łódź, 1949, s. 213—230; Cz. Hernas. Narodowa poetyka «Krakowiaków i Górali». «Pamiętnik Teatralny», 1965, z. 4, а также соответствующие части работы «W kalinowym lesie».

<sup>58</sup> «Ludowość u Mickiewicza». Praca zbiorowa pod red. J. Krzyżanowskiego i R. Wojciechowskiego. Warszawa, 1958. Там же учтены послевоенные работы на эту тему.

В последующие годы литература уже не так активно обращалась к фольклору, хотя и не избегала его. В этой связи исследовалось присутствие некоторых фольклорных элементов в произведениях писателей позитивизма, Молодой Польши и более позднего периода. Например, делались попытки обнаружить их в творчестве Э. Ожешко, Г. Сенкевича, В. Реймонта, Б. Лесьмяна<sup>59</sup>.

В явной диспропорции по отношению к исследованиям по истории фольклористики и связям между литературой и фольклором находятся работы по истории фольклора. Разумеется, много интересных мыслей на эту тему содержится в указанных здесь трудах. Собраны и опубликованы некоторые материалы, например, содержащиеся в работах Ромбовского и Хернаса. Однако на эту тему вышло немного работ, хотя пример исследования Ю. Кшижановского<sup>60</sup> показывает, с каким интересным материалом здесь приходится иметь дело.

В фольклористических исследованиях последнего периода теоретические и методологические вопросы не занимали особенно заметного места. Казалось бы, должно быть иначе. Фольклористика, получая автономию и независимость, оказалась в ситуации, когда она должна была определить свое отношение к другим наукам, например, к этнографии и литературоведению, уточнить объект и направления исследований. Однако этих проблем она долгое время не поднимала. Интересные высказывания на эти темы начали появляться позднее. Стоит назвать статьи Ю. Кшижановского, посвященные загадке, сказке и пословице, и прежде всего его исследование, уточняющее его позицию по вопросу, сформулированному уже в названии — «Фольклористика в науке о литературе»<sup>61</sup>. Многие свои мысли и концепции по поводу принципиальных для фольклористики проблем изложил автор «Параллелей» в соответствующих статьях «Словаря польского фольклора». Они стали предметом дискуссии, вызвали ряд выступлений со стороны фольклористов и этнографов. О том, что эти проблемы попали на подготовленную почву, может свидетельствовать интерес, который был проявлен к «Фольклористике» П. Неды<sup>62</sup>. Из других работ, которые, рассматривая неисследованные и новые проблемы, не могут не затрагивать возникающие в связи с этим теоретические проблемы, следует назвать «Большое веселье» Ю. Чесликовского<sup>63</sup> и коллективный том под названием «Фольклор в современной жизни»<sup>64</sup>.

Говоря об отдельных жанрах фольклора, следует сказать, что существенно пополняются знания о народной сказке. В большой степени этому способствовала «Польская народная сказка в систематическом изложении» Ю. Кшижановского, которая не только содержит почти полный реестр

<sup>59</sup> E. J a n k o w s k i. «Orzeszkowa Eliza». In: «Słownik folkloru polskiego» pod red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1965, s. 286—287; S. Ś w i r k o. Folklor podlaski w «Nad Niemnem». «Literatura Ludowa», 1960, № 2—3; H. K a p e ł u ś. Folklor w «Trylogii» H. Sienkiewicza. In: Henryk Sienkiewicz. Twórczość i recepcja światowa. Materiały konferencji... pod red. A. Piorunowej i K. Wyki. Kraków, 1968, s. 269—285; S. Z a b i e r o w s k i. Folklor w «Popiołach» Żeromskiego. «Pamiętnik Literacki», 1957, z. 3; L. L i g e z a. «Klechy polskie» B. Leśmiana na tle folklorystycznym. «Pamiętnik Literacki», 1968, z. 1; S. Ś w i r k o. Przysłowia w «Chłopach» Reymonta. «Literatura Ludowa», 1961, № 1—2; на элементы фольклора в народной драме обращается внимание в работе: R. G ó r s k i. Dramat ludowy XIX wieku. Warszawa, 1969.

<sup>60</sup> J. K r z y ż a n o w s k i. Nasz najdawniejszy taniec mieszczkański. «Polska Sztuka Ludowa», 1954, № 5.

<sup>61</sup> J. K r z y ż a n o w s k i. Folklorystyka w nauce o literaturze. In: Zjazd naukowy polonistów 1958. Warszawa — Wrocław, 1960, s. 71—84, а также статьи на тему фольклора, фольклористики, сказки, пословицы и загадки. In: «Seownik folkloru polskiego».

<sup>62</sup> P. N e d o. Folklorystyka. Ogólne wprowadzenie. Poznań, 1965.

<sup>63</sup> J. C i e ś l i k o w s k i. Wielka zabawa. Wrocław, 1967.

<sup>64</sup> «Folklor w życiu współczesnym. Materiały z Ogólnopolskiej Sesji Naukowej w Poznaniu 1969». Poznań, 1970.

польского материала в этой области, но и систематизирует его согласно классификационной системе Аарне-Томпсона, благодаря чему над ней могут работать и польские и зарубежные специалисты<sup>65</sup>. Кроме того, она снабжена библиографией текстов сказок, литературы предмета, индексом и т. д., что значительно облегчает пользование ею. Стоит, видимо, добавить, что она является реализацией постулата, выдвинутого еще в 1905 г. С. Удзелой.

Кроме «Польской народной сказки в систематическом изложении» Ю. Кшижановскому принадлежит еще несколько трудов, посвященных народной сказке. Ею занимались и другие исследователи. Ю. Лигенза сконцентрировал внимание на прозе, возникшей в шахтерской среде. В «Народной шахтерской литературе» он убедительно показал, как многим обязана она деревенскому творчеству, что здесь принадлежит горнякам и какую эволюцию претерпела эта литература на протяжении последних лет. Ценность этой работы, как и других работ Ю. Лигензы, увеличивается тем, что она базируется на недавно собранных, а не на уже опубликованных материалах<sup>66</sup>. Подобными достоинствами отличаются работы Д. Симонидес. Их предметом является как история силезские сказки, особенно Опольской Силезии, так и ее современное, актуальное состояние. Эта проблематика, а прежде всего направление изменений, происходящих в сказке, представлены на фоне тех процессов, которые осуществляются в жизни ее создателей, а также при учете общих тенденций развития этого жанра. С таким подходом к проблемам сказки мы встречаемся в «Силезской народной сказке раньше и теперь», «Верхнесилезских сказках и преданиях» и в «Современной шленской народной прозе»<sup>67</sup>. Народной сказкой в историческом аспекте занимается Х. Капелусь, выпустившая такие работы, как введение к «Сказкам и преданиям Ломпы» и к «Народной сказке в давней Польше», «Исследования сказки и предания в Польше»<sup>68</sup> и т. п.

Исследования песни не столь обширны, как сказки. Преобладают работы частного, комментаторского характера. В целом нет синтетических исследований. Такие попытки предпринимал С. Черник — наиболее серьезными из них стали «Польская народная эпика» и «Старое золото». Они отличаются вниманием к художественной стороне песни, меткими наблюдениями в данном вопросе, оправданным и удачным выбором текстов, акцентированием их связи с жизнью деревни. Вместе с тем, иногда здесь возникают возражения, когда некоторые песни относят к слишком отдаленной эпохе без достаточных оснований. Часто этот упрек можно отнести к подготовленным для отдельных изданий комментариям.

В большинстве работ исследуется песенный репертуар определенного слоя или района. Среди них особого внимания заслуживают исследования А. Дыгача. Это объясняется, в частности, тем, что в них представлены песни разных профессиональных групп Силезии, то есть материал до сих пор мало известный и еще менее исследованный. В них воспроизводится история песен в связи с жизнью, трудом и борьбой того социального слоя, в котором они родились. В работах содержатся интересные мысли, касающиеся влияния деревенской песни на рабочий фольклор. Интересные

<sup>65</sup> Ср. рецензию на эту работу: Н. К а р е ł у ś. «Literatura Ludowa», 1964, № 4—6.

<sup>66</sup> J. L i g e z a. Ludowa literatura górnicza; e r o ж е. Główne kierunki przemian opowieści ludowych. «Literatura Ludowa», 1966, № 4—6.

<sup>67</sup> D. S i m o n i d e s. Śląska bajka ludowa dawniej i dziś. «Zaranie Śląskie», 1966, z. 1; e e ж е. Baśni i podania górnośląskie. Katowice, 1961; e e ж е. Współczesna śląska proza ludowa. Opole, 1969.

<sup>68</sup> Н. К а р е ł у ś. Badania nad bajką i podaniem w Polsce. «Literatura Ludowa», 1966, № 4—6. Другие работы уже указывались.

данные на эту тему содержатся в «Силезских повстанческих песнях 1919—1921 годов» и в «Шахтерских песнях». Подобный характер носят статьи «Из исследований народной песни польских шахтеров» и «Польская шахтерская песня». Особо следует упомянуть ценное исследование А. Дыгача «Река Одра в польской народной песне»<sup>69</sup>.

В последние годы началось изучение фольклора времен войны и оккупации. Вышли, в частности, сборник Т. Шеверы «Пусть унесет ее ветер»<sup>70</sup> и С. Свирки «С песней и винтовкой. Партизанские и оккупационные песни 1939—1945 годов»<sup>71</sup>, многие статьи, исследования и дипломные работы на темы оккупационного фольклора, а в июне 1975 г., в 30-летие победы над фашизмом, в Институте литературных исследований ПАН состоялась научная конференция, посвященная фольклору 1939—1945 годов. По-видимому, в ближайшие годы будут созданы новые работы, касающиеся как этой проблематики, так и современного польского фольклора. Это позволит восполнить недостатки, существующие на этих двух важных участках исследований.

<sup>69</sup> А. Дыгач. *Rzeka Odra w polskiej pieśni ludowej. Studium folklorystyczne*. Katowice, 1966; ег о ж е. *Ludowe pieśni górnicze w Zagłębiu Dąbrowskim. Studium folklorystyczne*. Katowice, 1975.

<sup>70</sup> Т. С з е в е р а. *Niech wiatr ją poniesie. Antologia pieśni z lat 1939—1945*. Łódź, 1970. Wyd. II, poszerzone — 1975.

<sup>71</sup> С. С в и р к о. *Z pieśnią i karabinem. Pieśni partyzanckie i okupacyjne z lat 1939—1945. Wybór materiałów z konkursu ZMW i «Nowej Wsi»*. Warszawa, 1971.



ДАНИЭЛЬ БОВУА

## ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ СЛАВИСТИКИ

На Западе серьезные научные исследования о славянском мире появились довольно поздно. Большинство сведений о нем долгие века западный читатель получал из рассказов путешественников, дипломатов или эмигрантов. В средневековые написанные на латыни отчеты о России Платона Карнини или Рубруквиса были, вероятно, мало доступны. Воспоминания Маржерета, служившего капитаном в Польше, а затем в России при Борисе Годунове, чрезвычайно занимательны, но в них больше анекдотов, чем достоверного материала. Представители высшего света в XVIII в. ездили по странам Восточной Европы с глазами, широко открытыми от удивления, и привозили оттуда массу мало правдоподобных рассказов и легенд (Казанова, князь де Линь, Виже-Лебрэн и т. д.). Развитие польской культуры в эпоху европейского Возрождения и исторические связи Франции с Польшей способствовали более близкому взаимному знакомству этих стран. Множество поляков жило в Лотарингии при дворе Станислава Лещинского в Нанси, но несмотря на это французы немного знали о славянских странах. Ошибочные представления Вольтера и Руссо о современных им Польше и России свидетельствуют о том, что Франция крайне нуждалась в коренной перемене своего подхода к славянским народам. Известно, насколько поверхностным было знание этих стран и их культур у Наполеона. В то время как преподавание турецкого, персидского, индийского, китайского языков велось во Франции еще при Людовике XIV, ни один из славянских языков не преподавался там до середины XIX в.

Серьезных исследований русской культуры не было во Франции до последней четверти XIX в. До этого специальной литературы о Российской империи не существовало, если не считать компилятивных работ Леклерка, Мальт-Брюна и др. в XVIII в. Достижения русской литературы первой половины XIX в. стали известны во Франции лишь благодаря более поздним переводам. В 1859 г. один из переводчиков — Э. Шарьер в пространном введении к переводу «Мертвых душ» Н. В. Гоголя отмечал, что у французов тогда не было еще большого интереса к русской литературе. «Оправдано такое отношение или нет, — писал он, — работа переводчика дает пока мало эффекта. Имена и отчества в разговорах, особенности языка, все это непривычно и отталкивает читателя». Такими рассуждениями, едва ли целесообразными, хотя и делавшимися не без искреннего стремления к сближению двух культур, Шарьер оправдывает свои попытки «офранцузить» Тургенева и Гоголя. Как бы то ни было, из перевода Шарьера французы могли впервые познакомиться с жизнью русского общества, увидеть всю нелепость и жестокость крепостного права. А это было нема-



ловажно, так как знаменитая «Россия в 1839 г.» маркиза де Кюстина ограничивалась тем, что разоблачала хитросплетения дипломатических интриг и причуды русской знати. Таковы были причины, по которым Россия долго оставалась для французов страной неразгаданной и таинственной.

Несколько иначе дело обстояло с другими славянскими народами. Начиная с 1832 г. множество польских эмигрантов во Франции привлекает внимание к себе и к судьбе других угнетенных славянских народов. В тогдешней Франции никто не разделял официозных панславистских доктрин, зато многие симпатизировали идеям взаимности, нашедшим свое выражение в Славянском конгрессе, состоявшемся в Праге в 1848 г. Уже в 1839 г. во Франции вышла «История языка и литературы славян», изданная Ф. Г. Эйшгофом. Эту книгу можно считать первой попыткой научного синтеза, опирающегося на работы славяноведов разных стран. В своем введении Эйшгоф говорил, что, по его мнению, Франция, всегда стоявшая во главе научного прогресса, способна занять видное место и в данной отрасли, «которой долго пренебрегали, хотя необходимость ее ныне очевидна для всех». Именно к тому же времени относится появление «Славянского журнала» («Revue Slave») под редакцией польских эмигрантов Г. Н. Бонковского и К. Брониковского, ставившего себе целью популяризацию знаний о прошлом славян и идеи славянской взаимности.

Нет сомнения, что важным шагом к более глубокому познанию славянских культур явилось создание кафедры славянских литератур при известном Коллеж де Франс. В отличие от Сорбонны, это не было учебное заведение: там просто читались (так же, как читаются до сих пор) лекции разных знаменитостей, имевшие большой резонанс, так как доступ на них был свободен даже для женщин, чего не было в Сорбонне. Идею создания такой кафедры выдвинул Леон Фоше — публицист, близкий к официальным кругам, знакомый с Ж. Мишле, В. Кузэном, А. Тьером и особенно близкий к Отелю Ламбер — главному очагу правого крыла польской эмиграции во главе с князем А. Чарторыйским. Мысль эта обсуждалась несколько раз среди членов эмигрантского Литературного общества в Париже. Помимо воли А. Чарторыйского вскоре появилась в печати его не предназначенная для публикации записка к министру народного просвещения В. Кузэну. В ней подчеркивалась огромная важность славянского вопроса в европейской политике, высказывалось опасение, что Россия может подчинить себе это движение, говорилось о высоком уровне польской культуры. Понимая значение славянской кафедры в Коллеж де Франс, Чарторыйский предлагал для руководства ею известного своего соотечественника Адама Мицкевича, считая его особенно достойным для распространения знаний о славянском мире. Министр Кузэн представил записку Чарторыйского депутатам 21 апреля 1840 г., а 8 сентября этого года Мицкевич, бывший преподаватель античных языков в Лозаннской академии, был назначен профессором славянских литератур и языка. 22 декабря 1840 г. состоялась первая его лекция. Текст лекций, прочитанных в течение четырех лет, несколько раз издавались и переводились на разные языки. Вслед за Мицкевичем, деятельность которого очень беспокоила французские власти, на кафедру временно дважды назначался француз Киприан Робер (1845—1847 и 1854—1857 гг.). Впоследствии ее тридцать лет возглавлял поляк Александр Ходзько (с 1857 до 1883 г.), брат которого, Леонард, издавал огромное количество книг о Польше и об отношениях между Францией и Польшей. В своих лекциях А. Ходзько наряду с такими польскими поэтами, как И. Красицкий, А. Фредро, уделял много внимания русским писателям — А. С. Пушкину, А. С. Грибоедову, М. Ю. Лермонтову, А. К. Толстому.

Между тем Франция, побежденная Бисмарком в 1870 г., должна была отказаться от политики поддержки угнетенных славян и стала искать союза с сильной Россией. Кадры русистов были более чем ограничены, но мало-помалу в результате проявленного личного интереса число их возросло. В 1868 г. Луи Леже защитил две диссертации: одну — о Кирилле и Мефодии, другую — о Повести временных лет. Он читал в Сорбонне — неофициально — курс истории литературы югославян, истории Чехии, курс сербской грамматики, добавляя к этому еще и русскую грамматику. В 1886 г. общественность получила возможность ближе познакомиться с жизнью России, с русской литературой, когда известный переводчик виконт Мельхиор де Вогюэ под общим названием «Русский роман» издал серию переводов, среди которых произведения Ф. М. Достоевского занимали основное место. К тому времени Л. Леже сменил А. Ходзько на славянской кафедре в Коллеж де Франс. Это было венцом его усилий в области славянской филологии, ибо раньше он преподавал в Школе восточных языков, где читал следующие курсы: «Восточные славянские языки, в особенности сербский язык» (!) (1873—1874), «Изложение элементов древнеславянского языка в их связях с русским языком» (1875—1880). Деятельность этого крупного славяноведа продолжалась на кафедре до 1923 г., поэтому трудно резюмировать огромное количество вопросов, затронутых им за несколько десятилетий. Так, в 1885—1887 гг. Леже занимался историей цивилизации в России; в 1886 г. изучал разные древнеславянские тексты XII и XIII вв.; 1890—1891 гг. посвящает изучению истории общественной жизни России после Екатерины II, продолжая ту же тему в следующие годы, доходит до Александра I в 1892 г., а в 1893 г. — охватывает весь XIX в. Между 1893 и 1898 г. Леже возвратился к филологическим проблемам древних русских, болгарских и сербских текстов; три года он изучает Пушкина, Лермонтова и русский романтизм (1899—1902), «Домострою» посвящает два года (1900—1902), причем Дюшен, один из его учеников, пишет на эту тему диссертацию (1910). До конца преподавательской деятельности Леже прослеживается это объединение лингвистики, литературоведения и истории — с преобладанием первой, — которое долго оставалось, а порой остается и в наши дни, характерной чертой французской славистики. Кроме перечисленных тем Ходзько и Леже читали курсы, посвященные польской и чехословацкой культурам.

С 1893 г. — времени сближения России и Франции, приведшего к заключению союза, численность специалистов русского языка во Франции становится более значительной. В Школе восточных языков Поль Буайе, работавший там с 1891 до 1937 г., оживил работу русского отделения, подготовив с помощью своей неутомимой помощницы Кончаловской (с 1908 до 1954 г.) первый серьезный учебник. С 1892 г. русский язык впервые стал преподаваться кроме Парижа в Лилле. Там возник славистический центр, объединивший квалифицированных специалистов. Первые из них — Э. Оман, А. Лиондель, А. Мартель, Р. Лабри — являются авторами ряда печатных трудов: Оман, например, писал о России XVIII в. (1902), о французской культуре в России (1910); Лабри занимался изучением русской промышленности и крестьянства (1919 и 1923). Лилльский центр стал хорошей школой для славистов, которые с благодарностью вспоминают, в частности, самоотверженность и педагогическое мастерство О. Х. Воеводской, много лет (до 1965 г.) работавшей лектором при профессорах М. Германе, Гранжаре, Вайсбейне. Что касается Сорбонны, то она получила кафедру русской литературы только в 1902 г.

Огромный интерес, вызванный Великой Октябрьской революцией, способствовал созданию ряда новых кафедр русского языка в провинции

(несмотря на временное ухудшение дипломатических отношений с Советской Россией) — в Страсбурге (1919), Дижоне (1920), Лионе (1921). Восстановление государственной независимости других славянских народов побуждает к созданию кафедр сербско-хорватского, болгарского, чешского, польского языков в Школе восточных языков.

Массовая эмиграция польских рабочих в северную и восточную Францию привела к расширению полонистики особенно в Лилле и Нанси. В Лилле Антуан Мартель, защитивший диссертацию о М. В. Ломоносове, написал затем работу о польском языке и культуре Западной Украины в XVI—XVII вв. (1932); его преемник Максим Герман подготовил целое поколение полонистов и сам писал о поэтах Польши, особенно о Пшибышевском. Несмотря на то что Полю Казэну не пришлось преподавать польский язык в Школе восточных языков, хотя он об этом мечтал, следует и его причислить к самым выдающимся полонистам во Франции. Его многочисленные переводы, в том числе из Ю. Вейсенгофа, С. Реймонта и других, ставят его в один ряд с Генриком Грапэном, автором очень ценной грамматики польского языка, которой во Франции пользуются до сих пор. Эти два имени олицетворяют французскую полонистику первой половины XX в.

В двадцатые годы нашего столетия французские ученые стали понимать, насколько осуществлявшееся до этого изучение славянских народов было традиционно и односторонне. Тогда-то впервые была создана уже не литературная, а историческая кафедра славяноведения. Речь идет о появившейся в 1921 г. кафедре славянской истории и культуры в Сорбонне, где преподавали: Л. Эйзенманн (до 1937), Ж. Аксель (до 1943), И. Муссэ (1944—1946), В. Тапье (1950—1955), Р. Порталь (1955—1975). В это время были написаны исследования и учебники, удачно заменившие устаревшие пособия. Особенно большой вклад в современное французское славяноведение внес Р. Порталь, написавший диссертацию «Урал в XVIII веке» (1950) и издавший полновесный труд под заглавием «Славяне» (1965).

К 1919 г. относится самое важное, пожалуй, событие в истории французского славяноведения: появление Института славяноведения, замысел создания которого принадлежал Эрнесту Дени. Возник институт благодаря финансовой помощи Чехословакии и Югославии. Их поддержку французской славистике можно рассматривать как знак благодарности молодых республик за ту помощь, которую они получили от Франции в момент своего возникновения. Задачи Института славяноведения, по желанию Э. Дени, были определены очень широко: с одной стороны — поддержать славянские народы научными исследованиями, а с другой — не замыкаться исключительно в науке, а как можно шире распространять сведения о повседневной жизни славянских стран, об их культурах, служить педагогам и учащимся из славянских стран центром встреч с французскими коллегами. Институт не создавался как учебное заведение или строго научная организация. Это скорее было связующее звено для контактов между специалистами, университетами, школами и другими учебными заведениями Франции и славянских стран.

Еще в марте 1909 г. Л. Ранвье создал так называемое Французско-славянское общество при Парижском университете. Это общество заседало в Сорбонне и между 1910—1912 гг. публиковало «Бюллетени»; порой его даже называли институтом, ибо там работали студенты, а Оман и Дени давали консультации посетителям. Во время войны, с 1 мая 1915 г. до 15 августа 1919 г., Дени с помощью Эдуарда Бенеша, а потом Хануша Елинека издавал журнал «Чешский народ» («La Nation Tchèque»). Дружба с чехами постоянно подчеркивалась, организовывались специальные

собрания, на которых обсуждались проблемы возрождения Чехословакии. На этих встречах Бенеш был официальным представителем Масарика. Дени, Буайе, Берар, Эйзенманн, Лирондель, Оман, Мэйе десять раз собирались на заседания в 1916—1917 гг. и начали издавать очень серьезный журнал «Славянский мир» («Le Monde Slave»), деятельность которого со смертью Дени (1921) временно прекращается, но возобновляется в ноябре 1924 г. Журнал уделял много внимания не только историческим вопросам, но и современным проблемам; он перестал существовать в 1937 г.

Активная деятельность этой группы привлекла других специалистов: в 1920 г. университетские профессора сербского, хорватского, словенского языков стали издавать «Югославянский журнал» («La Revue Jugoslave») и «Современные вопросы» («Questions contemporaines»). И вот, в ноябре 1919 г. в доме № 9 по улице Мишле открывается Институт славяноведения, который до сих пор находится там же. До 1938 г. институт был тесно связан с различными иностранными организациями определенной политической ориентации, со студенческими кружками и с так называемой Федерацией славянских студентов. С другой стороны, французский закон признал официальный статус института (27 марта 1920 г. «Journal officiel» утвердил его). 17 ноября 1921 г. Парижский университет, получив соответствующую сумму от чехословацкого государства, купил дом на улице Мишле и отдал его в вечную собственность Институту славяноведения. С этого момента много важных событий в жизни французской славистики было связано с этим учреждением. Вот их самый краткий перечень. 30 января 1922 г. учреждается Комиссия организации изучения русского языка во Франции; в феврале 1922 г. учреждается премия в память Э. Дени за книгу, посвященную Югославии; 14 марта 1922 г. заключен договор с Парижским университетом о соединении института с факультетом словесности: в июле — декабре 1922 г. расширяется помещение института; 20 января 1923 г. Французский институт в Праге устанавливает связи с парижским Институтом славяноведения; октябрь 1923 г.: в этом последнем основывается польское отделение; происходит торжественное открытие института в присутствии Т. Масарика как президента Чехословацкой республики и А. Мильерана как президента Французской республики; в 1924 г. открывается библиотека института; в октябре 1924 г. основывается Французский институт в Варшаве, объединивший отличных специалистов: по польскому искусству (Франкастель), истории (Фабр) и литературе (Мози); в октябре 1925 г. учреждается комитет научных отношений с Россией, куда входят: П. Буайе, Е. Жильсон, К. Гиньебер, Г. Гартманн, П. Ланжевэн, А. Лирондель, А. Леви-Брюль, П. Мазон, А. Мейе; 22 ноября 1925 г. институт официально признается общественно-полезным учреждением; 1927 г. — Всеобщий съезд французских славистов; 1929 г. — Французский институт в Загребе устанавливает связи со славянским в Париже; 1936 г. — II всеобщий съезд французских славистов; 1937 г. — здание еще увеличивается.

Между двумя войнами, несмотря на деятельность нескольких ученых, славистика во Франции развивалась слабо. Много одаренных молодых людей погибло в 1914—1918 гг.; отрицательно сказалось и то, что в области русско-французских контактов трудности продолжались до 1930 г., а отчасти и позднее. Следует, однако, отметить, что в 1932 г. в четвертом отделении Школы высших практических исследований (Ecole Pratique des Hautes Etudes), создается новый центр исследований по славистике, где еще раньше А. Мейе читал сравнительную грамматику славянских языков, а вслед за ним А. Вайян вел с 1931 по 1966 г. курс «Средневековых славянских языков и литератур».

Р. Порталь справедливо заметил: «Вторая мировая война принесла с собой поворот во взглядах на изучение России во Франции, хотя последствия этого сказались несколько позже». Действительно, новая политическая роль СССР в мире приводит после войны к тому, что русистика как часть славистики оттесняет на второй план другие ее области, которые ни в коей мере не могут угнаться за быстро развивающейся русистикой.

Подавляющее большинство французских славистов является ныне русистами. Целое поколение относительно молодых языковедов, лингвистов, историков, искусствоведов заняло свое место в духовной жизни страны, а это стало возможно только тогда, когда русский язык стал широко изучаться в средних школах. В 1947 г. министерство народного просвещения ввело преподавание русского языка сначала в некоторых лицеях. Для будущих преподавателей была введена так называемая агрегация — довольно трудный конкурсный экзамен, приближающийся по уровню к требованиям, предъявляемым при соискании степени кандидата наук, обеспечивающий высокий уровень преподавания в гимназиях, а также подготовку университетских кадров. В 1955 г. проводится конкурс другого рода, немного легче первого — на аттестат «педагогической способности». Если в 1959 г. во Франции было лишь 40 высококвалифицированных преподавателей славистики, то за последние годы их число возросло до 250. Имеется примерно столько же преподавателей с несколько меньшей квалификацией. Всего насчитывается во Франции около 20 тыс. учащихся средних школ, изучающих русский язык. Долгое время молодежь была уверена в том, что русский язык откроет для нее широкие перспективы; жизнь принесла некоторые разочарования, увеличивается число желающих специализироваться в таких языках, как китайский или японский, а чаще всего — в традиционно необходимых английском и немецком.

Как бы то ни было, сейчас исследования в области русистики обеспечены на долгие годы, и специалисты имеются теперь в самых маленьких провинциальных университетах. Русистика изучается или преподается в наши дни в таких университетских центрах, как Бордо (с 1945); Рэн (1950), Клермон-Феран (1953), Нанси (1955); Экс ан Прованс (1956) Пуатье (1959), Кан (1960); Гренобль и Тулуза (1962); Руан (1968); Безансон и Ницца (1969); Амьен (1970). В 1968 г. после огромной волны студенческого движения устаревшая структура Парижского университета уступила место новой. Высшее образование в Париже дают ныне 13 университетов, среди них — Вэнсэнский и Нантэрский стали крупными центрами изучения русского языка, которое всегда ведется неразрывно с изучением литературы. В каждом университете есть теперь несколько русских кафедр, каждая из которых имеет свою специализацию. Свидетельством этих больших успехов может служить тот факт, что за последнее тридцатилетие более тридцати молодых ученых защищали докторские диссертации.

После русистики самая развитая отрасль славяноведения во Франции — полонистика. Она представлена двумя новыми кафедрами в Нанси (1955) и в парижской Сорбонне (1960), другие же университеты чаще всего прибегают к помощи лекторов, приезжающих из Польши. Польский язык преподается только в двух гимназиях Франции: в городах Ланс и Брюэ (в северных департаментах). В Лилле, где университет обладает очень богатой польской библиотекой, число студентов-полонистов доходит до 120. В Париже организовался 27 июня 1957 г. Университетский комитет культурного сотрудничества с Польшей, который заседал в Институте славяноведения с декабря 1960 г., но главную помощь полонисты получают с 1958 г. от Центра польской культуры при Сорбонне. Директор этого Цен-

тра — польский профессор. Центр организует курс языка, специальные доклады, выставки, показывает фильмы. Польская академия наук тоже имеет свой центр в Париже, где часто встречаются ученые, прежде всего представители точных наук. Есть еще знаменитая польская библиотека, где хранятся архивы, сокровища польской культуры XIX в. Если подвести итог исследованиям по польской культуре во Франции с начала века, то оказывается, что на протяжении 70 лет было издано 35 диссертаций по истории, 25 — по юридическим наукам, 20 — по медицинским вопросам, 18 — по литературе. После смерти Жана Бурийи, возглавлявшего полонистику в Париже (1972), его заменил Зигмунт Маркевич, а в Нанси возглавил кафедру Этьен Деко. Что касается других славянских языков, то они теперь представлены в каждом французском университете; дело только в том, что одни и те же преподаватели учат сербскому, хорватскому, болгарскому, чешскому, ибо число желающих специализироваться по каждому из этих языков в отдельности не так велико, чтобы обеспечить полную педагогическую нагрузку.

В новых условиях Институт славяноведения приобрел иное значение. Еще в конце второй мировой войны в нем была учреждена специальная премия в память Карла Саломона для молодых французских русистов. В 1948 г. помещение института вновь расширилось, и в ноябре 1952 г. открылся музей-библиотека имени Л. Н. Толстого. Собственно говоря, библиотека уже существовала с 1924 г. Она тогда состояла из книг, принадлежащих Дени, а также из 1500 томов, подаренных чешским министерством народного просвещения. Впоследствии библиотека обогатилась за счет других пожертвований, а также благодаря регулярному обмену изданиями института с разными учреждениями славянских стран. Интересно сравнение — в 1928 г. в библиотеке было 15 тыс. томов, ныне их более 140 тыс. (60 тыс. наименований). Библиотека приобретает ежегодно примерно 1700 книг, особенно в области филологии, лингвистики, литературы. Вне каталога имеются еще специальные фонды: фонд им. Луи Леже (бывшая библиотека профессора), фонд им. Франсуа Турэ (собрание молодого слависта, убитого гитлеровцами в 1940 г.), фонд им. Леонтовича (собрание богатого коллекционера), фонд Татьяны Львовны Сухотиной, дочери Л. Н. Толстого. Библиотека обслуживает читателей только в читальных залах, книги на дом не выдаются.

После создания в 1967 г. в рамках Института славяноведения Международной ассоциации профессоров русского языка и литературы (МАПРЯЛ) ежегодно созываются съезды преподавателей. Эта ассоциация издает совместно с институтом свои бюллетени: «Изучение русского языка» («L'enseignement du russe»); к настоящему времени вышло около 25 номеров (по три в год).

Нельзя не упомянуть об одном из главных направлений деятельности Института славяноведения — об издании «Журнала славяноведения» («Revue des Etudes Slaves»). № 1 вышел 26 марта 1921 г., причем с самого начала журнал был под опекой А. Мазона и А. Вайяна. Рядом с содержательными статьями о литературе, филологии, истории в журнале помещались библиографии по славистике на всех языках. Ученые и студенты хорошо знали эту полезную публикацию, которая прекратилась в 1969 г. после 48-го номера. В мае 1974 г., когда институт возглавил Жан Бонамур, решено было возобновить выпуск журнала. Каждый год предполагается выпускать три номера: первый будет состоять исключительно из статей, второй — из библиографической хроники о России и СССР, третий — из такой же хроники о других славянских странах. Можно будет подписываться отдельно на каждую серию. Редакционная коллегия и авторский актив журнала значительно расширятся и можно надеяться,

что столь полезное издание пойдет успешно. Историческая часть, под руководством Р. Жиро, обещает быть удачной.

Скажем еще несколько слов об издательской деятельности Института славяноведения, который с самого начала выпускал в свет целый ряд научных трудов, главным образом диссертации, по всем отраслям славистики, но также и учебные пособия. Уже вышло более 120 работ. Институт старается публиковать сведения как о научных кадрах, так и структуре, деятельности и планах других научных учреждений. С этой целью издается «Путеводитель по французской славистике» («Guide du slaviste»), который также сообщает темы новых диссертаций, информирует всех тех, кто занимается исследовательской и преподавательской деятельностью в области славистики. В институте каждый педагог или ученый может получить копии нужных ему источников, размноженные тексты на славянских языках, чем из-за отсутствия специальной аппаратуры не всегда обеспечивают университеты.

Не надо думать, что славистика во Франции сосредоточена только в университетах и в Институте славяноведения. Ныне много внимания проблемам славянского мира уделяют некоторые другие учреждения, в частности: Национальный центр научных исследований (CNRS: Centre Nationale la Recherche Scientifique); Школа высших практических исследований (EPHE: Ecole Pratique des Hautes Etudes); ряд высших школ типа Института политических изысканий (Institut d'Etudes Politiques) или Школы восточных языков, которая переименована в INLCO (Institut National des Langues et Civilisations Orientales).

Первая из этих организаций (CNRS) связана договором с Институтом славяноведения и вместе с ЮНЕСКО финансирует его печатный орган, о котором была уже речь. В Национальном центре с 1 января 1968 г. создана Лаборатория славистики, в которой работа распределяется между пятью структурными частями: отделением библиографической документации (Жозэ Жоанэ), группой исторических исследований (Роже Порталь), группой филологических исследований (Жак Леписье), отделением лексикографических изысканий (Ив Миле) и техническим секретариатом. Каждая из этих ячеек имеет свои долгосрочные или краткосрочные планы. Кроме того, поскольку Национальный центр объединяет большое количество специалистов всех областей науки, в нем подобралась энергичная группа экономистов, юристов и экспертов по планированию, которая издает с 1970 г., за счет центра, новый «Журнал Востока» («Revue de l'Est»). Преобладают в нем статьи об Азии, но те, кто интересуется славянскими странами, тоже найдут здесь немало интересного.

Второе учреждение, где славистика с некоторого времени играет очень важную роль, — Школа высших практических исследований. Мы уже называли кафедру средневековой литературы в четвертом отделении этой школы. Это отделение поручило теперь Ж. Б. Неве кафедру современной истории Центральной и Восточной Европы. Речь идет здесь преимущественно об отношениях Польши с Германией (с 1967 г.). Однако первенствует в области славистики в этой школе шестое отделение. Благодаря усилиям проф. истории Ф. Броделя этот отдел обогатился в 1957 г. четырьмя новыми секторами, во главе которых стали слависты. Основным принципом организации работы является свобода секторов в выборе тем. Например, на восемь лет несколько профессоров выбрало себе общую тему «История России» (Р. Порталь, С. Р. Шрам, М. Лесаж, М. Левин, А. Безансон). Необходимость и целесообразность рационального ведения практических занятий приводит к созданию отдельных подсекторов. Небольшие группы студентов, чаще докторантов, во главе с руководителем, непосредственно работают над составлением карт, диаграмм или иным образом

оформляют результаты своих исследований. Часто бывает, что школа приглашает для работы иностранных специалистов на определенный срок и по особенно важным вопросам. Интенсивное экономическое развитие Советского Союза привлекает к себе внимание, поэтому несколько лет подряд шестое отделение исследовало главные аспекты экономики СССР и других славянских стран. По этой тематике вели семинары Г. Шамбр, Б. Кербле, А. Беннигсен, Г. Гаупт, Ф. де Лиенкур. На помощь этим крупным специалистам пришло несколько профессоров, связанных с зарубежными университетами: Герберт Маркузе, Д. Граник, М. Конфино, М. Малиа. Шестое отделение имеет связи с Академией наук СССР и часто обменивается профессорами с академиями наук славянских стран, особенно Польши. Весь этот коллектив публикует результаты своих исследований в журнале «Тетради по проблемам России и СССР» («*Cahiers du Monde Russe et Soviétique*»), где затрагиваются и неславянские вопросы, но преобладает русистская тематика. Журнал печатается с начала 60-х годов в Голландии у издателя Мутона.

Остается упомянуть о том, что Институт политических изысканий, где готовятся кандидаты на поступление в Административную школу (для высших кадров администрации, для дипломатов и т. д.), создал отдел изучения международных связей СССР. Наконец, Школа восточных языков (ныне INLCO) занимается географией, историей и культурой Восточной Европы: две кафедры во главе с Денизой Экот и Робертом Филиппо сосредоточены именно на этой тематике.

Такими, в общих чертах, представляются основные этапы развития французской славистики за последние полтора столетия. Русский язык и русская культура, которые почти не изучались еще в начале века, заняли в ней за последнее тридцатилетие самое значительное место. На протяжении этого времени начали шире осуществляться исторические исследования. Это стало особенно ощутимо с тех пор, как появилась возможность работать в советских архивах. Все новые договоры о культурном сотрудничестве связывают Францию со славянскими странами, и можно предполагать, что условия работы будут все улучшаться. Активное участие французских ученых в работе VII съезда славистов, состоявшегося в Варшаве в 1973 г., лишний раз доказало жизнеспособность французского славяноведения.





# ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

М. А. БИРМАН

## БОГДАН БАРОВ — АВТОР ПЕРВОГО РОМАНА О БОЛГАРСКИХ РАБОЧИХ

Драматическая биография и трагическая судьба Богдана Барова — пролетарского журналиста, автора первого романа о жизни и борьбе болгарских рабочих начала XX столетия — осталась фактически не освещенной в научной литературе<sup>1</sup>. Между тем обстоятельства жизни и общественно-политической деятельности Б. Барова заслуживают внимания, ибо они раскрывают нам обстановку, в которой появился первый роман о болгарских рабочих, показывают пройденный автором романа путь от рядового рабочего до пролетарского революционера и журналиста.

Родился Богдан Ацев Баров в семье рабочего-деревообделочника в городе Скопле 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1885 г.<sup>2</sup> Будучи еще учащимся прогимназии при педагогическом училище, Баров познакомился с социалистическими идеями и марксистской литературой. В эти же годы он принимает участие в македонском революционном движении, в подготовке восстания, которое произойдет летом 1903 г. и получит название Илинденского. Схватенный турецкими властями, он был посажен в тюрьму<sup>3</sup>. Вскоре после освобождения из тюрьмы по амнистии он переезжает в Софию. Первое время он бедствует, не имея постоянного заработка занимается землекопом на строительство памятника Александра Невского, довольствуется случайной работой поденщика. Затем он поступает на картонажную фабрику в Княжево.

Пребывание на фабрике сыграло большую роль в формировании Б. Барова как пролетарского революционера, борца за освобождение рабочего класса. В этот период он устанавливает связи с социал-демократами, начинает систематически читать газету «Работнически вестник», орган Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов).

---

<sup>1</sup> До сих пор не было предпринято ни одной попытки осветить жизненный путь Б. Барова; между тем многие авторы работ по истории болгарской литературы XX в. отмечают общественно-политическое значение романа Б. Барова как первого романа о фабричном пролетариате Болгарии (см., к примеру, Г. Цанев. Страницы от история на българска литература, т. 3. По нови пътища. София, 1973, стр. 287—289; Цв. Милков. Положителният герой в българската литература. «Взик и литература», 1951, № 5, стр. 282; Б. Делчев. Мъките на реалиста. София, 1954, стр. 241—265 и др.). Единственная попытка кратко обрисовать в беллетристической форме творческий портрет Б. Барова — небольшая заметка К. Конярова — не претендует на научный подход и исследование жизненного пути Б. Барова, ибо написана не на документальной базе, а на основе беседы с сыном Богдана Барова Варварием Б. Баровым (см. К. Коняров. Богдан Баров. В сб. Страница за героите. Очерци и спомени, кн. 1. Стара Загора, 1960, стр. 96—100).

<sup>2</sup> См. Архив секции по истории профсоюзного движения Научно-исследовательского института по профсоюзным проблемам «Георгий Димитров» при Центральном совете профсоюзов Болгарии (далее — Архив секции истории НИИПП), фонд «Спомени», № 716, л. 1. («Биография Богдана Барова» — написана его сыном Варварием Б. Баровым).

<sup>3</sup> Там же.

Выйдя из рабочей среды и хорошо зная и понимая ее нужды и чаяния, обладая общительным характером и обширными знаниями, полученными в школе, а позднее — путем упорного самобразования, Б. Баров быстро завоевывает среди рабочих фабрики симпатии и авторитет. Владелец фабрики безуспешно пытается «купить» Барова, предоставив ему более сносную работу и создав ему более благоприятные условия.

Баров становится одним из руководителей вспыхнувшей в марте 1906 г. на фабрике стачки. Активное участие в забастовке рабочих бумажной фабрики оставило большой след в душе и памяти Б. Барова: вскоре после этого, когда он начнет сотрудничать в рабочей печати, он изберет себе псевдоним *Grevist*, что означает «забастовщик» (от французского слова *la greve* — забастовка); впоследствии жизнь рабочих бумажной фабрики и прежде всего их стачечная борьба станут центральной темой его будущего романа «Блуждание».

Уволенный после окончания стачки с бумажной фабрики Б. Баров поступает на работу на железную дорогу — сначала на станцию Белово, а затем снова возвращается в Софию. Годы работы Б. Барова железнодорожником — это годы становления его в качестве активиста профсоюзного движения среди железнодорожников; он вступает в ряды Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов), становится рабочим корреспондентом газеты «Железничар», органа Рабочего синдиката железнодорожников, входившего в ОРСС — Общий рабочий синдикальный союз (объединение революционных профсоюзов, примыкавшее к партии тесняков). Пребывание Б. Барова в среде железнодорожников, его деятельность в рабочем профсоюзном движении обогащают его новыми жизненными наблюдениями, способствуют обращению к журналистике. Возникают у него мечты и о создании художественных произведений о рабочем классе.

В 1910 г. Б. Баров привлекается на работу в редакцию газеты «Железничар»; одно время он исполняет обязанности администратора редакции, проявляя значительную активность и как пролетарский журналист. На страницах газеты «Железничар» в 1910—1911 годы он публикует статьи на темы рабочего движения в Болгарии под упомянутым псевдонимом *Grevist*<sup>4</sup>.

В своих статьях (часть из них опубликована в качестве передовиц<sup>5</sup>, хотя и под псевдонимом *Grevist*) Б. Баров рассказывал о пробуждении классового сознания рабочих — железнодорожников<sup>6</sup>, он разоблачал казнокрадство крупных чиновников, — «тузов» железнодорожного ведомства<sup>7</sup>. В некоторых из статей Барова раскрывается беспринципная политика руководителей реформистского Болгарского железничарского союза (БЖС.) и их газеты «Железничарско съзнание» по вопросу о единых действиях разных отрядов железнодорожников в борьбе за насущные интересы<sup>8</sup>. Ряд статей Б. Баров специально посвятил отдельным вопросам объединения сил транспортных рабочих<sup>9</sup> в связи с созданием в конце 1910 — начале 1911 гг. централизованного Союза транспортных рабочих (СТР) на основе слияния ранее самостоятельных рабочих синдикатов (Рабочего синдиката железнодорожников, Союза портовых рабочих и др.)<sup>10</sup>. После объединения входящих в ОРСС различных групп транспортных рабочих в Союз транспортных рабочих газета «Железничар» выходила уже как один из органов единого профсоюза (СТР)<sup>11</sup>.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> См., к примеру, «Железничар», год VI, 16 VIII 1910, № 6; 4 III 1911, № 19.

<sup>6</sup> См. там же.]

<sup>7</sup> См. там же, год VII, 15 IX 1911, № 8.

<sup>8</sup> См. там же, год VI, 1 II, 6 и 15 V 1911, № 17, 23, 24; год VII, 1 VIII и 15 IX 1911, № 5, 8.

<sup>9</sup> См. там же, год VI, 4 III 1911, № 19; год VII, 15 XII 1911, № 14.

<sup>10</sup> См. Д. Коджейков, Хр. Христов, К. Ламбрев, А. Георгиев. Организация и борьбы на транспортните работници в България. 1878—1944. София, 1962, стр. 107—108.

<sup>11</sup> А. Георгиев, Д. Коджейков, В. Хаджиниколов, М. Иусов. Профсъюзният печат в България, кн. 1. София, 1958, стр. 279—280.

В сентябре 1911 г. Б. Баров женился на учительнице Минке Стоенчевой из Стара Загоры<sup>12</sup> и вскоре покинул Софию, переехав с женой сначала в Варну, где работал портовым рабочим, а затем в Стара Загору, где вынужден был зарабатывать на жизнь как деревообделочник<sup>13</sup>. Б. Баров по-прежнему активно участвует в профсоюзном движении.

С начала первой мировой империалистической войны Б. Баров призывается в армию и попадает на северный фронт (в Добруджу). Как и другие члены партии тесняков, Б. Баров распространяет среди солдат антивоенные листовки<sup>14</sup>. Объявленная после окончания войны общая амнистия спасает Б. Барова от преследований за антивоенную деятельность. Он снова возвращается в Стара Загору и становится одним из ведущих деятелей городской организации партии тесных социалистов, преобразованной в 1919 г. в Болгарскую коммунистическую партию (тесных социалистов), избирается в состав Старозагорского окружного комитета БКП<sup>15</sup>.

Но наряду с напряженной партийной работой он все больше времени начинает отдавать осуществлению своей давней мечты — написать роман о жизни и борьбе рабочих бумажной фабрики в Княжево. Выкраивая часы вечерами и ночами, он упорно пишет.

В 1920 г. роман «Блуждание» закончен — краткое предисловие, написанное автором, датировано ноябрем 1920 г.<sup>16</sup>. «С огромными усилиями»<sup>17</sup>, — как отмечает его сын, — Б. Баров издает роман в Стара Загоре. К моменту выхода книги замыслы автора уже расширились — роман «Блуждание», показывающий начальные шаги формирующегося болгарского пролетариата, должен стать первым томом трилогии. Вторую книгу, посвященную пробуждению болгарского пролетариата, Б. Баров называет «Пробуждением», а третью — «Освобождением»<sup>18</sup>.

После выхода роман «Блуждание» был встречен буржуазными критиками враждебно: некоторые из них отрицали какое-либо значение книги, а большинство — ее не заметило. Зато роман был поддержан революционной критикой — коммунист Тодор Павлов, тогда сравнительно еще молодой, но уже плодотворно работающий философ, критик и активный деятель рабочего и коммунистического движения, преподававший в то время в педагогическом училище в г. Ломе, опубликовал в журнале «Комедия» положительную рецензию, охарактеризовав выход романа из жизни рабочих «литературным событием»<sup>19</sup>. Сам Б. Баров отреагировал на критику в адрес романа следующими словами: «Если буржуазные критики меня отрицают, а наши меня поощряют, и рабочие (что очень важно) ищут мой роман, вероятно, я сделал что-то полезное»<sup>20</sup>.

Вместе с женой, получившей назначение в качестве учительницы в сельскую школу, и сыном он на время переселяется в деревню Балабанлия (ныне село Едрево) Старозагорского округа и почти целиком отдается писательскому труду — завершению задуманной им 2-й и 3-й книг трилогии о становлении и борьбе болгарского рабочего класса. Напряженную работу над трилогией прерывают события, связанные с фашистским переворотом 9 июня и антифашистским восстанием в сентябре 1923 г. в Болгарии.

<sup>12</sup> См. «Железничар», год VII, 15 IX 1911, № 8.

<sup>13</sup> Архив секции истории НИИПП..., л. 1.

<sup>14</sup> См. там же, л. 2.

<sup>15</sup> См. «Старозагорска партийна организация. 80 години». Стара Загора, 1973, стр. 58—59.

<sup>16</sup> См. Богдан Баров. Блуждение. Роман из фабричного живот. Стара Загора, 1920, стр. 6.

<sup>17</sup> Архив секции истории НИИПП..., л. 2.

<sup>18</sup> См. там же.

<sup>19</sup> «Комедия», 1921, № 28, стр. 6. Позднее, в 1924 г., молодой поэт и критик Н. Фурнаджиев в издававшемся Г. Бакаловым коммунистическом журнале «Нов път» также опубликовал одобрительную рецензию на роман Б. Барова («Нов път», т. I, кн. 10, стр. 319).

<sup>20</sup> «Страници за героите», стр. 98.

Как верный член Коммунистической партии Б. Баров в составе боевой группы Слави Петрова Кылнова принимает участие в одной из операций в районе казармы в ночь с 19 на 20 сентября<sup>21</sup>, когда началось восстание в Стара Загоре. После неудачной попытки захвата города группа Слави Кылнова отступила в район «Глухани», где собралось несколько групп старозагорских повстанцев. Объединившись в отряд, руководимый Даню Василевым, они выступили на соединение с отрядами новозагорских повстанцев. Проследовав через ряд сел, в частности, через села Елхово (ныне село Милево Казанлыкской околии), Едрево (Новозагорской околии) и Николаево (также Новозагорской околии) — повстанцы установили в них рабоче-крестьянскую власть<sup>22</sup>. В составе этого отряда был и Б. Баров; его пламенные выступления на крестьянских митингах в освобожденных селах — к примеру, на митинге в селе Елхово, — в которых он говорил о значении восстания и установления народной власти, засвидетельствованы рядом участников восстания<sup>23</sup>.

После подавления восстания Б. Баров, как и многие другие участники, был арестован и посажен в тюрьму. Во время обыска были конфискованы и бесследно исчезли все его рукописи<sup>24</sup>. В тюрьме он был подвергнут жестоким избиениям, в результате которых у него открылся туберкулезный процесс. Несколько позднее, в обстановке поднятой прогрессивной болгарской и международной общественностью кампании в пользу амнистии, Б. Баров был переведен в туберкулезное отделение Старозагорской государственной больницы, а затем отпущен в тяжелом состоянии домой.

Хотя физически он был разбит, духом он остался несломленным. Еще в тюрьме он задумал ряд новых художественных произведений — романов, повестей и рассказов («Отрезанная голова», «Судебный процесс», «Простые люди» и др.), в которых он хотел рассказать о кровавых злодеяниях, творившихся в фашистской Болгарии. Несмотря на болезненное состояние, в котором он находился после выхода из больницы, он начинает настойчиво работать над осуществлением своих замыслов; однако в ходе последовавших новых обысков у него было изъято все вновь написанное<sup>25</sup>. Читателям стал известен лишь один отрывок из романа «Простые люди», который Б. Баров сумел опубликовать в виде рассказа «Осенняя ночь» в прогрессивном беспартийном старозагорском журнале «Земя» (1925, кн. I).

В 1933 г. семья Баровых переселяется в Софию, желая избавиться от «внимания» со стороны старозагорских полицейских властей. Баров почти непрерывно болеет и часто проводит время в туберкулезных больницах. Свои наблюдения над жизнью в больницах он решает описать в романе «Желтый легион», к написанию которого он приступает (роман остался незавершенным). После нападения фашистской Германии на Советский Союз Б. Баров, сохраняя твердую убежденность в неизбежной победе Советской Армии, с большим вниманием следит за ходом военных действий на советско-германском фронте<sup>26</sup>.

9 сентября 1941 г., ровно за три года до победы болгарского рабочего класса и всего трудового народа над силами реакции и фашизма, до победы, которой он отдал всю свою жизнь, в которую он глубоко верил, Б. Баров умирает<sup>27</sup>.

В народно-демократической Болгарии роман Б. Барова «Блуждание» был в 1949 г. вновь опубликован, на этот раз уже в столичном издательстве «Профиздат». Таким образом, книга ветерана старой гвардии борцов за освобождение рабочего класса получила как бы второе рождение и общественное признание в новой Болгарии.

<sup>21</sup> См. «Септемврийци за Септември», кн. II. Спомени за Септемврийското въстание в Старозагорски и Пловдивски окръзи. София, 1963, стр. 17—19.

<sup>22</sup> См. там же, кн. II, стр. 38—39, 47—48, 49—51; Д. К о с е в. Септемврийското въстание 1923. София, 1973, стр. 173—175.

<sup>23</sup> См. «Септемврийци за Септември...», кн. II, стр. 39, 48, 51.

<sup>24</sup> См. Архив секции истории НИИПП..., л. 2.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> См. «Страници за героите», стр. 100.

<sup>27</sup> См. Архив секции истории НИИПП..., л. 2.



## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

*J. Jaros. Historia górnictwa węglowego w Polsce Ludowej (1945—1970). Warszawa—Kraków. 1973, 269 s.*

*Е. Ярос. История угольной промышленности в народной Польше (1945—1970)*

Работа Е. Яроса посвящена ведущей отрасли современной польской экономики: Польша занимает четвертое место в мире по добыче каменного угля (после СССР, США и Китая).

Книга состоит из введения, трех частей и заключения. Во введении автор останавливается на источниковедческой базе своей работы, обосновывает структуру книги и предложенную им периодизацию экономической истории ПНР. Каждая из трех частей книги соответствует определенному этапу экономической истории народной Польши. В первой части рассмотрено развитие польской угольной промышленности до 1945 г. и в восстановительный период (1945—1949). Вторая часть посвящена периоду развития этой отрасли в годы выполнения страной шестилетнего плана (1950—1955). Третья часть охватывает период 1957—1970 гг. Схема расположения материала в каждой части одинакова; вопрос о производстве бурого угля автор выделил особо.

Организационные формы управления угольной промышленностью сложились к концу 1945 г. В 1950—1955 гг. произошло усложнение структуры ведомств, что в 1956—1970 гг. вызвало необходимость изменений в управлении, направленных на увеличение самостоятельности предприятий.

В общей характеристике экономики каменноугольного производства в 1946—1949 гг. автор подчеркнул, что производственные задания даже перевыполнялись отраслью в это трудное время. Ускоренная реконструкция, которой был отмечен период 1950—1955 гг., сопровождалась трудностями, помешавшими достигнуть запланированного уровня добычи каменного угля. В 1966—1970 гг. в условиях снижения капитальных вложений угольная промышленность сумела выполнить производственные задания.

Трудности послевоенных лет в обеспечении польских шахт материалами, оборудованием, машинами были преодолены в довольно короткий срок, так что в 1950—1955 гг. они перестали зависеть от ино-

странных поставок, а в 1956—1970 гг. производство отечественных машин и оборудования увеличилось настолько, что шахты не испытывали в них недостатка, хотя темпы механизации шахтных работ были высоки.

Вывоз угля и кокса за границу в 1945—1949 гг. составлял половину польского экспорта. В следующем же периоде экспорт угля сократился в связи с увеличением спроса в стране и невыполнением плана угледобычи. В 1956—1970 гг. снабжение населения каменным углем улучшилось, а положение с экспортом его стало поправляться только в конце 60-х годов.

Для технической стороны добычи каменного угля в 1945—1949 гг. характерно постепенное изменение прежних методов труда; происходил процесс концентрации угольного производства. В период шестилетнего плана была начата разработка угля в предохранительных целиках, расширялась угледобыча в лавах, в шахтах появились первые комбайны, довольно эффективно применялись врубовые машины и механические погрузчики. В 1956—1970 гг. интенсивно осваивался Рыбникский бассейн, внедрялся метод замораживания для углубления шахтных стволов, широко применялась бетонная опалубка; важнейшим техническим достижением этих лет явилась разработка целика под г. Бытом, возрастала степень электрификации шахт, продолжалась механизация трудоемких подземных работ.

Производительность труда в первые послевоенные годы была довольно низкой из-за плохого технического состояния шахт, прилива новых неквалифицированных кадров. Она стала возрастать лишь в 1956—1970 гг. в связи с механизацией подземных работ. Именно в эти годы польская каменноугольная промышленность в техническом отношении начала приближаться к уровню соответствующей промышленности ведущих стран мира.

В разделе о социальных отношениях в угольной промышленности рассмотрен прежде всего вопрос о кадрах, отмечена острая нехватка специалистов в первые

послевоенные годы. Большая текучесть кадров усугубляла трудности. В 1950—1955 гг. для каменноугольной промышленности характерно увеличение занятости, за счет которой и росла угледобыча. Только в следующем периоде началось постепенное снижение занятости, а затем и уменьшение числа рабочих вследствие увеличения производительности труда.

В первые послевоенные годы профсоюз польских горняков много сделал для установления на польских шахтах нормального трудового ритма. Благодаря усилиям профсоюза и Польской рабочей партии реакционным силам не удалось подчинить своему влиянию ни один шахтерский коллектив. Большую роль сыграл профсоюз в организации соревнования, улучшении трудовой дисциплины, культурно-просветительной работы среди шахтеров.

Что касается продолжительности рабочего времени и условий труда, то в послевоенное время рабочая неделя равнялась 48 час. (вместо 46 час. по коллективному договору), передко была работа в воскресенье и праздники. В дальнейшем наблюдалось улучшение условий труда прежде всего, за счет механизации трудоемких работ. С начала 60-х годов на шахтах стали постепенно сокращать сверхурочную работу и отменять рабочие воскресенья.

Шахтеры часто выступали инициаторами соревнования в восстановительный период (в 1947, 1948 гг.), направленного на улучшение дисциплины и условий труда, на повышение его производительности. Оно приобретало массовый характер. Возобновленное в 1957 г. по инициативе самих шахтеров соревнование обогатилось новыми формами, была возрождена традиция брать повышенные обязательства к торжественным датам. Непрерывно повышалась заработная плата шах-

теров. На шахтах утвердилась широкая система доплат к основной зарплате. Вопросы продовольственного снабжения шахтеров в первые послевоенные годы играли важную роль в социальной политике руководства шахт и профсоюза; частичному их решению помогали земельные участки, предоставленные государством предприятиям угольной промышленности (до 1949 г.). Позднее организовывались отделы рабочего снабжения. Жилищный вопрос, остро стоявший в первые послевоенные годы, сохранял свою остроту и в дальнейшем. В 1956—1970 гг. жилищное строительство расширилось, возникли жилищные кооперативы.

Проблема профессионального обучения рабочих кадров решалась с помощью организации различных курсов. Квалифицированные молодые кадры для шахт подготавливались шахтерскими школами, гимназиями и лицеями. Инженерные кадры поставляли Горно-металлургическая академия в Кракове, политехнические институты в Гливицах и Вроцлаве.

Добыча бурого угля за 1950—1955 гг. увеличилась на 25%, а потребление его в стране почти на 90%, при этом в 1955 г. бурый уголь удовлетворял всего 1% потребности страны в энергосырье. За период 1956—1970 гг. добыча бурого угля в Польше возросла в 5,5 раз (с 6 до 33 млн т). В 1970 г. четыре крупнейшие электростанции на буром угле давали 40% всей электроэнергии в стране.

В заключение автор, приведя данные о запасах каменного и бурого угля и его добыче, характеризует основные тенденции развития важнейшей отрасли польской экономики в 1945—1970 гг. и касается ее перспектив в дальнейшем.

Книга Яроса заслуживает внимание специалистов.

*К. Большакова*

## ЦЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕ 20—30-х ГОДОВ XX ВЕКА

Вопрос германо-польских противоречий в период между двумя мировыми войнами принадлежит к числу важнейших проблем международных отношений. Закономерно в связи с этим то внимание, с каким советские исследователи изучают истоки и развитие агрессивной политики Германии в отношении Польши. Однако в советской исторической литературе до сих пор не было работ, в которых бы специально исследовалась проблема германо-польских отношений локального периода. Этой теме посвящена монография Д. С. Климовского<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Д. С. Климовский. Германия и Польша в локальной системе европейских отношений. Из истории зарождения

Как и многие другие, вопрос отношений Германии и Польши в межвоенное двадцатилетие запутан и даже искажен некоторыми буржуазными историографами. Вопреки неоспоримым фактам, фальсификаторы прилагали и прилагают все усилия к тому, чтобы возвести «китайскую стену» между политикой Веймарской республики и фашистской Германией в отношении Польши, оправдать антинародный внешнеполитический курс польских правящих кругов, извратить истинные причины приближения Польши к сентябрьской катастрофе, подменив их рассуждениями о «национальных расприх» на-

второй мировой войны. Минск, Изд. БГУ им. В. И. Ленина, 1975, 288 стр.

родов, населявших страну. Особые усилия буржуазные реакционные историки направляют на то, чтобы оклеветать миролюбивую внешнюю политику Советского Союза, направленную на предотвращение второй мировой войны.

В рецензируемой монографии разоблачается антисоветский характер политики буржуазных государств, вскрываются бесчисленные ухищрения англо-американских, французских, итальянских дипломатов и политиков, направленные на использование сложившихся отношений между Германией и Польшей не только в собственных империалистических интересах, но и прежде всего с целью превращения досентябрьской Польши в антисоветский бастион на восточном рубеже капиталистического мира.

При написании книги автор использовал труды ученых ПНР, ГДР и СССР, изучил многие работы, появившиеся в последние годы в Лондоне, Мюнхене, Штутгарте и других городах, исследовал материалы из Историко-дипломатического архива, Центрального государственного архива Потсдама, Центрального государственного архива Литовской ССР, преимущественно неопубликованные.

Монография состоит из предисловия, трех частей, подразделенных на восемь глав, заключения и краткого предметного указателя. В первой части, основываясь на свидетельствах архивов, автор раскрывает влияние Локарнского пакта на отношения Германии и Польши, разоблачает политику «законной ревизии» германо-польской границы, показывая активизацию идеи германо-польского примирения весной 1925 г. и вмешательство международной финансовой олигархии в германо-польский вопрос. Исключительный интерес представляют свидетельства о проекте съезда германских и польских политиков и хозяйственников,

новые сведения из раздела «Туари и Польша». Несомненен вклад автора в рассмотрение антипольского курса кабинета Мюллера. Д. С. Климовский освещает закулисные интриги в Женеве, неоднократные попытки германо-польских переговоров и их срывы, выступления Штреземана с прямыми нападениями на Польшу.

Во второй части рассматриваются германо-польские отношения на фоне мирового экономического кризиса. Автор останавливается на обострении германо-польских отношений в 1930 г., торговом договоре и его провале, антипольском выступлении Тревирануса. Весьма интересно наблюдение автора над тезисами Рейнбабена, в которых указывались пути решения германо-польской проблемы в интересах правящих кругов Германии. Здесь прослеживается прямая связь моратория Гувера, визитов Лавала в США, переговоров Залесского в Лондоне с обострением германо-польских отношений. Освещение отношений Польши и Советского Союза в 1931—1932 гг. — одна из несомненных удач автора.

В третьей части монографии в центре внимания — зависимость проблемы коллективной безопасности в Европе от германо-польских отношений. Автор рассматривает отношения обоих государств в период прихода к власти Гитлера. Основываясь на архивных материалах, он анализирует «пакт четырех», вопросы, относящиеся к конференции по разоружению, так называемой «превентивной войны», к проблемам Восточного пакта, введения воинской повинности в Германии, перехода вермахта через Рейн.

Рецензируемый труд является ценным исследованием германо-польских отношений.

Т. Кургустьян

*Ю. А. Писарев. Образование югославского государства (Первая мировая война. Освободительная борьба югославских народов Австро-Венгрии. Крушение монархии Габсбургов). «Наука», 1975, 416 стр.*

Проблема создания независимого югославского государства занимает особое место в новейшей истории стран Юго-Восточной Европы. Образование югославского государства, с одной стороны, знаменует собой окончание длительного и сложного исторического процесса, который справедливо был назван В. И. Лениным «национальной революцией южного славянства»<sup>1</sup>, с другой стороны, является началом новейшего периода истории югославских народов. В течение ряда лет этот

сложный комплекс вопросов изучает Ю. А. Писарев. Им написаны книги «Освободительные движения югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914» (1962) и «Сербия и Черногория в первой мировой войне» (1968).

Рецензируемая работа Ю. А. Писарева является результатом изучения материалов архивов Советского Союза, Югославии, Венгрии и Австрии, опубликованных документов и материалов, многочисленных периодических изданий и исследований, в той или иной степени затрагивающих рассматриваемые автором вопросы. В монографии исследуются сс-

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 16.

бытия одного из самых бурных периодов истории югославских народов (1914—1918 гг.), приведшие к краху лоскутной империи Габсбургов и созданию единого югославского государства. В первых главах анализируются события на Балканах накануне первой мировой войны. Автор исследует международное и внутривосточное положение на Балканах, показывает, каким образом пытались решить югославский вопрос правящие круги Австро-Венгрии; в чем видели решение этого вопроса национально-освободительные организации югославянской молодежи («Млада Босна», «Препород» и др.), представители буржуазных партий и организаций Сербии и югославянских земель Австро-Венгрии.

Монография Ю. А. Писарева расширяет наши представления о событиях, связанных с сараевским убийством и началом первой мировой войны. Привлекают внимание читателей разделы книги, посвященные деятельности организации «Черная рука», поскольку до нас дошли лишь немногочисленные сведения о деятельности этой тайной организации сербских офицеров. Опираясь на некоторые ставшие известными в последние годы документы, находящиеся ныне в Институте истории в Белграде, автор по-новому раскрывает подробности дела Димитриевича-Апса.

Интересны главы, посвященные влиянию революционных событий 1917 г. в России, и особенно Великой Октябрьской революции, как на ход первой мировой войны, так и на ускорение процесса образования независимого югославского государства, на подъем революционного и рабочего движения на Балканах.

В работе Ю. А. Писарева рассказывается о попытках правящих кругов стран Антанты использовать балканских союзников, и прежде всего Сербию, в своих целях. Так, например, Италия стремилась установить свое господство на далматинском побережье Адриатики, а потому выступала против создания единого государства югославян. Франция, хотя и поддерживала великосербские планы своего союзника, но отнюдь не желала осложнять отношения с Италией и высказывалась за удовлетворение экспансионистских требований итальянских правящих кругов даже за счет тех районов Далмации, где большинство населения составляли югославы. Что же касается США и Англии, то они почти до конца войны стояли за сохранение Австро-Венгрии и, таким образом, выступали против создания независимого югославянского государства.

В отличие от всех капиталистических стран Советская Россия поддерживала идею создания независимого югославянского государства. Проанализировав позицию Австро-Венгрии во время Брест-литовских переговоров, автор показал,

что только советская делегация последовательно отстаивала интересы югославянских народов, требуя решения югославянского вопроса на ленинских принципах самоопределения народов.

В годы первой мировой войны обстановка на Балканах претерпела существенные изменения. Это было обусловлено рядом социально-политических факторов. На третьем году войны наступает перелом в настроении не только правящих кругов Вены и Будапешта, но и большинства сторонников югославянских буржуазных партий. В начале войны югославянская буржуазия Австро-Венгрии стояла за безусловное сохранение габсбургской монархии. В последующие же годы, особенно после военных поражений стран центральной коалиции, под давлением антивоенных выступлений трудящихся и в результате полного провала экономической политики монархии югославянская буржуазия переходит от робких планов автономии в рамках двуетадной монархии к идее образования самостоятельного государства югославян Австро-Венгрии. Анализ социально-политических факторов дал возможность автору показать, что эти годы явились важным этапом национально-политической и социальной борьбы югославских народов.

В рассматриваемой монографии подробно исследуются не только внешнеполитические предпосылки создания 6 октября 1918 г. государства словенцев, хорватов и сербов, первого государственного объединения югославских народов Австро-Венгрии, но и детально анализируется деятельность буржуазных политических объединений Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, а также правящих кругов Сербии и Черногории накануне и после распада Австро-Венгрии.

В заключительных главах работы повествуется о всеобщем революционном подъеме в югославянских землях Австро-Венгрии, о том, какое огромное воздействие оказала Великая Октябрьская революция на ход событий, приведших к краху лоскутной империи Габсбургов. Значительное внимание уделяется вопросам социалистического и рабочего движения югославянских земель в период всеобщего революционного подъема.

Монография носит полемический характер: на ее страницах аргументированно опровергается ряд концепций зарубежных буржуазных историков. Острой критике подвергнуты, например, концепции таких писателей, публицистов и историков как А. Поцци, С. Пассони, Б. Брэм, И. Римэк<sup>2</sup>, пытавшихся воз-

<sup>2</sup> A. P o z z i. Black Hand over Europe. London, 1935; S. P o s s o n y. Zur Bewältigung der Kriegsschuldfrage. Völkerrecht und Strategie der Auflö-



лечь ответственность за возникновение первой мировой войны на Сербию или Россию, приводивших в качестве аргументов необоснованные утверждения о непосредственной связи членов «Молодой Боснии» с тайным обществом сербских офицеров «Черная рука», с руководителем этого общества Д. Димитриевичем-Аписом и генеральными штабами Сербии и России.

Отдельные недостатки не затрагивают принципиальных положений исследования. Правильно отмечая плохую подготовленность Австро-Венгрии к войне (стр. 101—106), автор, на наш взгляд, недооценивает потенциальной боеспособности этой армии, сумевшей во время войны

нанести ряд поражений армиям стран Антанты, особенно на итальянском театре военных действий. Не совсем удачной является фраза (стр. 86) о том, что русское правительство после австро-венгерского ультиматума Сербии советовало «создать впечатление о миролюбии Сербии» — ведь миролюбие Сербии, истощенной Балканскими войнами, в тот период не вызвало сомнений. Не следовало бы начальника генерального штаба Франца Конрада фон Гетцендорфа называть генералом Конрадом (стр. 73). В книге имеется и ряд других фактических неточностей. Желательно было бы шире осветить деятельность Лондонского комитета и противоречия внутри него, а также отношения между этой организацией и сербским правительством. Историк, который будет изучать новейший период истории народов Югославии, не сможет пройти мимо настоящего исследования.

*В. А. Тесемникова, В. К. Терехов*

*«Poselstvi z Prahy do Moskvy roku 1589».* Praha, 1974, 128 s.

*«Посольство из Праги в Москву в 1589 году»*

Рецензируемое издание, подготовленное Центром испано-американских исследований Карлова университета, представляет собой публикацию испанского перевода отчета австрийского дипломата, силезского дворянина Николая Варкоча о его путешествии в Москву в 1589 г. Помимо текста самого источника издание включает в себя вводную статью, написанную известным специалистом по истории европейских международных отношений на рубеже средневековья и нового времени профессором Й. Полишенским, ее испанский перевод и перевод отчета Варкоча на чешский язык с комментариями издателей.

Поездка Варкоча в Москву была связана с крупными международными событиями, затрагивавшими интересы многих государств не только Центральной и Восточной Европы, но и Скандинавии. Отсюда — широта и многообразие вопросов, которые посол обсуждал с русским правительством. По времени поездка совпала и с важными событиями, происходившими в России, о которых посол сумел собрать подробную информацию. Все это делает донесение Варкоча о его посольстве 1589 г. одним из наиболее интересных памятников истории связей между Россией и странами Центральной Европы в XVI в. Таким образом, выбор текста для публикации нельзя не признать весьма удачным, а благодаря избранному способу издания публикация —

интересна и доступна для весьма широкого круга читателей.

Есть все основания констатировать, что намеченная Карловым университетом большая работа по выявлению и введению в широкий оборот источников по всеобщей истории из архивов Чехословакии получила весьма хорошее начало.

В небольшой, но содержательной вводной статье Й. Полишенского характеризуется роль посольства Н. Варкоча в общих планах австрийской политики и в развитии политических взаимоотношений между Россией и габсбургскими державами. Особо следует отметить, что в статье отчет Н. Варкоча оценивается так же и как один из источников, откуда чешское общество могло черпать свои сведения о русском государстве. Автор справедливо указывает, что уже само появление публикуемой рукописи, сохранившейся в родовой библиотеке магнатской семьи Лобковцев, следует рассматривать как проявление определенного интереса к отдаленной, но дружественной славянской державе. В статье приводятся сведения и о других архивных материалах, показывающих интерес чешского общества к приезжавшим во 2-й половине XVI в. в Чехию и Австрию русским посольствам.

К сожалению, явным недоразумением является утверждение автора, что неизвестно местонахождение немецкого оригинала отчета и инструкций, врученных

австрийскому послу перед отъездом в Москву (стр. 12, 14), — оба указанных документа находятся в Haus-Hof und staatsarchiv в Вене и неоднократно использовались исследователями русско-австрийских отношений<sup>1</sup>.

Незнание инструкций привело к существенным неточностям в определении автором характера миссии. В частности, она была расценена как важное звено в переговорах о создании антитурецкой коалиции и «ценное свидетельство» важной роли Москвы в антитурецких планах Рудольфа II. В действительности от конкретных планов в этом отношении австрийские, как и испанские, Габсбурги в конце 80-х годов были весьма далеки. Все полномочия Варкоча ограничивались сбором информации, а вопрос о борьбе против турок стал предметом переговоров лишь потому, что в 1587—1589 гг. его настойчиво ставило перед Габсбургами русское правительство.

Неверным является и утверждение, что в Праге не представляли себе соотношения сил в Кремле и лишь постепенно Варкоч стал понимать, что следует вести переговоры с Борисом Годуновым. В действительности вести переговоры с Борисом Годуновым предписал послу сам император, направивший «правителю» особое послание и, кстати, раньше, чем другие европейские государи.

Оказалось не отмеченным также и возложенное на посла весьма специфическое задание, как раз заставившее особенно интересоваться русскими внутренними делами — добыть текст завещания Ивана Грозного (задание, связанное с известными расчетами Габсбургов занять

русский трон по пресечении династии Рюриковичей).

Учитывая, что издатели хотели показать читателям отчет Варкоча в том виде, как с ним знакомились чешское общество, публикация отчета в испанском переводе представляется вполне оправданной. Однако следовало бы указать, что данный перевод был уже опубликован Е. Ф. Шмурло по экземпляру испанского государственного архива в Симанке<sup>2</sup> и указать важнейшие разночтения между текстами.

Перевод испанского текста на чешский язык выполнен хорошо, а комментарии, хотя и краткие, умело концентрируют внимание читателя на основных моментах переговоров и главных особенностях позиции обеих сторон, но представляется, что комментарии получились бы более интересными, если бы их авторы сопоставили донесение Варкоча с записями русских посольских книг о пребывании австрийского посла в Москве<sup>3</sup>. Вместе с тем вызывает возражение передача имен и фамилий русских политиков в чешском переводе и в комментариях в искаженной транскрипции испанского перевода немецкого отчета. Думается, что следовало бы объяснить читателю, что «канцлер Zolkan» отчета — это думный дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов, бесменный руководитель русской внешней политики на протяжении более чем 20 лет, а «Eleazar Bilovskij» — дьяк Елизарий Вылузгин.

Хотелось бы выразить надежду, что в своих последующих изданиях Центр испано-американских исследований сумеет избежать этих досадных недочетов, которые снижают ценность важного и полезного начинания.

Б. Флоря

<sup>1</sup> См. справку о местонахождении и изданиях дипломатического материала, связанного с деятельностью Н. Варкоча: В. Кордт. Чужоземні подорожжі по східні Европі до 1700 г. Київ, 1928, стор. 58—59. Наиболее подробно содержание документов изложено в известной работе Х. Уберсбергера (H. Übersberger. Österreich und Russland seit dem Ende des XV Jahrhunderts. Wien — Leipzig, 1906, S. 535—537, 540—544).

<sup>2</sup> В приложении к его статье «Россия и Испания в последней четверти XVI века». См. Россия и Италия, т. III, вып. 2. Пг., 1915, стр. 352—372.

<sup>3</sup> Записи полностью опубликованы («Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных»), т. I. СПб., 1851, стб. 1101—1222).

Я. В. Станюкович. *Реализм Марии Домбровской*. М., «Наука», 1974, 292 стр.

Книга Я. В. Станюкович считается научно-популярной. Между тем популярной делает ее, пожалуй, только то, что о Марии Домбровской, чьи сочинения в русском переводе представлены в Советском Союзе уже относительно полно и широко, написано у нас пока очень мало. Поэтому всякая новая советская работа о ней — будь то даже «солидное и

ценное научное исследование»<sup>1</sup>, как назвал рецензируемую монографию один из крупнейших специалистов по творчеству Домбровской Т. Древновский, — выполняет одновременно и задачи популярного жанра. «Новая работа Ядвиги Ста-

<sup>1</sup> Т. D r e w n o w s k i. Dąbrowska po rosyjsku. «Polityka», 1975, № 6, s. 10.

нюкович,— справедливо говорится по этому поводу в одном из польских отзывов,— является еще одним достижением в области изучения и популяризации польской литературы. Она служит дальнейшему укреплению культурных связей между народами наших стран»<sup>2</sup>. Автор советской монографии при создании первого обобщающего труда о Марии Домбровской плодотворно сотрудничал с известной польской исследовательницей Евой Коженевской (см. стр. 9). С точки зрения цельности освещения творчества писательницы эта монография, по единодушному мнению критики, выгодно отличается от всех предыдущих работ, в числе которых в Польше есть и весьма солидные исследования, не являющиеся, однако, обобщенным осмыслением всего опубликованного из наследия Домбровской.

Помимо общедоступных книжных изданий Станюкович учитывает также и произведения писательницы, разбросанные по многочисленным журналам разных лет, давая характеристику всего ее творчества и вместе с тем состояния изученности отдельных частей ее наследия. Обобщающее рассмотрение наследия Домбровской позволило советскому ученому паметить важнейшие этапы ее идейнотворческого пути и полнее охарактеризовать ее значение в истории литературы. Домбровская предстает в этой книге в таком многогранном освещении, что, по свидетельству польских специалистов, даже знатоки предмета могут узнать отсюда о некоторых деталях ее биографии и источниках творчества. С еще большим основанием можно отнести это к широкому кругу литературоведов. Так, советский читатель узнает, что Домбровская-реалист сумела дать «более углубленную обрисовку характера революционера», чем та, какую мы находим у В. Василевской и Л. Кручковского (стр. 115); что в своем развитии она приближалась «к марксистским принципам социального анализа» (стр. 183) и т. д. Этими, как и многими другими, не менее любопытными наблюдениями Станюкович обязана больше всего тому, что рассматривает художественные искания писательницы в единстве с ее публицистикой.

Оспираясь в своем обобщении на достижения польских ученых, иногда даже ограничиваясь суммированием их исследований, как, например, при освещении новеллистических сборников Домбровской, советская исследовательница в то же время подвергает критике неприемлемые для нее суждения и оценки. Так, она полемизирует с недооценкой «Ночей и дней» Домбровской. Солидаризируясь

в своей характеристике названной тетралогии с точкой зрения З. Либера, Г. Маркевича и Т. Древновского, Станюкович приводит дополнительные доказательства художественной оригинальности, непреходящей идейной актуальности и новаторства этой эпопеи. Такую же критическую позицию самостоятельного исследователя занимает она и в оценке последнего романа Домбровской «Приключения мыслящего человека», давая самый обстоятельный на сегодняшний день его разбор. И в этом случае она увлеченно спорит с авторами тех статей, которые ей «кажутся просто поспешными», отстаивая мнение, что незавершенный опыт писательницы является своего рода «недошлифованным» шедевром. Нельзя не согласиться со Станюкович, что в своем последнем романе «Домбровская с большой пластичностью и проникновенностью представила стремление польского общества к независимости, а затем показала сложные пути буржуазной Польши, майский переворот 1926 г., нарастающую угрозу второй мировой войны, сентябрьскую катастрофу, наконец, Сопротивление в период оккупации и трагедию Варшавского восстания» (стр. 261). Нет никакой натяжки и в утверждении, что «роман Домбровской расширяет границы правдивого представления читателей о том трагическом времени» (стр. 264) и тем существенно дополняет другие польские произведения на эту тему. Однако тон дифирамба, взятый по отношению к «Приключениям мыслящего человека», на наш взгляд, не позволил советской полонистке выдержать позицию вполне объективного критика, видящего не одни только достижения, а и срывы большого мастера. Думается, зря автор монографии прошла мимо глубокомысленного высказывания Г. Березы, процитированного ею на стр. 213: «Писательская драма „Приключения мыслящего человека“ имеет свои истоки, которые мы еще долго будем изучать как драму всей современной литературы». Трудно признать вполне оправданным и то, что в монографии, претендующей на систематическое изложение и притом предназначенной для зарубежных читателей Домбровской, ее незавершенному опыту отводится больше места, чем эпохальному произведению польской литературы, каковым являются «Ночи и дни».

К наиболее оригинальным страницам рецензируемого труда принадлежат, несомненно, те, где разбираются исторические драмы Домбровской «Гений-сирота» и «Станислав и Богумил». Подойдя к ним с позиций строгого историзма, Станюкович сумела указать их место в развитии польского историко-художественного жанра, раскрыть их своеобразие и литературные традиции. В частности, она установила, что Домбровская, драмы

<sup>2</sup> А. А. Советская монография о Марии Домбровской. «Польша», 1975, № 6, стр. 44.

которой без достаточного основания сравнивались некоторыми учеными с беллетристическими опытами историка Ю. Шуйского, на самом деле обращалась в своем творчестве к Выспяньскому и к лучшим романтическим традициям, в особенности к драматургии Словацкого.

Чрезвычайно ценным наблюдением Станюкович, которому справедливо придают большое значение польские рецензенты, является также установление факта связи творчества Домбровской с традициями Тургенева, Л. Толстого и Чехова. Мы не согласны с Т. Древновским, сожалеющим о том, что автор книги не занялась более обстоятельно русскими связями Домбровской, ибо это резко изменило бы весь характер книги.

Надо отдать должное Станюкович и в том, что она одна из первых поставила вопрос о месте Домбровской не только в польской, но и в мировой литературе. Решение этого вопроса неразрывно связано с характеристикой основной творческой тенденции Домбровской, ее метода, который позволяет разобраться в отношении писательницы к различным художественным течениям, а следовательно, определить и ее место в национальном и мировом литературном процессе ее времени.

Еще при жизни Домбровской ее не без основания ставили в ряд с такими классиками польской прозы, как Прус, Жеромский и Реймонт. Особенно часто сравнивали — по глубине и масштабности изображения эпохи — ее «Ночи и дни» с «Куклой» Пруса. Причем в оценке этого романа-эпопеи мнения польской критики резко расходились и все еще находятся в конфронтации. «Одни, — констатирует Э. Поляновский, — помещают главное произведение Домбровской в традиционном русле польской и мировой прозы, другие акцентируют новаторские элементы, проистекающие из общих тенденций мировой прозы межвоенного периода. Дело в том, что эти влияния не проявились в прозе Домбровской в ярко выраженной форме, из-за чего сложилось обманчивое впечатление, что сочинения Домбровской далеки от главных направлений развития современной прозы, эпатажирующей читателя неожиданными формальными поворотами в трактовке действительности, представлявшей до сих пор в упорядоченных временных и пространственных структурах»<sup>3</sup>. Как видим, расхождения польских ученых сводятся к различному подходу в оценке прозы Домбровской. В этой связи следует заметить: нет ничего ошибочнее, как признавать писателя великим и в то же время отказывать ему в новаторстве на том основа-

нии, что он не порывает с классической традицией. Почему, спрашивается, писатель, дабы запечатлеть происшедшие в жизни общества перемены, вывести новые типы и передать не встречавшиеся ранее настроения, мысли и чувства, непременно должен демонстрировать свое отступление от традиций, например, прибегать к повествовательным инверсиям времени и пространства, даже когда этого не требуют ни изображаемый предмет, ни авторский замысел его раскрытия? Ведь культивировать приемы новой литературной техники и быть новатором в искусстве — не одно и то же. Произведение, созданное с помощью новых приемов, не обязательно оказывается адекватной картиной современности. От частого и нередко неоправданного применения они делаются только более модными и как таковые до того затаскиваются, что на их крикливом фоне уместно использованные традиционные средства нередко приводят к неожиданно глубокому, подлинно новаторскому постижению современной жизни, что, кстати, наблюдается не у одной Домбровской. Выбор критерия, позволяющего должным образом оценить достижения писателя, его новаторство, зависит от верного определения характера изучаемых вещей, т. е. способа их создания, без чего наш подход к ним будет произвольным (романтиков нельзя судить по канонам классицизма или предъявлять к ним реалистические требования).

Самым существенным достоинством труда Я. В. Станюкович является верное определение характера произведений Домбровской, а благодаря этому и нахождение ключа к их правильному истолкованию. Нам кажется, польские рецензенты недооценили эту сторону дела. Они лишь констатировали, что Станюкович шире, чем это принято в польском литературоведении, трактует реализм, что этот реализм в ее интерпретации сообразуется с индивидуальным почерком Домбровской и становится неотделимым от ее патриотизма, ее демократической тенденции и пр. Оценивая Домбровскую с позиций так понятого реализма, поясняют они далее, Станюкович и сумела непредвзято, по-новому взглянуть на ее творчество. При этом польские рецензенты указывают на расплывчатость понятий и даже синонимическое значение слов «реализм» и «творчество» в приложении к Домбровской. Но так ли это? Ведь стожизмование реализма с творчеством есть несомненная вульгаризация, с позиций которой автору вряд ли посчастливилось бы найти подход, обеспечивающий научное объяснение рассматриваемых вещей. Нам представляется, что не совсем обычное, широкое понимание Станюкович реализма Домбровской означает только то, что реализм для исследовательницы не ограничивается одной классической

<sup>3</sup> E. P o l a n o w s k i. Sesja naukowa poświęcona twórczości Marii Dąbrowskiej. «Przegląd Humanistyczny», 1976, № 1, s. 139.

порой его расцвета в XIX в., а рассматривается как эволюционирующий способ изображения, видоизменяющийся по мере поступательного движения истории. В принципе это правильный подход к делу, при котором имеются в виду два различных понятия реализма: исторически ограниченное литературное направление и утвердившийся в пору его господства принцип художественного обобщения, который продолжает развиваться и после того, как отходит к прошлому породившая его эпоха.

Итак, если Станюкович и можно в чем-то упрекнуть по данному вопросу, так скорее в том, что она теоретически не изложила своего понимания этой важной проблемы и тем дала повод к недоразумениям. Более значительной погрешностью представляется нам преувеличение позитивистских тенденций Домбровской (см. стр. 123 и 154 и сравни их со стр. 213). Досадными неточностями являются контаминация двух фамилий:

Ясножевской-Павликовской и Велепольской, в результате чего получилась Ясножевская-Велепольская (стр. 140); преобразование краковской Скалки, как в сказке, в «возвышенное место в Варшаве» (стр. 164), и т. п.

Если, однако, не считать таких, к счастью, немногочисленных описок, то о монографии в целом можно сказать, что ее текст тщательно отделан, а главное — она построена на богатом фактическом материале и проникнута пытливой исследовательской мыслью. Думается, Э. Бедка, оценивая эту первую пробу создания обобщающего труда о Домбровской, справедливо подчеркнул, что советские читатели «получили такую книгу, какой нет еще у польского читателя»<sup>4</sup>.

И. К. Горский

<sup>4</sup> E. B i e d k a. Radziecka praca pierwsza monografią twórczości Marii Dąbrowskiej. «Literatura na świecie», 1975, № 7, s. 355.

*«Именное склонение в славянских языках. XI—XIV вв. Лингвостатистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности».* Отв. ред. Н. А. Мещерский. ЛГУ, 1974

Монография является первой частью подготавливаемого в четырех книгах коллективного труда (авторы А. С. Герд, Л. В. Капорулина, В. В. Колесов, М. П. Рускова, О. А. Черепанова) по именному склонению в славянских языках. В рассматриваемой работе представлены данные о количественном распределении именных окончаний в 44 древнеславянских памятниках, а также перечислены все окончания и их варианты, встречающиеся как в отдельных памятниках, так и в памятниках, которые расклассифицированы по жанрам (конфессиональный, конфессионально-повествовательный, канонический и летописно-хроникальный) и по странам (Русь, Болгария, Сербия). Поскольку вопросам теории и качественной интерпретации материала предполагается посвятить четвертую книгу всего исследования, то авторы в данной работе сочли целесообразным представить преимущественно эмпирический материал.

Для обнаружения основных особенностей и общих закономерностей и тенденций в развитии языковых форм при исследовании большого количества лингвистических фактов, пожалуй, решающую роль играет выбор методов анализа материала. В данном случае, авторы коллективной монографии выбрали наиболее оптимальные и эффективные приемы описания именного склонения в славянских языках — статистическую регистрацию и учет всех без исключения исследуемых фактов, встретившихся в выборках объе-

мом по 12 000 словоупотреблений каждого текста. Это, с одной стороны, позволило многоаспектно и точно описать рассматриваемое языковое явление (статистическое описание именного склонения в славянских языках представлено в семнадцати таблицах, причем на первую таблицу, в которой содержатся данные о количественном распределении всех флексий имен существительных в привлеченных древнеславянских памятниках, приходится около половины всей монографии), и с другой стороны, дало возможность выявить не только отдельные закономерности в количественной структуре и статистических изменений в именном склонении (установлена, например, ббльшая вариантность флексий в памятниках Болгарии и Сербии, чем в памятниках Руси, отражение в конфессионально-повествовательном жанре церковнославянской нормы в статистическом распределении именных окончаний, увеличение в русских памятниках имен мужского рода за счет среднего и, напротив, неуклонное уменьшение в южнославянских памятниках имен мужского рода и т. д.), но и определить время зафиксированных изменений (в XIV в., например, начинается увеличиваться частотность существительных творительного падежа множественного числа) и, что очень важно, установить их причину (например, увеличение количества именных окончаний в творительном падеже множественного числа мужского рода в русских памят-

никах связано с распространением «творительного предикативного» в русском языке, т. е. изменение грамматической функции элементов влияет на их частотность).

Статистический анализ существительных позволил также авторам работы выявить четкую закономерность в их распределении по жанрам и векам: количество имен последовательно увеличивается от конфессионального жанра до летописно-хроникального, т. е. чем меньше связан текст с религиозной тематикой, тем больше в нем существительных; количество имен увеличивается также в более поздних памятниках по сравнению с более ранними. Авторы делают вывод, что последняя закономерность связана с «отстранением от глагольности» славянских языков, однако отсутствие статистических данных о распределении в обследованных текстах слов остальных частей речи не придает этому заключению необходимой достоверности, поскольку относительное увеличение имен существительных могло, видимо, происходить также за счет уменьшения частотности слов, относящихся не только к глаголам, но и к другим частям речи.

Представляет интерес сделанное авторами работы наблюдение, что статистические данные об именных окончаниях не дифференцируют стили славянских языков (не отмечено флексий, характерных для отдельных стилей), но зато отмечено довольно большое количество окончаний и флексий, присущих только южнославянским и только русским памятникам, что, по всей вероятности, помимо внутренних причин объясняется большим воздействием на язык одних экстралингви-

стических факторов (территориальных, национальных, экономических) по сравнению с другими (социальных факторов, обуславливающих выбор тех или иных способов изложения материала).

Статистическая обработка лингвистических фактов, представленных в таблицах, выполнена в целом корректно, однако отдельные неточности, ошибки (возможно, опечатки) все же встречаются; ср.: стр. 132 — вычисление относительной частоты для чисел 73 и 1; стр. 133 — для чисел 450 и 1, 119 и 11; стр. 143 — для частот 4 и 2, 1 и 2; стр. 145 — для чисел 12 и 12; стр. 153 — для чисел 5 и 10, 2 и 1, 3 и 15; стр. 158 — дважды для чисел 2 и 1; стр. 160 — для чисел 2 и 1; неверно вычислена средняя частота для винительного и именительного падежей на стр. 198; некоторые средние частотности в таблице X на стр. 205. Непонятно, как вычислены средние частотности в таблице XVI, поскольку большинство приведенных средних частот не вытекает из представленных в рубриках таблицы чисел. Однако эти неточности на фоне громадного количества статистических данных занимают ничтожную долю и, естественно, не оказывают заметного влияния на качество статистической обработки всего материала в целом.

Коллективная монография «Именное склонение в славянских языках. XI—XIV вв.» по обилию и способу описания лингвистического материала является значительным вкладом в изучение древнеславянских памятников и представляет интерес для ученых-славистов и научную ценность для славянской филологии.

Б. А. Плотников

## БИБЛИОГРАФИЯ

**ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ, ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1975 Г.**  
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

### 1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

#### 1. Общие вопросы

Албастова Л. Н. Теория «конвергенции» в буржуазной экономической мысли. В кн. Механизм хозяйствования социалистического общества. М., 1975.

Амбарцумов Е. А. Некоторые проблемы социально-политического развития социалистического общества. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюз. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 2. М., 1975.

Бутенко А. П. Развитие социалистическое общество и его интернациональные черты. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюз. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 1. М., 1975.

Гинайте С. И. Социально-экономическое содержание социалистического образа жизни и некоторые проблемы его совершенствования. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Все-

союзн. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 2. М., 1975.

Грибакина Э. Н. Возрастание роли политической идеологии в развитом социалистическом обществе. В кн. Свердловский юридический институт. Итоги научно-исследовательской работы за 1973 г. Свердловск, 1975.

Живков Т. Высокая политическая сознательность — могучий фактор ускорения общественного развития. *Вопр. философии*, 1976, № 2.

Жиданов А. И. Социалистический образ жизни и критика антимарксистских концепций. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюзн. конф. 28—29 окт. 1974 г. М., 1975.

Загурский К. Изменение социальной структуры и социальная мобильность в Польше. В кн. Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше. М., 1976.

Зудин Ю. Ф. Некоторые вопросы строительства развитого социалистического общества в НРБ. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюзн. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 1. М., 1975.

Искендеров А. А. Страны социализма и национально-освободительное движение в Азии и Африке. *Вопр. истории КПСС*, 1976, № 2.

Кабрхелова М. Подлинное равенство женщины в социалистической Чехословакии. *Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. «Москва»*, 1975, № 5.

Кавко А. К. О современном этапе развития ПНР. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюзн. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 1. М., 1975.

Кайе В. А. Из опыта строительства развитого социализма в ЧССР. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюзн. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 1. М., 1975.

Катушев К. Ф. Тридцатая годовщина победы над фашизмом и развитие мировой социалистической системы. В кн. XXIV съезд КПСС: единство теории и практики, вып. 3. М., 1976.

Киселев В. П. Теоретические вопросы исследования социалистического образа жизни. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюзн. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 2. М., 1975.

Козик А. К. Диалектика совершенствования социалистических общественных отношений в процессе научно-тех-

нического прогресса. *Науч. труды Лаб. социол. исследований Моск. ун-та*, 1975, вып. 2.

Кузнецевский В. Д. Социалистический образ жизни и концепция потребления. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюзн. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 2. М., 1975.

Лактионов И. Д., Соколов Л. Д. О некоторых вопросах периодизации развитого социализма. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности развития в различных странах. Материалы Всесоюзн. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 2. М., 1975.

Лапшин А. О. Социалистический образ жизни и некоторые проблемы потребностей человека при социализме. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюзн. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 2. М., 1975.

Луков В. А. Вопросы идейно-организационного единства молодежного движения в условиях социализма. *Вопр. истории междунар. молодежного движения. Томск*, 1975, вып. 4.

Лушина Н. Л. Историческое место развитого социализма. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюзн. конф. 28—29 окт., 1974 г., ч. 1. М., 1975.

Макаренко Я. Программа построения развитого социализма в Польше. *Вопр. и ответы*, 1976, № 3.

Миккульский К. Две системы — два образа жизни. *Междунар. жизнь*, 1976, № 3.

Недорезов А. И. Ведущая роль рабочего класса Чехословакии в строительстве социализма. *Вопр. истории КПСС*, 1976, № 4.

Некоторые итоги и тенденции развития мирового социализма за 30 лет. В кн. *Две мировые системы: борьба и соревнование. Прага*, 1975.

Пугачев Б. И. Материальные условия социалистического образа жизни. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюзн. конф. 28—29 окт., 1974 г., ч. 2. М., 1975.

Сибилев Н. Г. Влияние успехов мирового социализма на социал-демократию. *Вопр. истории КПСС*, 1976, № 4.

Соловьев О. М. Этапы зрелости социализма. *Вестн. Ленингр. ун-та*, 1976, № 5, Экономика. Философия. Право, вып. 1.

Социальное развитие рабочего класса ЧССР. *Рабочий класс и соврем. мир*, 1976, № 2.

Сухарев А. И. Основные черты социальной структуры развитого социалистического общества. В кн. Развитие социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюз. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 2. М., 1975.

Хлебников И. Б. Динамика соотношения экономики и политики в условиях социализма. В кн. Развитие социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюз. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 2. М., 1975.

Ципко А. С. Некоторые методологические аспекты исследования социалистического образа жизни. *Вопр. философии*, 1976, № 4.

Яросиньская М., Кульпинская И. Развитие рабочего класса в Народной Польше. В кн. Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше. М., 1976.

Ярошевский Т. Социализм и эвонкатологическая интерпретация христианского гуманизма. В кн. Зарубежные марксисты о религии и церкви. М., 1975.

## 2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Буткевич В. Г. Конституционное регулирование внешних сношений СФРЮ. (По конституции 1974 г.) *Вестн. Киевского ун-та. Серия. Междунар. отношения и междунар. право*, 1975, № 2.

Васильев Ю. Отношения Швеции с социалистическими странами Европы. В кн. Международные отношения в условиях разрядки напряженности. М., 1975.

Зибарова М. С. Проблемы общеевропейского совещания. В кн. Европейская безопасность и сотрудничество: предпосылки, проблемы, перспективы. М., 1976.

Ипоземцев Н. Н. Теоретические основы ленинской политики мира. *Вестн. АН СССР*, 1976, № 2.

Ковалев А. М. Мировой революционный процесс и борьба за мир. *Науч. докл. высш. школы. Научн. коммунизм*, 1976, № 1.

Ковалов Б. А. Противоборство двух мировых систем и позиция китайского руководства. *Вопр. истории КПСС*, 1976, № 3.

Колосков И. А. Предпосылки создания системы безопасности в Европе. В кн. Европейская безопасность и сотрудничество: предпосылки, проблемы, перспективы. М., 1976.

Макаров В., Чернышев А. На пути к прочному миру и добрососедскому сотрудничеству в Европе. *«Коммунист»*, 1976, № 6.

Малухин А. М., Поспелов Д. М. КНР и страны мировой системы социализма. В кн. Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 г. М., 1975.

Морозов В. И. Материализация международной разрядки и страны — члены СЭВ. *Рабочий класс и соврем. мир*, 1976, № 2.

Морозов В. И. Страны СЭВ и материализация разрядки. *«Новая и новейшая история»*, 1976, № 2.

Новиков Р. А. Сотрудничество в деле защиты и улучшения окружающей среды. В кн. Европейская безопасность и сотрудничество: предпосылки, проблемы, перспективы. М., 1976.

Прокова Л. И. Солидарность народов СССР с народами других социалистических стран. В кн. Советский народ — новая историческая общность людей, ч. 2. М., 1976.

Проектов Д. М. Европейская безопасность в политике стран социализма. В кн. Европейская безопасность и сотрудничество: предпосылки, проблемы, перспективы. М., 1976.

Стецкий С. М. Формирование содружества европейских социалистических стран (1943—1949 гг.). В кн. Единство, рожденное в борьбе. Л., 1976.

Швейцер В. Я. Антимарксистская сущность «демократического социализма». *Вопр. истории КПСС*, 1976, № 3.

Яценко И. С. Критика буржуазных футурологических концепций развития международных отношений. *Вопр. теории и методов идеол. работы*, 1976, вып. 5.

## 3. Экономика. Экономическое сотрудничество

Абдуллаев Ш. Участие Узбекистана в советско-чехословацком экономическом и научно-техническом сотрудничестве. *Обществ. науки в Узбекистане*. Ташкент, 1976, № 3.

Азар В. И. Методы ценообразования на услуги населению в странах — членах СЭВ. *Вопр. ценообразования*, 1975, вып. 9.

Ананьин О. И. Критика антимарксистских трактовок хозяйственной реформы в ЧССР. В кн. Механизм хозяйствования социалистического общества. М., 1975.

Ангелов А. Братское сотрудничество растет и крепнет. (Болгаро-советское экономическое сотрудничество.) *Внешн. торговля*, 1976, № 3.

Арефьев В., Карпенко И. Проблемы аграрно-промышленной интеграции в странах — членах СЭВ. *Междунар. с.-х. журн.*, 1976, № 2.

Байбаков А. И., Докучаев В. И. Формирование системы международных



экономических организаций стран — членов СЭВ (сущность, задачи, организационные формы). В кн. Вопросы организации и управления народным хозяйством социалистических стран на современном этапе. М., 1976.

Байбаков А. И., Журков А. А. Совершенствование механизма международного социалистического кредита. В кн. Вопросы организации и управления народным хозяйством социалистических стран на современном этапе. М., 1976.

Батици Э. Э. Значение проблемы повышения эффективности общественного производства в странах СЭВ на современном этапе. В кн. Развитие социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюз. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 2. М., 1975.

Богачевский Г. Развитие внешней торговли стран — членов СЭВ. Экономика Сов. Украины. 1976, № 3.

Богодист И. П., Тертишник Н. М. Зміцнення інтернаціональних зв'язків між трудовими колективами Донбасу і братніх соціалістичних країн (1959—1971). Укр. іст. журн., 1976, № 2.

Бороздин Ю. В., Зангвиль А. З. Методы стимулирования технического прогресса и повышения качества продукции с помощью цен в странах — членах СЭВ. Вопр. ценообразования, 1975, вып. 9.

Бух М., Фрумкин Б. Социалистическая аграрно-промышленная кооперация и интеграция. Вопр. экономики, 1976, № 4.

Весоловский В., Анаш М. Изменения социальной структуры в народной Польше. В кн. Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше. М., 1976.

Вишнякова И. В. Социалистическая Федеративная Республика Югославия. В кн. Методологические проблемы регионального развития европейских социалистических стран. М., 1976.

Гончарова Н. П. Опыт аграрно-промышленного кооперирования в Венгрии и Болгарии. В кн. Методологические проблемы региональной экономики. М., 1976.

Горизонтов Б. Б., Дмитриев А. В. Сотрудничество стран — членов СЭВ в строительстве транспортных объектов. Экономика стр-ва, 1976, № 5.

Григорьев В. Несостоятельность некоторых буржуазных концепций экономических отношений между Востоком и Западом. В кн. Международные отношения в условиях разрядки напряженности. М., 1975.

Гринев В., Хромов В. Эффективность международной специализации и кооперирования производства. План. хоз-во, 1976, № 3.

Грошек М. Развитие торговли между социалистическими странами и промышленно развитыми странами капитализма как важный результат разрядки международной напряженности. В кн. Международные отношения в условиях разрядки напряженности. М., 1975.

Данов К. С. Кредит Международного инвестиционного банка. «Деньги и кредит», 1975, № 11.

Данов К. Кредиты МИБ, их роль в решении народнохозяйственных проблем стран — членов банка. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1975, № 6.

Даньшина В. Некоторые черты распределительных отношений в ЧССР на современном этапе. В кн. Развитие социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюз. конф. 28—29 окт. 1974 г. М., 1975.

Дудин Г. А. Социальные последствия социалистической и капиталистической экономических интеграций (На примере СЭВ и ЕЭС). В кн. Научный коммунизм: проблемы и исследования, вып. 7. М., 1975.

Жамин В., Перевертайло В. Сближение и выравнивание уровней развития стран социализма. Вопр. экономики, 1976, № 4.

Залесский В. Из опыта развития промышленности Польской Народной Республики. План. хоз-во, 1976, № 3.

Зарев К. Роль многостороннего сотрудничества в решении основных задач седьмой пятилетки. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. 1975, № 6.

Зиндерман Х. Экономическая интеграция суверенных государств. В кн. Две мировые системы: борьба и соревнование. Прага, 1975.

Зубков А. И. СССР и решение топливно-энергетической и сырьевой проблемы в странах СЭВ. «История СССР», 1976, № 1.

Иванов Ю. Магистральный путь развития социализма. Междунар. жизнь, 1976, № 3.

Ижик В. Миграция населения в новые промышленные районы в Польше. Вестн. Ленингр. ун-та, 1976, № 5.

Иовчук С. М. Экономическое сотрудничество социалистических стран на этапе развитого социализма. В кн. Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1976.

Калтахчян Н. М. Роль внешне-экономических связей в социалистическом расширенном воспроизводстве. В кн. Общественное воспроизводство. Общие проблемы и воспроизводство рабочей силы. М., 1976.

Капитонов В. Важный рычаг экономической интеграции стран СЭВ. Междунар. жизнь, 1976, № 4.

Караманев Г. Организация оптовой торговли в Болгарии. Сов. торговля, 1976, № 4.

Карцев В. Внешняя торговля Болгарии. План. хоз-во, 1975, № 11.

Ковалевский Ю. Польша в международном промышленном сотрудничестве. Вопр. экономики, 1976, № 3.

Конюшко В. Сочетание двустороннего и многостороннего сотрудничества в решении научно-технических проблем. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. 1975, № 6.

Копець А. Участие польского машиностроения в международном социалистическом разделении труда. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. 1975, № 6.

Кормнов Ю., Фрумкин Б. Проблемы международной социалистической аграрно-промышленной интеграции. Междунар. с.-х. журн., 1976, № 2.

Корольков В. Е. Изменение пропорций — как фактор повышения эффективности общественного производства в условиях международного социалистического разделения труда. В кн. Вопросы финансов и финансы отраслей народного хозяйства. М., 1975.

Косыгин А. Н. К новым успехам стран социалистического содружества. Выступления на XXIX сессии Совета Экономической Взаимопомощи. В кн. XXIV съезд КПСС: единство теории и практики, вып. 3. М., 1976.

Крашениников А. Социалистическая интеграция и кооперация. Сов. потреб. кооперация, 1976, № 3.

Куршин А. Координация работ автотранспортников стран — членов СЭВ. Автомоб. транспорт, 1976, № 4.

Левиков Г. А. К научно-техническому сотрудничеству стран — членов СЭВ в области морского транспорта. Материалы по морскому праву и междунар. торг. мореплаванью, 1976, вып. 9.

Лещев А. XXVI заседание Постоянной комиссии СЭВ по статистике. Вестн. статистики, 1976, № 3.

Мазуров В. К., Байбаков А. И. Формирование и развитие механизма управления социалистической экономической интеграцией. В кн. Вопросы организации и управления народным хозяйством социалистических стран на современном этапе. М., 1976.

Майорова Е. Л. Развитие народного хозяйства ЧССР в 1975 г. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1976, 13 марта, № 29.

Маринко С. И. Комплексная программа экономической интеграции — важный этап развития мировой системы социализма. В кн. Вопросы организации и управления народным хозяйством социалистических стран на современном этапе. М., 1976.

Матвеев С., Драгомарецкий С. Теоретическая и методологиче-

ская несостоятельность буржуазных трактовок ценообразования в условиях социализма. Экономика Сов. Украины, 1976, № 2.

Миккульский К. И. Современный этап формирования и совершенствования экономики развитого социалистического общества в странах социалистического содружества. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюзн. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 1., М., 1975.

Милованов В. Сотрудничество расширяется. СССР — СФРЮ. Междунар. жизнь, 1976, № 3.

Михайлов В. И., Гуляев Ф. С. Сохранение сельскохозяйственных культур в социалистических странах. «Финансы СССР», 1976, № 3.

Моисеевко В. Специализация и кооперирование производства — важный фактор развития взаимной торговли стран — членов СЭВ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. 1975, № 6.

Монич Ю. И. Совершенствование отраслевой структуры промышленности в условиях социалистической экономической интеграции. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1976, № 1.

Морозов В. Совместные организации стран — членов СЭВ. Вопр. экономики, 1976, № 4.

Назаров В. В. Внешняя торговля стран — членов СЭВ и расширенное социалистическое воспроизводство. В кн. Общественное воспроизводство. Общие проблемы и воспроизводство рабочей силы. М., 1976.

Научно-техническая революция — важнейший участок соревнования двух систем. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1976, № 2.

Научно-техническое сотрудничество стран — членов СЭВ в области пищевой промышленности. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. 1975, № 6.

Новиковский С. Сближение общественных групп в процессе социалистической индустриализации в Польше. В кн. Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше. М., 1976.

Новотны Б., Степанов Ф. Основные направления технического перевооружения легкой промышленности. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. 1975, № 6.

Организационно-методические, экономические и правовые основы научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ и деятельности органов СЭВ в этой области. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. 1975, № 6.

Петров К. Комплексное использование электронно-вычислительной техники в управлении сельским хозяйством. Междунар. с.-х. журн. 1976, № 2.

Рисованный И. М. Выравнивание уровней экономического развития и уровня жизни в условиях социалистической интеграции. Уч. зап. кафедр. обществ. наук вузов Ленинграда. Полит. экономия, 1975, вып. 16.

Розенберг М. Г. Некоторые вопросы применения общих условий поставок СЭВ в практике внешнеэкономической арбитражной комиссии. Материалы секции права Торг.-пром. палаты СССР, 1975, № 28.

Рыбаков О. К. Внешнеэкономические связи СССР в новом пятилетии. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1976, № 2.

Семенов А. Новые рубежи социалистической интеграции. Мировая экономика и междунар. отношения, 1976, № 1.

Сидоренко А. Геологоразведочные работы и охрана недр в свете развития сотрудничества стран — членов СЭВ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 6.

Сокол Т. И. Народная Республика Болгария. В кн. Методологические проблемы регионального развития европейских социалистических стран. М., 1976.

Сорок третье заседание Постоянной Комиссии СЭВ по сельскому хозяйству. (Росток, 24—28 ноября 1975 г.) Междунар. с.-х. журн., 1976, № 2.

Социалистическая экономическая интеграция в цифрах и фактах. В кн. Две мировые системы: борьба и соревнование. Прага, 1975.

Степаненко С. Стандарты СЭВ и внешняя торговля стран социалистического содружества. Внешн. торговля, 1976, № 3.

Страны — члены СЭВ обмениваются опытом планирования. План. хоз-во, 1975, № 11.

Тимашев А. К., Вишнякова И. В. Польская Народная Республика. В кн. Методологические проблемы регионального развития европейских социалистических стран. М., 1976.

Тимашев А. К. Чехословацкая Социалистическая Республика. В кн. Методологические проблемы регионального развития европейских социалистических стран. М., 1976.

Титов Б. В. Особенности хозяйственного расчета в области внешнеэкономических связей стран — членов СЭВ. В кн. Хозяйственный расчет в условиях развитого социализма. Саратов, 1975.

Титов Б. В. Развитие сотрудничества и социалистической экономической интеграции как фактор роста уровня жизни народов стран — членов СЭВ. В кн. Социалистический образ жизни и народное благосостояние. Саратов, 1975.

Третье заседание Комитета СЭВ по сотрудничеству в области материально-технического снабжения. Материально-техн. снабжение, 1976, № 3.

Турский Р. Изменение общест-

венно-профессиональной структуры деревни. В кн. Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше. М., 1976.

Улин С. Некоторые вопросы экономических взаимоотношений социалистических и капиталистических стран Европы в условиях разрядки международной напряженности. В кн. Международные отношения в условиях разрядки международной напряженности. М., 1975.

Фомин Н. Д. Из истории интернациональных связей родины Ильича. В кн. Вопросы истории КПСС. Ульяновск, 1975.

Хахина Л. К. Разработка направлений совершенствования системы цен в торговле между странами СЭВ на перспективу. Вопр. ценообразования, 1976, вып. 2.

Христов Н., Зворыгин Ю. Международное научное совещание. План. хоз-во, 1976, № 1.

Хэрничек Б. Плодотворные итоги деятельности польско-венгерского горного акционерного общества «Халдэкс». Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 4.

Ценков Ц. Использование собственных топливно-энергетических ресурсов НРБ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 5.

Чунтулов А. Развитие кредитных связей «Восток — Запад» в начале 70-х годов. В кн. Международные отношения в условиях разрядки международной напряженности. М., 1975.

Шитов В. Совершенствование сотрудничества стран — членов СЭВ в прогнозировании и планировании развития науки и техники. В кн. Международные отношения в условиях разрядки международной напряженности. М., 1975.

Шмелев Н. Мирное сосуществование и экономическое сотрудничество. Мировая экономика и междунар. отношения, 1976, № 4.

Штроугал Л. Международное значение экономических успехов социализма. В кн. Две мировые системы: борьба и соревнование. Прага, 1975.

Шуркалин А. К. Государственная монополия внешней торговли в условиях социалистической экономической интеграции. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1976, № 1.

Экономическая интеграция в современном мире. В кн. Две мировые системы: борьба и соревнование. Прага, 1975.

Юданов Ю. И. Сотрудничество в области экономики. В кн. Европейская безопасность и сотрудничество: предпосылки, проблемы, перспективы. М., 1976.

#### 4. Коммунистические партии социалистических стран

Белявский В. Ф. Реформистская фальсификация роли коммунистической

партии в политической организации социалистического общества. В кн. Государство и право социалистического общества. Владивосток, 1975.

Встреча в Варшаве руководителей коммунистических партий социалистических стран. Варшава, 9 декабря 1975 г. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1976, № 2.

Колесник В. П. Співробітництво місцевих комітетів КПРС і ПОРП прикордонних областей Радянського Союзу і воєводства Польської Народної Республіки (1956—1975 гг.). Укр. іст. журн., 1976, № 3.

Мельникова Е. Б. Социальные последствия аграрной политики ПОРП на современном этапе. Вопр. классовой борьбы и классовой психологии, Горький, 1975, вып. 2.

Петренко Ф. Коммунистическая партия в социалистическом обществе. «Коммунист», 1976, № 5.

Руководители коммунистических и рабочих партий о международной роли КПСС и советского государства. «Новая и новейшая история», 1976, № 1.

Совещание секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий социалистических стран (Варшава, 26 янв. 1976 г.). «Проблемы мира и социализма». Прага, 1976, № 3.

Фрелек Р. Единство, братство, сотрудничество. VII съезд ПОРП. Задачи партии и государства в области построения развитого социалистического общества. «Коммунист», 1976, № 3.

Шидляк Я. Стратегия ускоренного развития. К итогам VII съезда ПОРП. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1976, № 2.

Якушов А. И. Политика коммунистических партий социалистических стран по преодолению существенных различий между городом и деревней. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюз. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 2. М., 1975.

##### 5. Государственное строительство. Право

Авдеева А. И. Пути утверждения новой власти и особенности строительства развитого социалистического общества. В кн. Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюз. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 2. М., 1975.

Ашихмин А. А. Правовое положение национальных меньшинств в социалистических странах Европы. Научн. труды Свердл. юрид. ин-та, 1975, вып. 43.

Боброва Д. В. Система зобов'язань із правопорушень у цивільному

законодавстві Чехословацької Соціалістичної Республіки. Вісн. Київського ун-ту. Сер. права, 1975, № 16.

Бозриков О. В. Допуск иностранных судов к спасательным и судоподъемным операциям в прибрежных водах (практика НРБ, ГДР, ПНР и СССР). Материалы по морскому праву и междунар. торг. мореплаванню, 1975, вып. 9.

Вылчев З. М. Некоторые тенденции в отношении болгарской православной церкви к науке. Вопр. научн. атеизма, 1976, вып. 19.

Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Болгарией о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1976, № 8.

Зевец Г. Социологические исследования «традиционного католицизма» в Польше. Вопр. научн. атеизма, 1976, вып. 19.

Кашулин В. С., Шилова Г. Ф. О некоторых тенденциях в развитии коммунистических союзов молодежи социалистических стран. Вопр. истории междунар. молодежного движения, Томск, 1975, вып. 4.

Китченко В. Г. Использование метода судебно-психологического анализа в деятельности органов правосудия Польской Народной Республики. В кн. Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР, вып. 4. Калининград, 1975.

Ковачев Д. А. Право на правотворчество в европейских социалистических государствах. Вестн. Моск. ун-та. Право, 1976, № 1.

Малешина М. С., Сарайкин С. Р. Вопросы организации судебно-психиатрической экспертизы в европейских социалистических странах (по материалам литературы). В кн. Вопросы организации судебно-психиатрической экспертизы. М., 1975.

Митрофанова Е. В. Роль профсоюзов социалистических стран в развитии организационного отдыха трудящихся (На примере СССР и ПНР). В кн. Вопросы теории и практики международного профсоюзного движения. М., 1975.

Нефедов В. И. Правовые основания изменения трудового договора с работниками плавающего состава морских судов по законодательству СССР, ГДР, ПНР, НРБ. Тр. Центр. научн.-исслед. ин-та мор. флота, 1976, вып. 207.

Радева Р. С. Новый уголовно-процессуальный кодекс НРБ. Сов. государство и право, 1976, № 4.

Савинов В. Процессуальное положение потерпевшего по УПК Польской Народной Республики. Сов. юстиция, 1975, № 20.

Скрипко В. Р. Понятие «изобретение» в праве европейских социалистических

ких стран — членов СЭВ. *Вопр. изобретательства*, 1976, № 3.

Тиле И. Подлинное равноправие женщин стран — членов СЭВ — одно из крупных достижений социализма. *Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ*. 1975, № 6.

Чубиньский Л. Деятельность прокуратуры ПНР в борьбе с правонарушениями. *Соц. законность*, 1976, № 2.

Шалашова Н. Государственная валютная монополия и валютное законодательство в СССР и других социали-

стических странах. В кн. *Международные отношения в условиях разрядки напряженности*. М., 1975.

Шевцова Л. Ф. Некоторые проблемы деятельности непролетарских демократических партий в политической системе социализма. В кн. *Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах*. Материалы Всесоюзн. конф. 28—29 окт. 1974 г., ч. 2. М., 1975. |

## СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

*«Исторически преглед»*, 1976, № 1

Д. Косев, В. Паскалева. XIV Международный конгресс исторических наук и участие в нем болгарских историков; О. Междракова-Чавдарова. Об идейно-политической подготовке и связи Апрельского восстания с предшествующими этапами национально-освободительной борьбы; А. Вылчев. Турецкие вооруженные силы во время Апрельского восстания и их роль в подавлении восстания.

*«Литературна мисъл»*, 1975, № 6

П. Зарев. Поэт и драматург; В. Чернокочев. Философские поэмы Пенчо Славейкова; О. Дейкова. Стихи Вазова первых сборников; Д. Петканова-Готева. Староболгарский книжник и античная культура; Е. Слизински. Рецензия произведений Паисия Хилендарского в Польше за последние шестьдесят лет; К. Мирчев. Проблема правописания в эпоху Возрождения.

1976 № 1

П. Зарев. Лирическое и эпическое в творчестве Веселина Андреева; Е. Каранфилов. Художник Захари Стоянов; З. Петров. Великий революционный эстетик; П. Динков. Проблемы многотомной истории литературы; М. Храпченко. Размышления о систематическом анализе литературы; М. Василев. Болгарский рассказ между двумя мировыми войнами: новое в типологии героя; Й. Холевич. Сентиментализм и литературное развитие в эпоху Возрождения; Р. Димчева. Происхождение сатиры; С. Баева. По следам рукописей.

1976, № 2

З. Петров. Апрельский путь; Т. Жечев. Исторический роман после Апрельского пленума; Г. Димов. Апрельская эпопея и национальный литературный процесс; Е. Георгиев. Апрельское восстание в славянских литературах; Д. Лекков. Традиции Каравелова и Ботева и болгарская революционная журналистика и публицистика времен Апрельского восстания; Л. Георгиев. Первый опыт написания романа об Апрельском восстании («Десятидневное царство» А. П. Шопова); В. Смоховска-Петрова. Польский роман об Апрельском восстании («На заре» Т. Т. Ежа).

*«Език и литература»*, 1975, № 4

Е. Теодоров. Болгарский народный эпос; С. Иванчев. К вопросу о создании болгарской национальной ботанической терминологии; Г. Неделчев. Жанровая форма и поэтический синтаксис «Диких рассказов» Хайтова; В. Николова. Влияние импрессионизма на «Рыцарский замок» Ясенова.

№ 5

К. Петкова. Советская тема в публицистике Христо Смирненского; Г. Винквист. Вербальность и номинальность отлагательных существительных в современном болгарском литературном языке; С. Стоянов. О различении летнѣ/лѣтъ ти в «Азбучной молитве»; М. Одран. Влияние словацкого языка на язык болгар в Словакии.

№ 6

К. Топалов. Сюжетная модель поэзии Возрождения — типология поэтического мышления; В. Бакалова. Семантические особенности и функ-

ции междометий; П. Радева. Группа префиксальных глаголов в современном болгарском литературном языке; П. Пенев. Диалектные различия в развитии юса большого в среднеболгарский период.

*«Български език», 1975, № 6*

25-летие журнала «Български език»; А. Давидов. Мерданский список «Истории» Паисия Хилендарского (вторая половина XIX в.); Р. Цойнска. Глагольные времена и наклонения в языке И. Кырковского; М. Сл. Младенов. Из истории болгарской диалектологии. Неофит Рыльский — родоначальник болгарской диалектологии; Вл. Мурдаров. Категория вида у отглагольных существительных со значением лица.

*«Zeitschrift für Slawistik», 1976, № 1*

В. Кальвайт. К открытию конференции; Г. Цигенгайт. Введение в тематику международной литературоведческой конференции «Ответ миру»; Г. Ломидзе. Многонациональная советская литература в историческом опыте; С. Жулкевский. Литература в подполье; З. Зентек. Опыт войны с точки зрения двух польских традиций — исторической и национально-объединительной; Б. Крефт. Воспоминания о возникновении югославского рабочего театра; Т. Жечев. Антифашистская борьба и развитие современного болгарского романа; Ш. Влашин. Чешская антифашистская писательская организация в 30-е годы; Ф. Иозеф. Венгерская антифашистская литература в начале 20-х годов; Г. Шауманн. Преодоление будничности как эстетическая проблема советской литературы 20-х и 30-х годов; К. Каспер. Историческое право человека в рассказах Чингиза Айтматова; Р. Хагер. О значении Великой Отечественной войны для создания литературных образов героев в рассказе В. Тендрякова «Три мешка сорной пшеницы»; Н. Тун. Ренессанс Толстого во время второй мировой войны и его литературные последствия; Ф. Мирю. «Люди одного костра» Сергея Третьякова (1936); И. Зеехазе. «Расширенное художественное пространство» в ЧСР в 1933—1938 гг.; Л. Артунов. Тема Великой Отечественной войны и развитие социалистического реализма в современной советской литературе.

*«Z pola walki», 1976, № 1*

И. М. Кривогуз. В. И. Ленин и советская историография международного рабочего движения нового времени; И. Якош. Генезис Румынской комму-

нистической партии; И. Кобердова. «L'Homme» (Jersey, 1853—1855) — международный социалистический журнал; К. Венх. Организационное развитие и система функционирования Польской социалистической партии в 1918—1921 гг.; Х. Пясэцкий. Коммунистическая партия Польши в дни майского переворота в 1926 г.

*«Pamiętnik Literacki», 1976, № 1*

С. Эйле. Алогичность и случай в прозе Жеромского; Е. Кондзеля. Основные ценности «Дневников» Жеромского; К. Гурский. Замечания о рассказе Стефана Жеромского «Эхо лесов»; Я. Кухарский. Идеи и композиционные функции Сментека в «Ветре с моря»; А. Клоковская. Общественное восприятие литературы на примере произведений Жеромского; К. Бартошиньский. Об исследовании сюжетных структур; М. Гроховский. О понятии эллипсиса; Б. Струминьская. Установление авторства и территориального происхождения авторов на основе глаголов с формантами *-ow/-a-wa-/-yw-*.

*«Slavia orientalis», 1975, № 3*

Г. Поповская-Таборская. Работы советских языковедов по этногенезу славян после 1950 г.; В. Витковский. Вклад поляков в изучение восточнославянских языков; Г. Сафаревич. В СССР о польском языке; В. Чекман. Аканье. Сущность явления и его происхождение.

№ 4

Б. Бялкович. Творчество Шолохова и тенденции развития советской литературы межвоенного периода; А. Овчаренко. Место и роль Шолохова в современной литературе; Ф. Неужный. Гуманизм Шолохова; П. Палиевский. Художественное новаторство Шолохова; М. Заградка. Борьба с шаблонами и правда войны в «Тихом Доне»; Т. Позняк. Человек и история в «Войне и мире» Льва Толстого и «Тихом Доне» Шолохова; П. Ивинский. Место «Тихого Дона» в эволюции жанра эпоса; Э. Ковальский. Историзм и художественная ценность «Тихого Дона»; В. Пономарев. Социальная трагедия Мелеховых; П. Выходцев. Шолохов и Твардовский (проблема народности русской советской литературы); А. Кмита. Шолохов и Горький; В. Хабин. Творчество Шолохова и реализм XX столетия; Я. Урбаньска-Слиш. Из истории рецензии Шолохова в Польше; Ю. Аниккин. Военная проза Михаила Шолохова;

Г. Поремба. Великая Отечественная война СССР в творчестве Шолохова.

«*Ceskoslovenský časopis historický*», 1976, № 2

Л. Слезак. КПЧ в борьбе за осуществление первого этапа послевоенной земельной реформы в Чешских землях; Й. Полачек. Внутривластительский кризис республики Мали летом 1967 г.; Э. Маур. Программа народных движений в Чехии и в Моравии в 1525 году; З. Гледкова. К вопросам взаимоотношений церковной и светской властей в Чехии во второй половине XIV века.

«*Historický časopis*», 1976, № 1—2

Л. Голотик. Ретроспекция, состояние и задачи словацкой историографии; Р. Маршина. Словацкая историография о периоде раннего и развитого феодализма; М. Кучера. Генезис государства и феодального общества в Словакии в зеркале новейшей словацкой историографии; Й. Вонар. Словацкая историография периода позднего феодализма в 1960—1975 гг.; Д. Леготская. Вспомогательные и исторические науки в 1960—1975 гг. Их развитие, оценка и перспективы; Я. Гучко. Состояние и задачи исследования словацкого национального Возрождения; Л. Тайтак, М. Потемра. Словацкая историография периода повышенного национального гнета; М. Гронский. Словацкая историография о национально-освободительной и революционной борьбе словаков (1914—1918 гг.); З. Голотикова. Историография этапа обостренной национальной и классовой борьбы; П. Канис. Развитие взглядов на Словацкую советскую республику; Н. Крайчовичова. Политическое развитие домюнхенской ЧСР в первом десятилетии в словацкой историографии; А. Бартлова. Словацкая историография о домюнхенском периоде за последние 15 лет; И. Каменец. Тенденции в словацкой историографии, посвященной истории 1938—1945 гг.; М. Вартикова. Историография истории социалистического периода; М. Барновский. К некоторым вопросам словацкой историографии новейшего времени.

«*Slovanský přehled*», 1976, № 1

А. И. Недорезов. Изменения социально-классовой структуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы и их влияние на развитие социалистического содружества; М. Гесиоровский. Словацкое социалистическое движение в США и образование КПЧ; Ф. Шром. Ленинское решение

крестьянского вопроса в СССР и некоторые вопросы борьбы против ревизионизма.

№ 2

Я. Вавра. Чехословацко-советский институт в 1950—1954 гг.; К. Герман. Чехословацко-советский институт ЧСАН в 1954—1963 гг.; Ч. Аморт. Чехословацко-советский институт ЧСАН в 1964—1976 гг.; Й. Грозиевич. Чехословацко-советский институт Словацкой академии наук; И. Колейка. Южные славяне и «большой восточный кризис» 1875—1878 гг. Европейские социалисты о восточном вопросе.

«*Ceská literatura*», 1975, № 5

Л. Штолл. Итоги и благодарность; С. В. Никольский. Изучение чешской и словацкой литературы в СССР; Ш. Влашин. От цивилизационной поэзии к поэзии пролетарской; Р. Пытлик. Видем Завада; Ф. Вшетичка. Композиция «Баллады о матросе» Волькера.

№ 6

Р. Р. Кузнецова. Отношение социалистического реализма к другим художественным системам; Й. Петерка. Заметки о лирике Франтишка Бланислава; В. Бехынева. Славянские поэтические жанры и жанровые варианты в литературе чешского национального Возрождения; В. Куделька. Драма и время; Ш. Влашин. Марксистский историк литературы и критик; Б. Свэдтова. Роль исторической концепции Эденека Нееды в его подходе к чешской литературе после 1945 г.; П. Чорней. Значение журнала «Вар» для нашей литературы в 1948—1953 гг.; Я. Ланг. Воспоминания и приветствия Л. Шпачковой.

1976, № 1

Я. Дворжак. О новейших литературоведческих исследованиях по бегемистике; Р. Пытлик. Жанровые картинки Игната Геррманна; М. Рженкова. О «нештатской» прозе Карлины Светлой; В. Мацура. Мифология «Дочери Славь»; Я. Колар. Молодые годы Вацлава Бржезана.

«*Slavia*», 1975, № 4

Ш. Ондруш. Праславянское происхождение чешских названий собаки «*věžník*» и «*vyžle*»; Я. Петр. Забота Якуба Барта-Чишиньского о культуре речи. Я. Пеликан. Тема Татр в чешской литературе.

## «Slovenská literatúra», 1976, № 1

С. Шматлак. Ранняя проза Петра Илемницкого; М. Томчик. Перевод и отношение словацкой литературы периода между двумя мировыми войнами к другим литературам; Я. Грегорец. К эволюции поэзии Яна Брезины; Й. Гвишч. Эволюция словацкой исторической прозы.

## «Slovenská reč», 1976, № 2

Ф. Штеляр. «Slovenskije narodňje povíni» и их значение в формировании словацкого литературного языка; А. Габовштjak. Географическая терминология и этимология; М. Майтанова. Образование форм двойственного числа и употребление их в словацком языке дописьменного периода.

## «Slovo a slovesnost», 1975, № 4

И. Краус. Язык и стиль в общественной интеракции; А. Фидлерова. О развитии имен pluralia tantum в чешском; Б. Боровичкова, В. Малач. Классификация звонких согласных в чешском (о сущности противопо-

ставления парных согласных в чешском); Ф. Вшетичка. Композиция баллады Безруча «Bernard Zág».

## 1976, № 1

П. Трост. Пересечение кодов; В. Мокниенко. Диалектическое соотношение «имплицитность : эксплицитность» и развитие фразеологии; Р. Сгалл, Я. Паневова. Содержание, значение и грамматика на семантической основе; Я. Легар. Поэтическое мастерство «Хроники» Далимила.

## «Jezik», 1975/76, № 1

И. Шкарич. Различительные признаки; В. Барац-Грум, В. Зечевич. Faktor, činilac, činitelj, činbenik; В. Анич. Наречные частицы в современном языке.

## «Jezik in slovstvo», 1975/76, № 2

Ф. Задрavec. Йосип Видмар о критике и ее критериях; Й. Махнич. Сотрудничество Жупанчица в «Матице Словенской»; Й. Шифрер. От Шкюфья Лока до Краля.



## CONTENTS

*I. I. Lukomnik, N. I. Salekhov.* The USSR great contribution to the liberation of the countries of Central and Southern Eastern Europe. *A. M. Dikunova.* External economic connections between Yugoslavia and the developing countries. *G. I. Eremejeva.* From the history of the Czech bourgeois radicalism ideology of the second half of the XIX century (J. V. Frich's journal «Blanik»). *I. Kostyushko.* Regulation and buying back of feudal services in Silesia in 1816—1849. *F. Bezlaj.* German *Himmel(reich)* and slavic \**irijь, vyrijь* . . . . . 3

### The History of slavistics

*R. Górski* (Poland). About the achievements of the Polish folk-lore studies. *D. Bovois* (France). Main stages of the development of the slavic studies in France 69

### PEOPLE, EVENTS, FACTS

*M. A. Birman.* Bogdan Barov — author of the first novel about the bulgarian workers . . . . . 96

### REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

*K. Bolshakova.* Je. Jaros. Historia górnictwa węglowego w Polsce Ludowej (1945—1970). *T. Kurgunian.* The valuable investigation on the history of international relations in Europe in the 1920—1930. *V. A. Tesemnikov, V. K. Terekhov.* Ю. А. Писарев. Образование югославского государства (Первая мировая война. Освободительная борьба югославских народов Австро-Венгрии. Крушение монархии Габсбургов). *B. Florya.* «Poselstvi z Prahy do Moskvy roku 1589». *I. K. Gorski.* Ya. V. Stanyukovich. Maria Dombrovskaya's realism. *B. A. Plotnikov.* Nominal declension in the slavic languages of the XI — XIV centuries. Linguistic statistic parsing according to the ancient slavic written monuments . . . . . 100

### Bibliography

The main articles and materials of the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the soviet periodicals in 1975 (continued). The contents of foreign periodicals . . . . . 109

Технический редактор *Е. В. Синицина*

---

Сдано в набор 10/VI-1976 г. Т-16508 Подписано к печати 23/VIII-1976 г. Тираж 1255 экз.  
 Зак. 720 Формат бумаги 70×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub> Усл. печ. л. 10,5 Бум. л. 3<sup>3</sup>/<sub>4</sub> Уч.-изд. л. 11,6

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

№ 17

Б ОРДЫНКА 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ Н И

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

К